

ВОЛГОГРАДСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ  
им. А. С. СЕРАФИМОВИЧА

СЕМАНТИКО-СИСТЕМНЫЕ  
ОТНОШЕНИЯ  
В ЛЕКСИКЕ ГЕРМАНСКИХ  
И РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

(ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РОМАНО-ГЕРМАНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ)

Выпуск 11

Редколлегия: доц. Виноградова В. С. (редактор),  
доц. Сычева Л. Н., доц. Чуприна Т. С.

991986

ВОЛГОГРАД 1981

*Печатается по постановлению редакционно-издательского совета  
Волгоградского педагогического института*

Межвузовский сборник является продолжением выпусксов «Исследований по романо-германскому языко-знанию». В нем рассматриваются системные отношения на лексико-семантическом (семасиологическом) и словообразовательном уровнях. Анализируются формальная и содержательная стороны отдельных структурных единиц этих уровней, выявляются их парадигматические и синтагматические характеристики, предлагаются новые способы варьирования лексического значения; прослеживается влияние системного характера лексических и словообразовательных единиц на их функционирование в определенных контекстах.

Полученные авторами теоретические данные дают возможность более глубокого проникновения в сущность лексического значения и являются полезными для дальнейших изысканий в области семантико-системных отношений в лексике.

Материалы статей могут быть использованы в теоретических и практических курсах германских и романских языков.

# СЕМАНТИКО-СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

И. В. СЕНТЕНБЕРГ

## ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ВАРЬИРОВАНИЯ

В данной статье мы продолжаем разработку подхода к лексическому значению слова, изложенного нами в общих чертах ранее<sup>1</sup>. Акцент делается на соотнесенности значения с разными видами понятий, а также на соотнесенности значения слова и его информационного потенциала. Многие спорные вопросы в трактовке слова и его значения обусловлены, по нашему мнению, недифференцированным подходом к слову, смешением разных планов или уровней его функционирования, а также динамичностью, вариативностью и некоторой расплывчатостью лексического значения.

В связи со сложившимся в науке о языке противопоставлением «язык (как система) ↔ речь (речевая деятельность, речевая норма) ↔ речевой акт (высказывание, текст)» представляется оправданным рассмотрение значения в трех аспектах, а именно: значение слова как целостной единицы, противопоставленной другим словам — единицам лексического уровня, например, глагол *look* в отличие от существительного *speech* и глагола *speak*; значение слова в одном из его лексико-семантических вариантов или словозначений, зафиксированных в норме языка, например, глагол *look* в значении «смотреть, глядеть» в отличие от значения «выглядеть, казаться»; значение слова или лексико-семантического варианта слова в одной из его текстовых реализаций; сравним, например, *He was looking at the papers* (он смотрел на бумаги) и *He was looking through the papers* (просматривая, бегло читал бумаги), где один и тот же лексико-семантический вариант глагола *look* служит для обозначения разных действий.

Мы придерживаемся общепринятой в советском языкоznании точки зрения о том, что не являясь тождественными, значение слова и понятие представляют неразрывное един-

ство. Однако в отличие от имеющихся концепций мы вычленяем три формы проявления значения слова и связываем их с разными типами понятий. Понятия, как и слова, неоднородны<sup>2</sup>. По характеру абстракции и ведущему способу реализации в языке подразделяем понятия на следующие основные группы: 1) понятие о признаке, объединяющем или соотносящем разные классы предметов, явлений, процессов; например, понятие о признаком движения объединяет разные классы предметов и явлений объективной действительности (человек и животное, явления природы и средства передвижения и т. п.); 2) понятие о классе предметов или явлений, объединенных общим признаком или рядом общих признаков; например, понятие о классе «человек» с признаками: существо мыслящее и говорящее; 3) понятие об элементе класса, обладающем признаками класса и своими сиутативно значимыми индивидуальными признаками; например, *John's charming wife*, где *wife* содержит признаки класса (*a married woman*) и индивидуальные характеристики (*John's wife*, *John's charming wife*); 4) понятие о признаке элемента класса; например, *John's charming wife adored her husband very much*, где глагол *adore* в сочетаемости с относящимися к нему словами определяет процесуальный признак элемента класса (*John's charming wife*).

Понятие о признаке, объединяющем и соотносящем разные классы предметов и явлений, выражается, как правило, многозначным словом. Так, например, существительное *man* в английском языке обозначает содержательный признак «человеческий, свойственный человеку», а глагол *go* — бытыйный признак передвижения, перемещения в пространстве и времени.

Понятие о классе преимущественно выражается однозначным существительным или лексико-семантическим вариантом многозначного существительного (словозначением), например, *wife* в значении «жена», *man* в значении «слуга».

Понятие об элементе класса и признаке элемента класса выражается в тексте, в контекстной сочетаемости данного слова с другими словами. Сравним *man* и *go* как словарные единицы и их текстовые реализации: *Mr Brown is a man of few words. Mrs Brown went to France by steamer.* Слово *man* в составе приведенного выше предложения выражает признаки класса (*an adult male human being*) и служит названием элемента класса (*an adult male human being who is Mr Brown and who speaks little*). Глагол *go* в контексте данного высказа-

зываия означает sail и называет бытийный признак элемента класса.

Многозначное слово, взятое как целое, как единица лексической системы, имеет значение, сигнификативную и денотативную функции. Оно выражает понятие о признаком (признаках) и служит средством обозначения разных классов предметов или явлений, объединяемых общностью признака (метафорический перенос) или соотносимых друг с другом на основе закономерных связей (метонимический перенос). Так, например, для английского глагола make такими признаками являются come or cause to be, где фактически представлены не только признаки (come, cause, be), но и модель их связей (cause to be → come to be). Таким образом, на уровне системы значение многозначного слова проявляется как смысловой инвариант (понятие о признаке или признаках, которые являются общими или соотносительными для всех классов предметов/явлений, называемых данным словом) и потенциальная модель варьирования последнего.

Мы разделяем мнение К. А. Левковской, которая полагает, что «единство многозначного слова сохраняется до тех пор, пока его лексико-семантические варианты объединены каким-то общим семантическим моментом»<sup>3</sup>. Так, рассматривая семантическую структуру существительного «ход», автор полагает, что «этим общим моментом является понятие *хождения, передвижения* в пространстве, которое ощущается и в случаях переносных производных значений (производных семантических вариантов, дающих, в свою очередь, новые ответвления)<sup>4</sup>.

Многие лингвисты в качестве аргумента против общего значения или общего признака в составе значения выдвигают положение о том, что многозначное слово выражает разные понятия, несводимые к одному<sup>5</sup>. Безусловно понятия «человек», «человечество», «мужчина», «муж», « рядовой», «пешка» и другие, выражаемые английским многозначным существительным man, не равны ни по содержанию, ни по объему. Это разные и самостоятельные понятия о разных классах предметов и явлений объективной действительности, выражаемые одним словом man. Однако вряд ли можно допустить мысль о том, что это объединение является полностью случайным, иначе бы слово не воспринималось говорящими как единое целое.

Внимательный анализ семантической структуры существительного man позволяет прийти к выводу, что разные поня-

тия о разных классах предметов, выражаемые в его разных значениях, объединяются более широким понятием о признаке «человеческий или в чем-то ему подобный». Интересно отметить, что часть значений слова man в словарях COD и Норп-бю<sup>6</sup> определяются через словосочетания, содержащие в своем составе прилагательное human (= of man or mankind contrasted with animals, God). Так, например, man в значении «человечество» определяется как 'the *human*' race, all mankind. Другие значения существительного могут быть трансформированы через словосочетания, содержащие прилагательное human. Так, значение «слуга» (male person under the authority of another, manservant or valet) существительного man может быть эксплицировано как male *human being* under the authority of another, поскольку слово person, содержащееся в дефиниции значения, трактуется в словаре как individual *human being*. Аналогичное можно сказать и о приводимом выше в качестве примера глаголе go, все значения которого объединены признаком be in motion.

Существенную роль в обеспечении семантического единства многозначного слова играет его план выражения. С. Д. Кацнельсон справедливо отмечает, что «единство звуковой формы существенным образом воздействует на смысловое содержание слова, вторгаясь в сферу семантики»<sup>7</sup>.

Возможность семантического варьирования слова связана с потребностями в номинации, обусловленными познавательно-классифицирующей деятельностью человеческого мышления, и с наличием в системе языка закономерностей семантического варьирования значения, характерных для определенных групп слов. Так, например, когда древнеанглийский глагол wealcan получил значение «ходить» и тем самым вошел в группу глаголов движения, возможности его дальнейшего развития определялись следующими семантическими закономерностями, свойственными данной группе: конкретное движение → абстрактное движение; конкретное движение → еще более конкретное движение (в том числе и с указанием на степень интенсивности); движение → бытие; способность к движению → различные формы проявления этой способности → побуждение к движению → результат движения (в том числе и состояние).

В семантической структуре английского walk оказались представленными все основные семантические модели группы; сравним, например, ЛСВ<sub>1</sub> «ходить, идти пешком» и ЛСВ<sub>2</sub> «двигаться, передвигаться, находиться в движении;

переходит из рук в руки» или ЛСВ<sub>1</sub> в указанном выше значении и ЛСВ<sub>3</sub> в значении «довести до чего-либо ходьбой»<sup>8</sup>.

Наличие семантических закономерностей подобного рода позволяет рассматривать многозначное слово как упорядоченное множество лексико-семантических вариантов. Каждый ЛСВ в семантической структуре слова обладает свойством воспроизведимости, имеет свой план содержания и свой план выражения, отличающий его от других ЛСВ в составе слова. Как правило, лексико-семантический вариант выражает понятие о признаке класса (глагол, прилагательное) или понятие о классе (существительное).

При рассмотрении значения лексико-семантического варианта (значения однозначного слова, словозначения) необходимо различать три соотносительных понятия: содержание значения как факт общественного сознания, значение как элемент системы языка и информационный потенциал как факт речевой деятельности и текста.

Под объективным содержанием словозначения понимаем всю совокупность признаков класса предметов/явлений объективной действительности, вычленяемых общественным сознанием и находящих выражение в сочетаемости слова или лексико-семантического варианта, служащего названием данного класса/явления.

Под значением ЛСВ или однозначного слова понимаем один или несколько признаков обозначаемого класса предметов/явлений, отраженных и определенным образом преломленных в сознании говорящего коллектива, которые представляют обозначаемый класс предметов/явлений в номинативной системе языка. В состав значения входит лишь та совокупность признаков его объективного содержания, которая зафиксирована в системе языка и находит выражение как в сочетаемости слова или ЛСВ, так и в системных оппозициях в составе лексико-семантической парадигмы.

Информационный потенциал значения ЛСВ составляют те ассоциативные признаки из объективного содержания его значения, которые не представлены в составе значения, проявляются при его текстовой реализации, подключаются в тексте к его семам и вместе с ними формируют его варьирующееся денотативное значение; при этом имеет место конкретизация семантики ЛСВ.

Соотношение значения ЛСВ и его информационного потенциала можно условно сравнить с надводной и подводной частью айсберга. По надводной части мы узнаем айсберг.

Подводная часть айсberга скрыта от поверхностного наблюдения, она более объемна и обеспечивает его плавучесть. Если айсберг по какой-либо причине накренится, то на поверхность выйдут те его части, которые ранее были скрыты. Для специалистов, для людей, непосредственно сталкивающихся с айсбергами, подводная часть айсберга не менее важна, чем надводная. Аналогичное можно сказать о слове и о мастере слова — поэте, писателе, который владеет не только значением слова, лежащим как бы на поверхности, но и информационным потенциалом значения, более широким по сравнению с значением и скрытым от поверхностного наблюдения. Искусство владения словом проявляется в умении раскрыть его потенциальные информационные возможности, проявляющиеся на фоне узульного, социально-значимого, системного значения.

Как уже говорилось выше, ассоциативные признаки в их совокупности составляют информационный потенциал значения ЛСВ. В тексте высказывания семы, входящие в состав значения ЛСВ, составляют своеобразное «данное», а реализованные ассоциативные признаки его информационного потенциала — «новое». А. А. Брудный справедливо отмечает, что знаки могут служить процессу обмена мыслями только при наличии значений, известных и понятных тем, кто общается. Но знак становится сигналом ситуативно. Сохраняя свою качественную специфику, т. е. оставаясь материальным носителем значения, знак может не сообщать коммуниканту никакой информации. Значение знака само по себе не содержит информации в силу того, что коммуникантам оно известно: значение знака избыточно. Знак может стать сигналом лишь будучи актуализированным, охваченным сложной сетью отношений, связывающих данный знак с другими знаками и конкретной ситуацией в целом<sup>9</sup>.

Сказанное выше позволяет поставить вопрос о третьей форме манифестиции значения: о текстовом варианте значения. Текстовым значением слова является реализация однозначного слова или одного из лексико-семантических вариантов многозначного слова в индивидуальном акте говорения, где имеет место называние предмета или явления, расчленение формального понятия о классе применительно к элементу класса и формального понятия о признаке применительно к элементу класса, выявление тех или иных признаков скрытого информационного потенциала. Текстовый вариант значения слова выражает содержательное понятие о называемом

предмете или признаке. Здесь нам хотелось бы подчеркнуть еще одну мысль, высказанную А. А. Брудным: «По-видимому, нет серьезных оснований сомневаться в том, что естественный язык эффективно используется людьми; отсюда, впрочем, не следует, что естественный язык описывает мир с высокой точностью и необходимой полнотой»<sup>10</sup> (разрядка наша.— И. С.). Эта же мысль высказывалась ранее С. Д. Кацнельсоном, когда он писал, что «содержание языковых форм к тому же неполно отражает действительность, так как язык — это лишь система средств, необходимых для более полного и точного выражения мысли в развернутом речевом построении»<sup>11</sup>.

Относительная полнота описания объективной действительности (в соответствии с принципами экономности знака и системы языка) достигается в речи, за счет подключения тех или иных значимых для описываемой ситуации ассоциативных признаков информационного потенциала лексико-семантического варианта, а также за счет так называемого бытового контекста и паралингвистических элементов.

М. В. Никитин справедливо отмечает, что содержание денотативного значения имени представляет собой совокупность признаков, открытую за счет индивидуальных признаков объекта; в связном повествовании денотативное значение развертывается, пополняется, «обрастает» дополнительными характеристиками объекта<sup>12</sup>. В связи с данным высказыванием М. В. Никитина нам хотелось бы подчеркнуть, что содержание денотативного значения текстового варианта могут составлять три иерархических ряда признаков: 1) обязательный признак или признаки, которыми называемый предмет или явление представлены в номинативной системе языка; 2) более или менее типичный признак или признаки называемого предмета или явления, которые не закреплены в номинативной системе языка, составляют информационный потенциал значения и находят выражение в речи в сочетаемости ЛСВ; 3) индивидуальные признаки данного предмета или явления, которые находят выражение только в речи, не характеризуются регулярностью. Все эти признаки в совокупности и составляют значение текстового варианта слова. Планом его выражения является звучание и/или написание слова в одной из форм последнего и его сочетаемость применительно к данному высказыванию. Границы между значением и его информационным потенциалом подвижны. При функционировании значения в речи (при условии, если

слово не используется в качестве наименования формального понятия), как правило, имеет место его уточнение за счет более или менее регулярных ассоциативных признаков из состава информационного потенциала. Важнейшим средством изменения соотношения между значением и его информационным потенциалом является сочетаемость слова в данном значении, позволяющая подключать ассоциативные признаки из его информационного потенциала к денотативному текстовому значению, а затем при общественно-осознанной необходимости включить данные признаки в качестве сем в состав значения на уровне нормы.

Текстовому варианту значения свойственна сигнификативная функция, проявляющаяся в выражении понятия об элементе класса (имя существительное) или о признаком элемента класса (глагол, прилагательное). Его денотативная функция заключается в назывании предмета (элемента класса), обладающего признаками класса и своими индивидуальными признаками из разряда ассоциативных или в назывании признака элемента класса.

Проведенный выше анализ соотнесенности значения слова и выражаемого им понятия применительно к разным уровням манифестации слова (система ↔ норма ↔ речевой акт) подтверждает справедливость высказывания С. Д. Кацнельсона о том, что «слово соотнесено с предметом как в языковой системе, так и в речи, но в каждой из этих сфер оно соотнесено с ним по-разному и соотнесено не непосредственно, а через значение — понятие»<sup>13</sup>.

Следует заметить, что противопоставление текстового варианта слову и лексико-семантическому варианту является относительным, поскольку и слово, и лексико-семантический вариант имеют текстовую форму реализации. Приведенное выше разграничение вызвано попыткой осмыслить варьирование плана содержания, плана выражения и функции слова на оси «язык ↔ речевая деятельность (норма) ↔ текст (речевой акт)». Оно не отрицает того факта, что одно и то же слово в тексте может выражать как понятие о признаком (а), так и понятие о классе (б) или предмете как элементе класса (в). Сравним, например, (а) *Земля* — источник жизни (здесь слово *земля* означает «присущий земле, связанный с землей»). Оно обозначает одновременно все относящееся к земле: планету, сушу, почву, рыхлое темно-буровое вещество, входящее в состав коры планеты, поверхность, территорию, поле и т. д; (б) На корабле, наконец, увидели *землю*. (Здесь, *сушу*);

(в) Они шагали по распаханной и набухшей от дождей земле. (Здесь слово земля означает пашню). Сравним: Они шагали по набухшей от дождей земле, покрытой зеленым ковром озимых. (Здесь земля — засеянное поле).

Предложенный в данной статье подход позволяет рассматривать значение слова как диалектическое единство абстрактного и конкретного, устойчивого и подвижного, системного и речевого. Разрешение противоречий между системным, абстрактным, устойчивым, с одной стороны, и речевым, конкретным, подвижным — с другой, осуществляется при использовании слова в речи, когда последнее выступает в качестве названия предмета как элемента класса и признака элемента класса. В данном случае к системному значению реализованного слова или одного из его лексико-семантических вариантов подключаются либо более или менее регулярные признаки из его информационного потенциала, либо признаки нерегулярные и даже не свойственные называемому предмету, что служит основой создания образа, как, например, в фразе «Вижу сад в голубых накратах, Тихо август прилег к плетню (Есенин)», где слово «август» приобретает не свойственную его значению сему одушевленности.

Лексико-семантические варианты и их текстовые реализации проявляются в речи как результат взаимодействия слов между собой. Каждый ЛСВ в семантической структуре слова и каждая текстовая реализация слова — явление преходящее, но естественная речь состоит из них, вот почему так важно для лингвистики установить механизм варьирования значения слова при его реализации.

Изложенная в данной статье концепция значения позволяет, как нам представляется, по-новому подойти к проблеме варьирования лексического значения и вскрыть характер взаимодействия системного и речевого при функционировании слова.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Сентенберг И. В. Значение слова в языке, речи и тексте.— В сб.: Исследования по романо-германскому языкознанию. Волгоград, 1975, с. 101—112.

<sup>2</sup> См., например, классификацию понятий в Логическом словаре-справочнике Н. И. Кондакова (М., «Наука», 1975).

<sup>3</sup> Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., «Наука», 1962, с. 195.

<sup>4</sup> Левковская К. А. Цит. соч., с. 195.

<sup>5</sup> См. интересную полемику по поводу общего значения у С. Д. Кац-

нельсона «Содержание слова, значение и обозначение». М.—Л., «Наука», 1965, с. 40—55.

<sup>6</sup> The Concise Oxford Dictionary. Sixth Edition. Oxford. At the Clarendon Press. 1976. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press. 1974.

<sup>7</sup> Кацнельсон С. Д. Цит. соч., с. 61.

<sup>8</sup> Трактовка значения глагола walk дается по словарю: Большой англо-русский словарь. Ред. Гальперин И. Р. М., изд-во Советская энциклопедия, 1972.

<sup>9</sup> Брудный А. А. Семантика языка и психология человека. О соотношении языка, сознания и действительности. Фрунзе, изд-во ИЛИМ, 1972, с. 52.

<sup>10</sup> Брудный А. А., там же, с. 34.

<sup>11</sup> Кацнельсон С. Д. Цит. соч., с. 101.

<sup>12</sup> Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании (на материале английского языка). Дисс. докт. филол. наук. Л., 1974. с. 52—53.

<sup>13</sup> Кацнельсон С. Д. Цит. соч., с. 35.

## В. С. ВИНОГРАДОВА

### СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД КАК ПАРАДИГМА СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОГО УРОВНЯ

Синонимический ряд рассматривается нами как инициальная по иерархии парадигма семасиологического уровня, подчиненная семантическому блоку, семантической группе, структурно-семантическому разряду, части речи. Поэтому, если речь идет о качественных прилагательных, то семантическую группу образуют антонимичные прилагательные с противоположным признаком, например, семантическую группу возраста образуют все качественные прилагательные, обозначающие возраст, независимо от степени (пожилой, молодой). Эта семантическая группа членится на два противоположных блока (пожилого и молодого возраста), а каждый блок членится на синонимические ряды, выражающие определенную степень данного признака (высшую, среднюю и низшую)<sup>1</sup>.

Для определения синонимического ряда необходимо поэтому исходить из состава семантического блока соответствующей семантической группы. Так, для определения синонимических рядов семантической группы возраста нужно прежде всего определить, какие моносемы<sup>2</sup> входят в состав семантических блоков пожилого и молодого возраста.

В данной статье мы ограничимся анализом семантического

блока пожилого возраста и составляющих его синонимических рядов, производящимся по следующей методике. Из всех используемых синонимических словарей<sup>3</sup> последовательно извлекаем синонимы к качественному прилагательному *alt*. Синонимические ряды этого прилагательного не идентичны в разных словарях, поскольку выделялись они, как правило, только лишь на основе языковой интуиции авторов словарей. Однако то, что в значительной части они все же совпадают, свидетельствует о существовании объективных оснований для выделения и разграничения синонимов.

Л. Ельмслев отмечает, что для структурного описания лексики (а, следовательно, и семантики) «большая подготовительная работа уже выполнена лексикографией: лексикографические определения одноязычных словарей являются по сути дела первым важным приближением к решению поставленной задачи»<sup>4</sup>.

Поэтому мы предпринимаем попытку выделения и описания исследуемого синонимического блока с помощью синонимических и толковых словарей<sup>5</sup>. Из толковых словарей, применявшимся ранее для идентификации моносем смысловой структуры каждого из рассматриваемых прилагательных, мы выбираем определения синонимов, найденных в синонимических словарях, а также в самих толковых словарях. Полученные определения приводятся далее к общему знаменателю посредством сравнения и унификации данных отдельных словарей. Так, унифицированное определение для семемы<sup>6</sup> *bejahrt — im vorgerückten Alter, in die höheren Jahre gekommen, alt* как его дают словари К, В, М (в других словарях эта семема не зафиксирована); для семемы *älglich* взято определение *gelinde alt, angealtert*, как оно дано в словаре L: *unjugendlich, vom Alter schon angenagt (betroffen), leicht (etwas) alternd, Spuren des Alterns zeigend: eine älliche Person, älliche Gesichtszüge*; в семеме *abgelebt* мы вычленяем три моносемы, первая из которых *verbraucht, schwach (Mensch)* представлена в словарях следующим образом:

M: *verbraucht, schwach (Mensch)*;

A: (*ableben*) *vorzeitig gealtert: er sieht recht a. aus;*

L: (*ableben*) *verbraucht, abgezehrt, entkräftet vom flotten Leben, verlebt, entnervt: er sieht recht a. aus. hat a. Züge;*

K: (*ableben*) *vom langen Leben verbraucht: ein altes a. Mütterlein, ein a. Greis; ein alter a. (verlebter) Kerl;*

D: (*ableben*) *er sieht recht a. (vom flotten Leben abgezehrt) aus;*

B: verbraucht, matt;

T: (ableben) durch *langes Leben entkräftet*, der Lebensfrische beraubt: ein alter, ganz a. Krieger;

P: durch das Leben entkräftet, der Lebensfrische beraubt.

Вторая моносема этой семемы *überholt* (Sitte) определена нами на основании следующих данных:

M: *überholt* (Sitte);

K: unmodern, *überholt*: ein a. Schlager, Gassenhauer.

Третью моносему *vergangen* дают словари K, L, T:

K: geh. zu Ende gegangen, vergangen: a. Zeiten; Einrichtungen, Dinge; eine a. Ordnung, Epoche;

L: vergangen: a. Zeiten;

T: dicht. ehemals durchlebt: «Ach, du warst in a. Zeiten meine Schwester oder meine Frau».

Четвертую моносему *verstorben* выделяет только лишь словарь B.

Подобным же образом мы приводим к единому знаменателю и словарные дефиниции других семем списка. Если только толковые словари не дают данную семему в форме, в которой она представлена в синонимических словарях, мы прибегаем к помощи других форм или даже семем, представленных в этих словарях. Так, семемы *abbruchreif*, *gefurcht* рассматриваются на основе других семем *Abbruch*, *Furche*, а семемы *abgenutzt*, *abgedankt*, *abgelebt*, *verabschiedet* даны в словарях в форме инфинитива. В список не включаются синонимы, состоящие из нескольких семем (*Lebenszeit habend*), а также синонимы, содержащие эмоционально-усилительные элементы (*hochbetagt*). Унифицированные определения снабжены всеми стилистическими пометами, а также примерами, которые даются словарями, с указанием этих словарей. Например, у семемы *greis* в словарях представлены следующие две моносемы:

1. T: im hohen Alter, zumeist mit dem Gefühl der Ehrfurcht, seltener mit dem Gedanken an körperliche und geistige Schwäche;

K: geh. sehr alt;

B: dicht. alt;

M: hochbetagt;

D: alt.

2. B : grau; M : grau, P : grau, als Haarfarbe des Alters.

В окончательной записи эти моносемы выглядят так:

1. sehr alt (T, K geh., B dicht. M, D);

2. grau — Haarfarbe des Alters (B, M, D).

Таким путем мы определяем 90 семем, зафиксированных синонимическими и толковыми словарями как синонимы alt. Для удобства список составлен в алфавитном порядке.

Далее из всех моносем списка мы отбираем те, которые непосредственно выражают возраст человека (29 моносем), причем отбрасываем такие, которые в определенных контекстах могут выражать возраст человека (потому, вероятно, и зафиксированы синонимическими словарями), однако дефиниции толковых словарей не содержат этого значения, т. е. оно не стало языковым, например, *bereift* имеет две моносемы: 1) mit Reif bedeckt (K, M) и 2) *weltkundig, sehr bewandert* (B). Вторая моносема может в отдельных контекстах употребляться для выражения возраста человека, однако это не моносема в собственном смысле, а употребление слова.

*Abgeklärt, abgestorben, altgedient, amtsmüde, bemoost, dienstunfähig, ehrwürdig, grillig (grillenhaft), invalide (invalidiert), tapprig, unfreundlich, verabschiedet* также выражают возраст контекстуально — это речевые употребления слов, но не моносемы.

Произведя такой отбор, мы получаем семантический блок, в который входят все моносемы, объединяемые общим значением пожилого возраста без различия степени этого основного признака: *alt, bejahrt, betagt, ältlich, abgelebt, abgeblüht, älter, altersschwach, ausgedient, angegraut, angejahrt, abgeklappert, ergraut, eingerostet, grau, greis, greisenhaft, gesetzt, grauhaarig, hinfällig, vergreist, verblüht, verknöchert, verkalkt, verbraucht, uralt, überaltert, klapprig, senil, steinalt*.

Определив состав семантического блока, мы приступаем к операции выделения синонимических рядов. Это выделение осуществляется методом сопоставления и наложения полученных ранее унифицированных словарных данных. Поскольку при определении синонимов мы руководствуемся принципом тождественности моносем, синонимичными следует считать только такие, которые полностью накладываются друг на друга, и с семантической точки зрения взаимозаменимы во всех контекстах.

При анализе семантического блока пожилого возраста оказывается, что все составляющие его моносемы можно разбить на три синонимических ряда в зависимости от степени выражаемого моносемами общего признака блока: наибольшей, средней и наименьшей степени. Практически это осуществляется следующим образом; вначале отбираются те из моно-

сем блока пожилого возраста, словарные дефиниции которых указывают на наивысшую степень признака:

betagt — O. Lyon: «zu seinen oder zu hohen Tagen gekommen...» «Bejahrt drückt ein geringeres Alter aus als, betagt; das erklärt sich aus der sinnlichen Bedeutung der Wörter: bejahrt nur in den Jahren fortgeschritten, betagt aber ist einer, auf den greichsam der letzte Tag (der Todestag) schon seinen Schein wirft;

greis — T: ...die Vorstellung eines hohen Alters, zumeist mit dem Gefühl der Ehrfurcht, seltener mit dem Gedanken an körperliche oder geistige Schwäche, wie etwa beim Mümmelgreis.

K: geh sehr alt: der g. Vater; seine g. Grossmutter;  
M: hochbetagt;

greisenhaft — K: senil: ein g. Aussehen; mit g. Miene.

B: mit Schwächen des hohen Alters behaftet;

vergreist: — M: (vergreisen) — sehr alt geworden, überaltert;

B: (ich vergreise) — nehme vorzeitig Greisenart an;  
uralt — M: hochbetagt;

L: (steinalt) : sehr alt: eine a. Frau = hochbetagte Greisin;

P: «ur» — dient Adjektiven zur Verstärkung;  
überaltert — L: zu alt geworden;

M: zu alt;

senil — M: altersschwach;

B: greisenhaft, altersschwach;

altersschwach — D: hinfällig, schwach;

B: (Altersschwäche) — Kräfleverfall in späteren Lebensjahren;

K: schwach, gebrechlich vom Alter;

hinfällig — A: gebrechlich;

B: schwach, gebrechlich;

M: gebrechlich;

verkalkt — M: alt geworden, ohne geistige Frische;

B: umg geistig nicht mehr anpassungsfähig, etw. altersschwach;

A: ohne geistige Frische;

verknöchert — B: hart, steif, unbeweglich (durch Alter, Gewöhnung);

T: starr, ungelenkig;

eingerostet — M: unbrauchbar werden (durch Alter, Langeweile);

D : körperlich und geistig unbrauchbar;  
verbraucht — D, L : schwach durch Überanstrengung,

Alter;

abgelebt — P, T : durch was Leben entkräftet, der Lebensfrische beraubt;

M : verbraucht, schwach;

B : verbraucht, matt;

L : verbraucht, abgezehrt, entkräftet (vom flotten Leben), verlebt, entnervt;

A : vorzeitig gealtert;

K : vom langen Leben verbraucht;

D : vom flotten Leben abgezehrt;

abgeklappert — K : (salopp) abgenutzt, verbraucht, (bild) erschöpft;

B : dürr, alt und wackelig;

M : erschöpft, dürr, alt (Pferd), verbraucht;

klapp(e)rig — K : (salopp abwert) alt und verbraucht;

A : hinfällig, altersschwach;

B : hinfällig, alt;

T : alt, leicht anfällig (Mensch);

D : hinfällig.

С семантической точки зрения все эти моносемы абсолютно равны, так как при наложении их словарных определений друг на друга выясняется, что они либо совпадают (*uralt* = *= steinalt*; *greisenhaft* = *senil* = *altersschwach*), либо содержат идентичные семы: *betagt* = *greis* = *vergreist* = *überaltert* (*sehr alt*); *altersschwach* = *hinfällig* = *verbraucht* = *abgelebt* = *abgeklappert* = *klapp(e)rig* (*schwach, gebrechlich*); *verkalkt-verknöchert-eingerostet* (*ohne geistige Frische*).

Таким образом, синонимический ряд блока пожилого возраста, выражющий самую высокую степень признака, состоит из 17 тождественных по семантике моносем, однако, в силу их неодинаковой стилистической принадлежности и употребительности, среди этих моносем выделяется доминанта — наиболее частотная и стилистически нейтральная моносема.

Для нахождения доминанты мы привлекаем данные Х. Майера, переработавшего частотный словарь Ф. В. Каэдинга<sup>7</sup>.

Поскольку интересующие нас словарные единицы употребляются во всех словоформах, мы вычисляем среднюю частотность зафиксированных словоформ. Прилагательное *alt* дано в следующих словоформах с такой частотностью:

alt — 926, alte — 2524, altem — 556, alten — 4331, alter — 1976, altes — 230. Следовательно, средняя частотность всех словоформ alt будет 1673, т. е., согласно таблице, alt относится к третьей ступени частотности, о чем приблизительно свидетельствует также порядковый номер словоформы alt (1099).

Так мы определяем частотность всех словарных единиц, в которые входят моносемы одного синонимического ряда. Для рассмотренного выше синонимического ряда блока пожилого возраста, выражающего наивысшую степень этого признака, доминантой следует признать моносему greis, так как словоформа greis (greise) имеет частотность 104, т. е. относится к седьмой ступени; у словоформы hinfällig частотность 74 (восьмая степень), а средняя частотность словоформ u<sup>g</sup>alt (ugalt — 26, uralte — 39, uralten — 73, u<sup>g</sup>alter — 17) равна 38 (девятая степень). Словарные единицы остальных моносем вообще не даны в словаре, потому что имеют очень низкую частотность.

При определении частотности моносем используются данные словаря, где каждая словарная единицадается в совокупности своих моносем. Это, безусловно, порождает сомнения в правильности установленной доминанты. Но поскольку специального словаря моносем пока не существует, мы вынуждены обращаться к этим данным, ибо статистические подсчеты потребовали бы иного подхода к исследованию. Нам же важно указать на возможность выделения доминанты в принципе. Кроме того, отсутствие в этом словаре словарных единиц, в которые входят большинство моносем ряда, достаточно четко говорит об их неупотребительности, а по наличествующим словарным единицам можно приблизительно судить о частотности интересующих нас моносем.

Выделяя доминанту, мы должны исходить не только из частотности данной моносемы, но и из ее стилистической нейтральности. И здесь мы обращаемся к толковым словарям. Моносему greis, указывающую на высшую степень признака пожилого возраста, три словаря из пяти (Т, М, Д) дают без всяких стилистических помет, а два (К geh, В dicht.) — с пометами. В таком случае мы берем за истину мнение большинства, т. е. признаем эту моносему стилистически нейтральной.

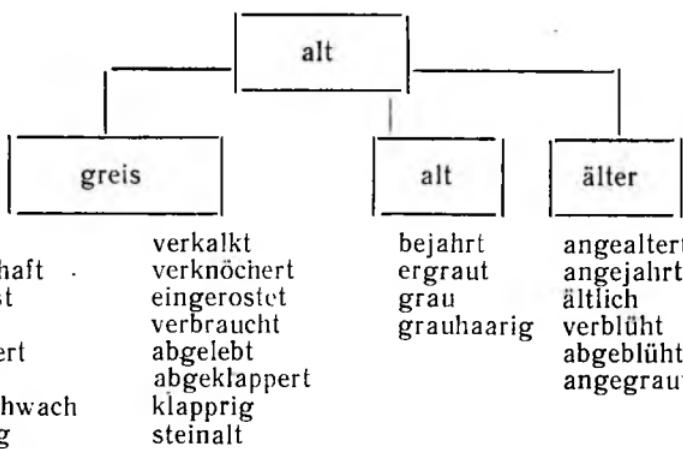
Доминантой синонимического ряда блока пожилого возраста, выражающего наивысшую степень признака пожилого возраста, является моносема greis, как наиболее частотная и стилистически нейтральная.

Для вычленения другого синонимического ряда блока, выражающего наименьшую степень признака пожилого возраста, также отбираются те моносемы, словарные определения которых непосредственно указывают на наименьшую степень признака. Это моносемы: *älter* — L : nicht mehr jung, über die besten Jahre hinaus; *angegraut* — K : ein wenig ergraut; D : seine Schläfen (die Haare an ihnen) sind a.; *angejahrt* — M : leicht gealtert; ältlich — L : unjugendlich, vom Alter schon angenagt (betroffen), leicht (etwas) alternd, Spuren des Alterns zeigend : eine ä. Person; B : gelinde alt, angealtert; *verblüht* — L : verwelkt, abgeblüht : v. Blumen, eine v. Frau (Schönheit) = nicht mehr jung, schön; *abgeblüht* — L : nicht mehr blühend, *verblüht*. Словарные определения всех моносем непременно содержат элемент nicht mehr jung, angealtert, так как по семантике все моносемы равны между собой. Таким образом, моносемы *älter*, *angejahrt*, *angegraut*, *angealtert*, ältlich, *verblüht*, *abgeblüht* образуют самостоятельный синонимический ряд, выражающий наименьшую степень признака пожилого возраста. Доминантой этого ряда в соответствии с данными Х. Майера является *älter*, поскольку средняя частотность словоформ (*älter* — 132, *ältere* — 249, *älteren* — 451, *älterer* — 107, *älteres* — 11) равняется 190 (седьмая ступень); моносема ältlich (словоформа ältlichen) имеет частотность 11 (десятая ступень); словоформы других моносем вообще не представлены в словаре.

После вычленения двух синонимических рядов в блоке остаются следующие моносемы: alt — P : ein hohes Alter habend; M : bejaht, nicht mehr jung; L : hochbetagt, bejaht; B : bejaht, unjugendlich; A : von hohem Alter; T : ein hohes Alter habend; D : betagt, nicht mehr jung; K : bejaht, reich an Jahren; bejaht — K : im vorgerückten Alter; M : alt; B : in die höheren Jahre gekommen, alt; grau — P : Farbe des hohen Alters; M : grauhaarig; B : Farbe des Alters : g. werden, altern; T : g. Haare sind ein Zeichen des Alters; K : Farbe des Alters; D : er ist, wird g.; alt und g. werden; A : grauhaarig; alt und g. werden; grauhaarig — K : mit ergrautem Haar; ergraut — M : grau (vor Alter) werden; D : ein im Dienst ergrauter (alt gewordener) Beamter. Эти моносемы не накладываются ни на один из рассмотренных синонимических рядов, зато они без остатка накладываются друг на друга, и если привести все словарные определения этих моносем к единому знаменателю, то этим знаменателем будет im vorgerückten Alter. Следовательно, моносемы alt, bejaht,

graу, grauhaаrig, ergraut образуют третий синонимический ряд блока пожилого возраста, выражающий среднюю степень признака. Доминантой этого синонимического ряда, безусловно, является alt.

После разложения семантического блока пожилого возраста на образующие его синонимические ряды возможно построение сетки всего блока (см. схему).



Как показано на схеме, синонимические ряды, входящие в данный семантический блок, располагаются по мере убывания содержащегося в них признака блока. Если рассматривать синонимические ряды как оппозиции, то их можно определить как градуальные.

В одном синонимическом ряду моносемы располагаются произвольно, ибо рассматриваются как абсолютно тождественные в семантическом отношении, с точки зрения их формально-логического признака, а стилистические различия в расчет не принимаются.

Определение синонимического ряда на основе семантической тождественности составляющих его моносем способствует более точной дифференции словарного состава языка.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См. об этом: Виноградова В. С. Семантическая группа в системе семасиологического уровня.— В сб.: Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Свердловск, 1974.

<sup>2</sup> Моносема в качестве основной и предельной единицы семасиологического уровня введена в лингвистический обиход В. А. Звегинцевым. Она определяется им «как потенциальная словосочетательная модель, идентификация которой в текстах осуществляется на основе отчетливых

лингвистических дескриптивных признаков». См.: Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968, с. 41.

<sup>3</sup> Использовались следующие словари: Wörterbuch sinnverwandter Ausdrücke. Hrsg. von Dr. F. Fetzner. Leipzig, 1895; Lyop O. Johann August Eberhards synonymisches Handwörterbuch der deutschen Sprache. 17. Aufl. Leipzig, 1910; Hoffmann Peter Friedrich Ludwig. Volkstümliches Wörterbuch der deutschen Synonyme. 9. Aufl., umgearbeitet von Prof. Wilhelm Oppermann. Leipzig, 1929; Peltzer Karl. Das treffende Wort. Wörterbuch sinnverwandter Ausdrücke. 3. verb. Aufl. Thun-München, 1955; Dos-tal. Karl Aldert. Das richtige Wort. Synonymisches Wörterbuch, Wien, 1957; Duden Konrad. Der grosse Duden. Paul Grebe. Duden. Vergleichendes Synonymenwörterbuch, Bd. 8, Mannheim, 1964; Textor A. Sag es treffender. Ein Wörterbuch für alle, die täglich diktieren und schreiben, 5. überarb. und wesentlich erw. Aufl., Essen, 1963.

<sup>4</sup> Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? Сб.: Новое в лингвистике. Вып. 2. 1962, с. 135.

<sup>5</sup> Использовались следующие словари: Mackensen L. Deutsches Wörterbuch, Baden-Baden, 1962; Trübners deutsches Wörterbuch. Berlin, 1939—1957; Stilwörterbuch. Leipzig, 1964—1966; Der Sprachbrockhaus. Deutsches Bildwörterbuch. Leipzig, 1949; Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Leipzig, 1962; Deutsches Wörterbuch von Hermann Paul, Halle (Saale), 1956—1957; Der grosse Duden. Bd. 2. Mannheim, 1963; Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Hrsg. von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinitz. Berlin, 1961 — Далее в тексте даются сокращенные обозначения этих словарей с помощью начальных букв, например: К — Klappenbach, В — Brockhaus, М — Mackensen и т. д.

<sup>6</sup> См. определение семемы О. С. Ахмановой «значение слова, его вещественное содержание». Словарь лингвистических терминов. М., 1969, с. 401.

<sup>7</sup> Meier H. Deutsche Sprachstatistik. Bd. 1—2, Hildesheim, 1964; Kaeding F. W. Häufigkeitswörterbuch der deutschen Sprache. Steglitz bei Berlin, 1898. Словарь Майера представляет собой не просто словарник, вокабуляр, но является фиксацией словоформ немецкого языка с точки зрения их частотности. Мы воспользовались той его частью, где в алфавитном порядке даются словарные формы, каждая из которых в смешанном тексте у Каэдинга, включающем почти 11 млн. словарных единиц, встретилась не менее десяти раз. 10 тыс. наиболее частотных словоформ вошли в отдельный список и снабжены порядковыми номерами. При этом первое место заняла словоформа «die» с частотностью 349 553; словоформа «Tod» с частотностью 2043 — пятисотое; «alt» — 1099-е место и т. д. Все словарные формы в словаре Майера разбиты в целях более отчетливого восприятия самых частотных, средних и наименее частотных, на двенадцать ступеней. Первая ступень охватывает словоформы с частотностью от 5001 до 350 000, двенадцатая ступень — от 1 до 3.

## АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ

(На материале глаголов, выраждающих понятия «начало» и «конец» в современном английском языке)

Отличительной чертой семантических исследований последнего времени является глубокое проникновение в смысловую структуру самых различных языковых единиц, в результате чего их план содержания предстает как все более сложная структура.

Неослабевающий интерес к изучению глагольных лексем объясняется «смысловой емкостью, уплотненностью структуры глагола»<sup>1</sup>, отражающей объектную и субъектную соотнесенность, характер и способы действия, среду, в которой происходит действие, темп и т. д. Существенную роль в семантике глаголов играют семы, отражающие способы действия (СД). Отношения аспектуальности и количественные отношения, являясь языковыми проявлениями объективных лимитативных отношений, определяют «наличие именной и глагольной систем в языке, их дробление внутри себя на различные части речи»<sup>2</sup>.

Целью данной статьи является попытка систематизации значительного участка глагольной лексики, а именно, глаголов и глагольных словосочетаний, обозначающих начало и конец глагольного действия. Выбор именно этих аспектуальных характеристик объясняется, на наш взгляд, их особой важностью для глагольной семантики, так как еще К. С. Аксаков писал: «... все существующее в пространстве — предмет, все существующее во времени — действие»<sup>3</sup>. Временная протяженность действия предполагает наличие у большей части глаголов отдельных фаз его протекания, т. е. начала, продолжения, конца. Интерес к рассмотрению начальной и конечной фаз действия вызван наличием антонимических отношений, связывающих их.

В статье анализируются данные, полученные в результате сплошной выборки на 5368 страницах оригинального текста<sup>4</sup> и первичной обработки словарей А. Хорнби<sup>5</sup>, Random House Dictionary<sup>6</sup> и тезауруса Роже<sup>7</sup>.

Понятие «начало» нам представляется более монолитным, чем «конец», который охватывает такие понятия, как «прекращение», «прерывание», «окончание», «завершение»<sup>8</sup>. Исхо-

дя из этого из тезауруса Роже были выписаны все глаголы и глагольные словосочетания, входящие в рубрики «Begin» и «End», «Discontinuity», «Cessation», «Completeness», «Accomplishment».

Сплошная выборка по словарям А. Хорнби и Random House Dictionary имела целью отобрать все единицы, в определениях которых были употреблены глаголы и сочетания, обозначающие начало и конец действия (процесса): start, begin, commence, initiate, inaugurate, set to, stop, finish, end, cease, complete, put an end to, bring to an end, come to an end и др.

Дефиниции исследуемых единиц построены по 5 различным моделям:

1) начать/кончить + глагольный компонент (инфinitив, герундий), например: scent<sub>2</sub> — begin to suspect the presence or existence of; awake<sub>1</sub> — stop sleeping;

2) начать/кончить + именной компонент (существительное), например: broach — begin discussion of (a topic); extinguish<sub>2</sub> — end the existence of hope, love, passion, etc.;

3) начать/кончить + адвербальный компонент (наречия, адвербальные частицы, предложно-именные сочетания): result<sub>3</sub> — end in a specified manner;

4) начаться/кончиться (возвратность действия), expire<sub>1</sub> — (of a period of time) come to an end;

5) каузация начала/конца, например: light<sub>1</sub> — cause to begin burning or to give out light<sup>9</sup>.

Обращает на себя внимание не только пестрота и разнотипность дефиниций, но и разнообразие структур анализируемых единиц, среди которых мы выделяем: а) простые единицы — однозначные глаголы и отдельные ЛСВ многозначных глаголов, б) сложные единицы — устойчивые выражения и глаголы — композиты. Семантика простых единиц, как правило, более абстрактна, например: close<sub>3</sub> — bring or come to an end; open<sub>4</sub> — start; commence — begin, start.

Глаголы — композиты и устойчивые выражения, обычно, обозначают какой-то конкретный вид деятельности: come to blows (with) — start fighting; set pen to paper — begin to write; get off sb.'s backstop being a burden or hindrance; close down — (of a broadcasting station) stop transmitting. Действие в его спецификации, как правило, обозначается производными единицами.

Данные, полученные по трем словарям, были сопоставлены и позволили обнаружить определенные закономерности:

1. Из большого числа анализируемых единиц во всех трех словарях зафиксировано лишь незначительное их количество. В группе «начало» это ЛСВ 9 глаголов — begin, commence, start, become, rise, found, broach, launch, open; 14 глаголов-композитов: fire away, fall to, set in, set about, set to, go in/into, take up; 3 устойчивых выражения: break ground, start the ball rolling, set sail. Группа «конец», более многочисленная по составу, имеет несколько больше совпадений: ЛСВ 33 глаголов — cease, end, terminate, finish, stop, complete, break, extinguish, halt и др.; 16 глаголов-композитов: bring up, cut off, get through, carry through, shut off, close down и др.; 3 устойчивых выражения — put an end to, make short work of, cut short.

2. Подавляющее большинство исследуемых единиц многозначны. Многие единицы группы «конец», зафиксированные в трех словарях, входят в несколько из указанных подгрупп: «end», «discontinuity», «cessation», «completeness», «accomplishment» — terminate, cease, close, end, finish и др., что свидетельствует о близости данных значений и правомерности их объединения в одну группу.

3. Меньше всего совпадений наблюдается среди глаголов-композитов и особенно устойчивых выражений, что объясняется, на наш взгляд, не только разной интерпретацией статуса словосочетания (свободное, устойчивое) разными словарями, но прежде всего различной интерпретацией их семантики, что относится ко всем исследуемым единицам. Огромное количество самых различных единиц так или иначе связано с выражением широких, абстрактных понятий «начало» и «конец», что подтверждается многочисленной и различающейся по словарям их представленностью и интерпретацией (см. таблицу)<sup>10</sup>.

#### Н а ч а л о

структурa единицы	общее количество единиц по словарям			зафиксировано в трех словарях
	Hornby	Random House	Roget	
Простые единицы	34	110	41	9
Глаголы-композиты	53	64	47	14
Устойчивые выражения	31	53	46	3

## Конец

структуре единицы	общее количество единиц по словарям			зафиксировано в трех словарях
	Hornby	Random House	Roget	
Простые единицы	91	179	148	33
Глаголы-композиты	83	112	72	16
Устойчивые выражения	41	46	147	3

4. Многие сложные единицы, особенно глаголы-композиты, имеют стилистические пометы *informal* (*colloquial*) и *slang*, что также является причиной их большого количества и различной представленности по словарям.

При анализе текстового материала нами учитывались все единицы, так или иначе связанные с выражением интересующих нас понятий начала и конца. Как и следовало ожидать, словарная выборка была пополнена, так как на этом этапе мы учитывали не только те единицы, в дефинициях которых сема начала/конца выражена фазовым глаголом, но все единицы, имплицитирующие эти семы.

Всего получено 13 474 примера употреблений единиц, выражающих начало/конец. Начинальное поле представлено 5544 примерами на 277 единиц, поле окончания более многочисленно — 447 единиц и 7930 употреблений. Определить точный количественный состав аспектуальных полей начала и конца довольно трудно в силу чрезвычайно широкого абстрактного характера понятий «начало» и «конец», которые и в парадигматике, и в синтагматике, как правило, неразрывно связаны с конкретным действием: начать/кончить петь, есть, жить, читать, двигаться, действовать и т. д. Аспектуальные поля начала и конца не образуют закрытых систем, так как «...в самой языковой действительности СД не образуют стройной системы с конечным числом подразделений...»<sup>11</sup>, «...СД не отграничены друг от друга четкими перегородками. Они частично охватывают и перекрывают друг друга...»<sup>12</sup>, что относится и к антонимичным СД начинания и окончания. В исследуемом материале выявлен целый ряд единиц, которые выражают диаметрально противоположные идеи начала и конца, образуя своеобразную «пограничную полосу», кото-

рая связывает СД начинания и окончания. В «Этимологическом словаре русского языка» А. Г. Преображенский пишет: «Затруднительно объяснить противоположное значение в одном и том же корне: кон- (начало и конец). Но это противоречие кажущееся: оно объясняется из основного значения корня кон — «появляться», «наступать»: если следует ряд предметов, то первый (крайний) и последний (тоже крайний) могут быть названы «началом» или «концом», сообразно с точкой зрения»<sup>13</sup>. Кроме того, бывают случаи, когда ряд от одного конца (начала) до другого (конца) настолько сокращается, что оба конца как бы переходят один в другой, т. е. окончание одного действия есть начало другого, что имеет место в процессе изменения. Группа глаголов, обозначающих изменение, составляет ядро «пограничной зоны», в которую входят также индоативные глаголы и глаголы-связки, а также многозначные глаголы, обладающие сложной смысловой структурой, ЛСВ которых входят в оба аспектуальных поля. Глаголы каждой из трех подгрупп, объединяемых в своеобразную промежуточную зону, в значительной степени отличаются друг от друга.

Глаголы изменения — *turn<sub>2</sub>*, *turn<sub>15</sub>*, *change<sub>1</sub>*, *go<sub>7</sub>* over, *transform*, *modify* и др. — это семантически «полновесные» глаголы, сигнатуративный компонент их значений есть отражение понятия «изменение», например: *turn<sub>2</sub>* — (cause to) *change* in nature, quality, condition, etc.; *transform* — *change* the shape, appearance, quality or nature of; *modifi<sub>1</sub>* — make *changes* in, make different. Глаголы изменения характеризуются двойной направленностью, предполагая одновременно окончание одного действия и начало другого, что особенно наглядно проявляется в тексте.

1. ...as if she *had awakened* from a long sleep (BS, p. 153) (героиня романа вышла из состояния оцепенения и начала осознавать действительность).

2. When autumn *turned* to winter... (DH, p. 205) (конец осени — начало зимы).

3. His voice rose with each word, then *changed* to a sneering tone... (CHC p. 337) потеряв одно качество, голос принял другое).

Глаголы второй подгруппы — индоативные и глаголы-связки — являются глаголами широкой семантики, понятийная основа которых настолько широка, что они стоят на грани десемантизации. Наиболее употребительными глаголами этой подгруппы являются *be*, *become*, *get<sub>13</sub>*, *grow<sub>2</sub>*, *fall<sub>5</sub>*, *go<sub>3</sub>*,

*make<sub>4</sub>* и др. Абстрактность значения данных глаголов в тексте снимается за счет сочетаемости с различными более конкретными единицами, которые могут находиться даже в антонимических отношениях, в результате чего полученные слово-сочетания относятся к полю начинания или окончания, например: *fall in love* — *fall out of love*, *go mad* — *go rotten*, *get nervous* — *get broken*.

Особенностью глаголов третьей подгруппы является их развитая смысловая структура, часть ЛСВ данных многозначных глаголов входит в аспектуальное поле начинания, другие ЛСВ являются единицами антонимичного поля окончания. Довольно наглядно в этом можно убедиться на примере глагола *break*. *Break<sub>5</sub>* — *burst*, *begin*; *burst into activity*; *break<sub>11</sub>* (with adv. и prep.): *break forth* — (esp. fig. of anger, indignation) *burst out*; *break into* — b) *burst suddenly into*; d) *take up*, *occupy*, *undesirably*; *break out* — b) (of fire, disease, war, rioting, violence) *appear*, *start suddenly* несомненно относятся к полю начинания, в то время как *break<sub>6</sub>* — (used with different objects); ...*the bank* — *exhaust its funds*; ...*prison* — *escape from*; ... *a man* — *ruin him*; *break<sub>10</sub>* — *interrupt* or *destroy the continuity of*; *end the operation or duration of*; *break<sub>11</sub>* (with adv. и prep.) — *break away* — *give up* (habits, modes of thought or belief); *break down* — a) *overthrow by force*; *suppress*; c) *collapse*; *come to nothing*; *break in* — *disturb*, *interrupt*; *break off*; g) *stop speaking*; b) *end abruptly* являются единицами поля окончания.

Кроме глагола *break* в оба антонимичных поля начала и конца входят следующие многозначные глаголы двойной направленности: *leave<sub>1</sub>*, *leave<sub>2</sub>*, *leave<sub>4</sub>* (конец), *leave<sub>7</sub>* (начало), *go<sub>1</sub>*, *go<sub>3</sub>*, *go<sub>41</sub>* (начало), *go<sub>7</sub>*, *go<sub>18</sub>*, *go<sub>19</sub>*, *go<sub>20</sub>*, *go<sub>24</sub>*, *go<sub>25</sub>* (конец); *fall<sub>4</sub>*, *fall<sub>6</sub>* (начало), *fall<sub>7</sub>*, *fall<sub>8</sub>*, *fall<sub>16</sub>* (конец); *get<sub>2</sub>*, *get<sub>11</sub>* (начало), *get<sub>11</sub>* (конец), *put<sub>2</sub>*, *put<sub>5</sub>*, *put<sub>10</sub>* (начало), *put<sub>9</sub>* (конец); *come<sub>8</sub>*, *come<sub>9</sub>*, *come<sub>11</sub>*, *come<sub>13</sub>* (начало), *come<sub>12</sub>* (конец) и многие другие.

Итак, глаголы, занимающие своеобразное промежуточное между антонимичными полями положение, неоднородны: глаголы изменения — это семантически «полновесные» глаголы, особенностью которых является то, что противоположные понятия начала и конца отражены в их значениях в неразрывном единстве и отнесение их к определенному аспектуальному полю не представляется возможным. Полусвязочные глаголы, а также глаголы-связки отличаются бедностью и абстрактностью своего значения, их локализация

возможна лишь за счет конкретности значения единиц, с которыми они сочетаются. Глаголы третьей подгруппы, многозначные единицы, также однозначно входят частью ЛСВ в поля начинания или окончания, однако, в отличие от связок и полусвязочных глаголов, семантика их ЛСВ конкретна.

Краткий обзор «пограничной зоны» показал, что большинство исследуемых единиц является многозначными, обладающими сложной смысловой структурой. Лишь незначительное количество глаголов — однозначные единицы: *commence* (formal use), *inchoate*, *broach*, *pause*, *vanish*, *disappear*, *dispel*, *demob*, *lynch*, *slaughter*, *massacre*<sup>14</sup> и др., обладающие узким, специализированным значением. Даже центральные глаголы *begin*, *end* имеют сложную семантическую структуру (по данным Random House Dictionary у *end* насчитывается более 40 ЛСВ).

Многозначность распространяется и на глаголы-композиты (устойчивые выражения в большинстве случаев однозначны), в семантической структуре которых представлены ЛСВ, выражающие: а) различные оттенки начала/конца: *set up*, *set to*, *take up*, *fall to* и т. д; б) начало и конец одновременно: *break in*, *come in*, *put off*; в) начало и каузацию действия: *touch off*, *turn on*, *set off*; г) начало и становление действия: *open up*, *blow up*, *take to*.

Семантика *blow up* и некоторых других единиц является настолько сложной, что объединяет ЛСВ начала, конца, становления и каузации.

Сложной является структура не только глагольной лексемы, но и каждый ЛСВ — это семантическая единица сложной организации. Выше уже говорилось о том, что выделить идею начала/конца в «чистом» виде почти невозможно, так как в большинстве ЛСВ на нее насливается дополнительная информация, характер которой на данном этапе исследования позволяет выделить следующие 2 подгруппы: 1) глаголы, в которых идеи начала/конца дополняются информацией об образе действия, например: *inchoate* — *begin in an undeveloped, half-formed way*; *vanish* — *disappear suddenly, fade away gradually*; *seize<sub>1</sub>* — *take possession of by force or suddenly*; *button one's lip* — *to complete successfully*; *finish*; *go<sub>53</sub> at* — *to begin or proceed vigorously*; *break<sub>78</sub> off* — *to stop suddenly*; *discontinue*. Но даже в этих глаголах помимо сем образа действия, начала/конца, прослеживается дополнительный смысловой компонент — вид деятельности, т. е. *seize<sub>1</sub>* — это не просто «начать» + «силой», а «начать» + «владеть» +

+ «силой», содержание vanish не исчерпывается — семами «перестать» + «внезапно», а предполагает семы «перестать» + «быть видимым» + «внезапно». Таким образом, большая часть глаголов и глагольных словосочетаний относится к 2) группе единиц, обязательным семантическим компонентом которых является указание на вид деятельности, например: dawn<sub>1</sub> — begin to grow light; start<sub>7</sub> off — begin to move; burst<sub>6</sub> into — b) (suddenly) begin to cry; eat<sub>1</sub> up — finish eating; drop<sub>8</sub> — cease to associate with (sb).

Как видно из приведенных дефиниций, факультативной является сема образа действия, в то время как указание на вид деятельности является обязательным, так как «...выражение СД неотделимо от выражения самого действия»<sup>15</sup>.

Все вышесказанное позволяет сделать определенные выводы:

1. Широта и абстрактность понятий «начало» и «конец» находит языковое выражение в их чрезвычайно многочисленной и разнообразной представленности единицами различной структурной организации (отдельные ЛСВ, глаголы-композиты, устойчивые сочетания).

2. Действие в его спецификации, как правило, обозначается производными единицами: глаголами-композитами и устойчивыми глагольными словосочетаниями.

3. Аспектуальные характеристики действия (начало/конец) неразрывно связаны с видом деятельности, который обязательно находит отражение в семантической структуре единицы; сема образа действия является факультативной.

4. Несмотря на антонимичность понятий «начало» и «конец», в языке существует целый ряд единиц, которые могут передавать оба понятия (глаголы изменения, интоактивные глаголы и глаголы-связки, многозначные глаголы двойной направленности).

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., Учпедгиз, 1947, с. 425.

2 Кошевая И. Г. К проблеме знака и значения в языке. М., 1976, с. 95.

3 Аксаков К. С. Полн. собр. соч., т. II. М., 1875, с. 1—2.

4 R. Aldington. Death of a Hero, Moscow, 1958 (DH); R. Aldington. Short Stories, Moscow, 1967 (ASS); J. Aldridge. The Hunter, Moscow, 1958 (AH); J. Braine. Room at the Top, Moscow, 1961 (BRT); Chesterton. Selected Stories, Moscow, 1971 (Chest.); A. Christie. Selected Stories, Moscow, 1969 (Chr.); A. Cronin. Hatter's Castle, Moscow, 1960 (CHC); J. Gal-

seworthy. The Man of Property, Moscow, 1956 (GMP); J. Galsworthy. To Let, Moscow, 1975 (GL); G. Greene. The Quiet American, Moscow, 1959 (GGQA); Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat, Moscow, 1959 (J. 3); J. Lindsay. Betrayed Spring, Moscow, 1955 (LBS); Modern English Short Stories, Moscow, 1963 (MESS); J. Murdoch. The Sandcastle, Moscow, 1975 (IMS); A. Sillitoe. Key to the Door, Moscow, 1969 (S. Key).

<sup>5</sup> A. S. Hornby with the assistance of A. P. Cowie, J. Windsor Lewis, Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, London, Oxford University Press, 1974.

<sup>6</sup> Random House Dictionary of the English Language. The Unabridged Edition. Random House, New-York, 1967.

<sup>7</sup> Roget's International Thesaurus. Fourth Edition. New-York, 1977.

<sup>8</sup> Единицы, обозначающие начало и конец биологического существования (рождение, смерть), в данной работе не рассматриваются.

<sup>9</sup> Номера лексико-семантических вариантов (ЛСВ) даются по словарю А. Хорнби.

<sup>10</sup> В таблице дается общее количество не ЛСВ, а лексем, что объясняется разным количеством и различной оранжировкой семантической структуры лексем в словарях А. Хорнби и Random House Dictionary. В тезаурусе Роже также даны лексемы, а не ЛСВ.

<sup>11</sup> Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии.— В кн.: Вопросы общего языковедения. Изд-во ЛГУ. Л., 1965, с. 74.

<sup>12</sup> Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1963, с. 7.

<sup>13</sup> Цитата дается по книге В. А. Звегинцева Семасиология. МГУ, 1957, с. 57.

<sup>14</sup> По данным словаря А. Хорнби.

<sup>15</sup> Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., «Просвещение», 1967, с. 51.

Е. И. ШЕЙГАЛ

## КОМБИНАТОРИКА ВНУТРЕННИХ ИНТЕНСИВОВ

Категория интенсивности принадлежит к числу функционально-семантических категорий, находящих самую разнообразную, разноуровневую языковую реализацию.

Лексические средства выражения интенсивности можно подразделить на внешние интенсивы (слова, которые усиливают признак, выраженный другими словами) и, с другой стороны, интенсификаты — слова, в семантике которых одновременно заключено и называние какого-либо признака и усиление этого признака (соответственно будем выделять внутренние интенсивы — семантические компоненты в составе значения, выявляемые через маркеры интенсивности в словарных дефинициях интенсификаторов). Так, предложение (1) иллюстрирует сочетание ключевого

слова *respect* с внешним интенсивом *highly*, а в примере (2) представлен интенсификат *honour*, значение которого включает внутренний интенсив *highly*.

(1) ... a person, who has brought public disgrace upon a name so *highly respected* as ours (E. V. 70).

(2) You cannot *honour* me unless she is holier to you. (O. W. 161) (*honour* = *respect highly*).

Понятие интенсивности в настоящей работе трактуется в широком плане, под него подводятся не только различия в степени проявления признака, но и, вслед за Ш. Балли, «все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т. п. вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или абстрактных идеях»<sup>1</sup>. При анализе словарных дефиниций интенсификаторов был получен ограниченный набор внутренних интенсивов, различия в семантике которых позволяют разбить их на 14 подгрупп. Внутренние интенсивы подгруппы *степень* (*very, too, extremely, exceedingly, intensely, excessively*) и *полнота* (*completely, fully, utterly, totally*) могут быть противопоставлены всем остальным в том плане, что они являются абстрактными выражителями высокой и полной степени, они не «привязаны» к какому-либо параметру, субстанции, свойству.

Внутренние интенсивы других подгрупп вследствие большей сложности их семантики занимают иерархически подчиненное положение по отношению к подгруппе *степень* — их значение включает тот или иной параметр плюс один из интенсивов подгруппы *степень*. Сюда относятся подгруппы *величина* (*much, great, large*), *сила* (*strong, forcible, with force, hard*), *активность* (*violent, severe, vehement, ardent, earnest*), *внезапность* (*sudden*), *быстрота* (*quick, fast, swift, rapid*), *тяжесть* (*heavy*), *глубина* (*deep*), *высота* (*high*), *длительность* (*long, prolonged*), *громкость* (*loud*), *острота* (*sharp, keen*), *яркость* (*bright*)<sup>2</sup>.

Задачами настоящей статьи являются:

1. Рассмотреть, какие сферы объективной действительности при номинации в языке могут подвергаться «внутренней интенсификации», и как разные типы внутренних интенсивов закреплены за той или иной предметной областью;

2. Выявить тенденции комбинаторики разных типов внутренних интенсивов в структуре значения интенсификаторов и возможное проявление этих тенденций при функционировании интенсификаторов в речи.

Материалом исследования послужили 1965 единиц, отобранных в результате сплошной выборки по словарю COD<sup>3</sup>.

Как отмечает ряд исследователей<sup>4</sup>, для английского языка весьма характерны синонимические ряды, члены которых различаются только степенью интенсивности признака. В связи с этим представляет интерес выявление семантических групп, для которых наиболее релевантна внутренняя интенсификация.

Предварительно нами выделено 60 семантических групп (СГ) интенсификаторов, большинство из которых можно объединить в шесть крупных классов: *физическое действие* (включает СГ *удар*, *толчок*, *бросок* и др.), *движение* (способ перемещения — СГ *бег*, *ходьба*, *прыжок*, *текущее*, *падение*; внутреннее движение — СГ *вращение*, *пульсация*); *эмоции* (СГ *любовь*, *радость*, *уважение*, *удивление*, *страх*, *гнев* и др.); *звук*; *свет*; *коммуникация* (СГ *манера речи*, *просьба*, *критика* и др.)<sup>5</sup>.

В связи с различиями в семантике внутренних интенсивов встает вопрос об их избирательности по отношению к той или иной СГ интенсификаторов. Наиболее широким охватом различных семантических групп характеризуются внутренние интенсивы подгруппы *степень*, не осложненные каким-либо конкретным параметром, «далее следуют подгруппы *активность*, *сила*, *величина*. Наибольшую избирательность по отношению к СГ интенсификаторов проявляют интенсивы подгрупп *яркость*, *длительность*, *тяжесть*, *громкость*, *острота*.

Каждая СГ интенсификаторов имеет свой характерный набор внутренних интенсивов, причем специфика этого набора определяется не только наличием того или иного интенсива у данной СГ, но и его значимостью, преобладанием в количественном отношении. Сравним, например, наборы подгрупп внутренних интенсивов у двух классов интенсификаторов: *движение* и *физическое действие* (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Физическое действие		Движение	
1. Сила (e. g. haul)	37%	1. Быстрота (e. g. career)	54%
2. Активность (e. g. hurl)	25%	2. Внезапность (e. g. durt)	21%
3. Внезапность (e. g. thrust)	22%	3. Активность (e. g. rush)	18%
4. Тяжесть (e. g. pound)	10%	4. Сила (e. g. spout)	4%
5. Быстрота (e. g. hurtle)	6%	5. Тяжесть (e. g. plunk)	3%

Как видно из таблицы 1, оба класса интенсификаторов маркируются одинаковыми подгруппами внутренних интенсивов, но удельный вес этих подгрупп значительно различается.

Особенности набора внутренних интенсивов у той или иной СГ интенсификаторов в значительной степени связаны со спецификой отражаемого ею участка объективной действительности. «У каждой лексико-семантической группы,— как отмечает А. А. Уфимцева,— своя шкала параметров, семантических признаков, обусловленных предметной областью и служащих основой интеграции или дифференциации членов данной парадигмы слов»<sup>6</sup>. Например, у интенсификаторов класса *физическое действие* основным параметром является активное действие с применением силы — соответственно, наиболее значимыми здесь оказываются внутренние интенсивы подгрупп *сила* и *активность*. В классе *движение* наиболее широко представлены внутренние интенсивы подгруппы *быстрота*, так как скорость, наряду с указанием направления и способа перемещения, является одной из существенных характеристик движения.

Для интенсификаторов семантических групп *звук* и *речь* наиболее значимы интенсивы подгрупп *громкость*, *острота*, *резкость*, *высота* основные физические параметры звука — амплитуда колебаний (громкость); скорость колебаний (высота тона); тембр. Интересно отметить что *deep* (глубина), будучи интенсивом в других СГ, в группе *звук* служит показателем не усиления, а ослабления (ср. дефиниции: *deep (about sound) = low in pitch, low in tone*).

Внутренний интенсив *bright* (яркость) маркирует лишь одну СГ — *свет*, что тоже обусловлено чисто предметными связями объективного мира.

Ограничения в наборе внутренних интенсивов у той или иной СГ интенсификаторов могут быть связаны и с языковыми факторами, в частности, с представленностью разных частей речи в данной СГ. Например, в тех СГ, где превалирует глагол и отлагольное существительное (в классах *движение*, *физическое действие*, *звук*), доминируют интенсивы подгрупп *внезапность* и *активность*, и весьма незначительны интенсивы подгрупп *степень* и *величина*. И наоборот, там, где преобладают имена прилагательные, отадъективные существительные (все типы оценок, *размер*, *количество*, *температура*, *эмоциональное состояние*), внутренние интенсивы подгрупп *степень* и *величина* наиболее значимы.

Еще одним важным фактором, ограничивающим комбинаторику внутренних интенсивов, является языковая норма, идиоматичность языка<sup>7</sup>. Исследование материала позволило выделить ряд внутренних интенсивов, строго закрепленных за определенными СГ интенсификаторами, например, *severe*.

*Удар* — *clobber* = *batter severely*, *oner* = *severe blow*;

*Критика* — *censorious* = *severely critical*, *scarify* = *pain by severe criticism*;

*Боль* — *anguish* = *severe bodily* of mental pain, *torture* = infliction of *severe bodily* pain;

*Просьба* — *implore* = *beg earnestly* for, *entreaty* = *earnest request*;

*Желание* — *anxious* = *earnestly desirous*, *desire* = *want earnestly*.

Представляют интерес случаи, когда норма накладывает ограничения на сочетаемость внутренних интенсивов с разными СГ интенсификаторов в пределах одного класса, например, эмоции: внутренний интенсив *strong* маркирует единицы как группы *ненависть*, так и группы *любовь* (*disgust=strong aversion*; *be infatuated=have an unreasonably strong love for*, в то время как интенсив *excessive* выбирает только СГ *любовь* (*dote on=be excessively fond of*), а интенсив *intense* предпочитает СГ *ненависть* (*detestable=intensely hateful*). Уважение может сочетаться как с *high*, так и с *deep* (*honour=high respect; veneration=deep respect*), а *любовь* — только с *deep* (*adore=love deeply and respect highly*).

При анализе словарных дефиниций интенсификаторов обращает на себя внимание тот факт, что в ряде случаев они маркируются не одним, а несколькими внутренними интенсивами (например, *fright=great and sudden fear*; *hate=extreme or violent dislike*), причем интенсивы определенных подгрупп совместно встречаются в структуре значения интенсификаторов (см. табл. 2)<sup>8</sup>.

Проследим теперь, в какой степени выявленные тенденции к совместной встречаемости интенсивов разных подгрупп в структуре значения интенсификаторов соотносятся с лексической сочетаемостью интенсификаторов в речевом употреблении.

В принципе все внутренние интенсивы могут реализоваться в речи как в скрытой форме (в качестве компонента значения интенсификатора), так и в явной форме, в качестве внешнего интенсива.

Как показывает материал исследования, в речи может иметь место полное дублирование внутреннего интенсива:

Таблица 2

	Степень	Величина	Сила	Активность	Внезапность	Быстрота	Тяжесть	Высота	Глубина	Длительность	Громкость	Острота	Полнота	Яркость
Степень	7													
Величина	11	1												
Сила	11	2	3											
Активность	2	5	13	4										
Внезапность	4	4	27	25										
Быстрота	5	2	8	17	21	2								
Тяжесть	1	1	10	3	4	2								
Высота	2		2	1										
Глубина	4	3	3	3	1									
Длительность			1	1		1	3	1	1					
Громкость	1		7	13	6	2	2	3			5			
Острота		2	5		8	3	1	1			1	7		
Полнота	5	5	1	1	6					1				
Яркость	4	1		1										

(3) He *gazed at himself long* and curiously (J. L. 125).

В этом примере интенсификат *gaze* имеет в составе своего значения внутренний интенсив *long* и, кроме того, модифицируется внешним интенсивом *long* в словосочетании.

Внутренний и внешний интенсивы могут быть разными, но относящимися к одной и той же подгруппе:

(4) She *gabbled quickly* imitating a foreign language (A. S. 190).

В примере (4) интенсификат *gabble* имеет в своем значении компонент *fast*, который, как и внешний интенсив *quickly*, относится к подгруппе *быстрота*.

В обоих случаях семантический повтор ведет к переработыванию значения интенсива в оператор подчеркивания. Как отмечает Ю. Д. Апресян, «существуют такие значения, которые, по-видимому, никогда или почти никогда не зачеркиваются, сколько бы раз они не повторялись в словосочетании. Не зачеркивается, например, значение высокой степени. Если каждое из двух синтаксически связанных слов имеет значение высокой степени, то последнее, так сказать, удваивается»<sup>9</sup>.

(5) The *utter exhaustion* which only a neurastenic personality can know is evident in Blanche's voice and manner. (T. W. 85) — (*exhaustion = total loss of strength*).

Двойное усиление может возникать и при сочетании двух интенсификаторов с одинаковыми внутренними интенсивами:

(6) ...the heart of her *exulted triumphantly* (J. L. 246) — (exult=rejoice greatly; triumph=great joy).

Внутренний и внешний интенсивы могут относиться к разным подгруппам, но их сочетание обычно соответствует комбинациям групп внутренних интенсивов в структуре значения интенсификаторов (см. табл. 2):

(7) Bead ran to the gum *completely disrupting* the movie in his frantic search for a master. (Sh. St. 27) — (disrupt=break up, separate by force).

Хотя именно такое сочетание внутренних интенсивов (by force+completely) при анализе словарных толкований интенсификаторов не зафиксировано, но на уровне подгрупп (*полнота+сила*) в речи прослеживается соответствие сочетаемости интенсивов в структуре значения.

Аналогично в примере (8) комбинация внешнего интенсива sharply и внутреннего strong соответствует парадигматической комбинации подгрупп внутренних интенсивов *острота+сила*:

(8) She looked him in the eyes, her own *sharply passionate* and inviting. (J. L. 69) — (passionate=dominated by or easily moved to strong feeling).

Экспликация внутреннего интенсива может быть контактной (непосредственная синтаксическая связь с интенсификатором) и дистантной, когда внешний интенсив не имеет непосредственной синтаксической связи с интенсификатором, а относится к другому ключевому слову, обеспечивая при этом семантическую связность текста.

(9) He was brought to a sudden pause by a *loud* voice from within which *exclaimed*... (J. L. 311) — (exclaim=cry out loudly and suddenly).

(10) Kirkby was ... now and again struck with the *bright* light of humour which had *flared* particularly when... (A. S. 206) — (flare=blaze with bright unsteady spreading flame).

Ч. Филмор, говоря о глаголах с «инкорпорированным» объектом, отмечает, что при реализации в поверхностной структуре аргумент обязательно опускается, поскольку он является неотъемлемой частью значения предиката. Такого рода объект появляется в поверхностной структуре только в том случае, когда его необходимо как-то ограничить, квалифицировать, например, She slapped me (with her hand); she slapped me with her left hand<sup>10</sup>.

В нашем материале в ряде случаев экспликация внутреннего интенсива происходит как раз с целью делимитации

этого компонента значения в соответствии с коммуникативной задачей. Так, в примерах 11, 12 компоненты *violently*, *loud* реализуются в явной форме потому, что говорящему необходимо тем или иным образом уточнить, расширить, охарактеризовать именно эти компоненты значения.

(11) She catches her breath and slams the mirror face down with such violence that the glass cracks. (T. W. 122) — (slam = shut violently and noisily).

(12) Hello! I roared, advancing towards her. My voice seemed unnaturally loud across the garden. (S. F. 45) — (roar = make *loud* deep sounds).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующее заключение.

Внутренняя интенсификация в английском языке наиболее широко представлена в семантических классах *движение, физическое действие, эмоции, коммуникация, свет, звук*.

Специфика набора внутренних интенсивов у каждой семантической группы интенсификаторов обусловлена как внеязыковыми факторами (параметрами объектов отражаемого участка действительности), так и языковыми причинами (преобладанием в подгруппе той или иной части речи, влиянием языковой нормы).

Комбинаторика внутренних и внешних интенсивов в речи соответствует сочетаемости внутренних интенсивов в структуре значения (на уровне подгрупп внутренних интенсивов).

Экспликация внутренних интенсивов в речи ведет к семантическому повтору в целях: а) подчеркивания; б) уточнения и квалификации этого компонента значения в данной речевой ситуации; в) обеспечения семантической связности текста.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961, с. 202.

<sup>2</sup> Подробный анализ внутренних интенсивов см. в нашей статье «Категория интенсивности и лексическое значение слова». — Сб.: Системные семантические отношения в лексике германских и романских языков. Волгоград, 1979.

<sup>3</sup> The Concise Oxford Dictionary. 6th edition. Clarendon Press, 1977.

<sup>4</sup> См., например: Nida E. A. Componential Analysis of Meaning. An Introduction to Semantic Structures. The Hague — Paris, Mouton, 1975; Charleston B. Studies in the Emotional and Affective Means of Expression in Modern English. Bern, 1960.

<sup>5</sup> Выделение семантических групп проводилось методом ступенчатой идентификации. — См.: Кузнецова Э. В. Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов. Вопросы металингвистики. ЛГУ, 1973. Термин «семантическая группа» в отличие от «лексико-се-

мантической» выбран потому, что рассматриваемые группы включают слова, объединенные общностью значения, независимо от их принадлежности к той же или разным частям речи. (Определение Ахмановой О. С.—См.: Словарь лингвистических терминов. М., 1966). И. В. Арнольд называет аналогичные группы идеографическими.— См.: Arnold I. V. The English word. M., 1973.

<sup>6</sup> Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974, с. 148.

<sup>7</sup> Ср. замечание Вольф Е. М. о том, что «ограничения нормы затрагивают, в частности, всю сферу прилагательных — интенсификаторов».— См.: Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978, с. 5.

<sup>8</sup> Цифры показывают зафиксированное нами количество случаев совместной встречаемости внутренних интенсивов разных подгрупп в структуре значения интенсификаторов.

<sup>9</sup> Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974, с. 89.

<sup>10</sup> Fillmore Ch. J. Types of Lexical Information.—In: Studies in Syntax and Semantics, ed. by F. Kiefer, Dordrecht — Holland, 1969, p. 120.

## ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

E. V.—E. Voynich. The Gadfly. M., 1955.

O. W.—O Wilde. Plays. M., 1962.

T. W.—T. Williams. A Streetcar Named Desire. N. Y. 1958.

Sh. St.—Ten Modern Short American Stories. N. Y. 1965.

S. F.—F. Scott Fitzgerald. The Great Gatsby. Kiev, 1973.

J. L.—J. London. Martin Eden. M., 1956.

A. S.—A. Sillitoe. Key to the Door. M., 1969.

## Т. Н. АСТАФУРОВА

# ЗНАЧЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПОВТОРЯЕМОСТИ В СЛОВЕ И СЛОВОСОЧЕТАНИИ

Разнообразные процессы и явления окружающего нас мира обладают свойством повторяться. Их повторяемость связана как с пространственно-временными, так и с количественными характеристиками, в связи с чем повторяемость имеет временную, пространственную и количественную детерминацию.

В системе современного английского языка исследуемое значение повторяемости передается средствами разных уровней — лексики, морфологии, синтаксиса, что делает правомерным выделение функционально-семантической категории повторяемости<sup>1</sup>. Многоаспектность понятия повторяемости находит свое отражение в языке как в разных онома-сиологических типах категории повторяемости, так и в неоднородности средств, передающих эти разные типы.

Анализ языковых единиц, полученных в результате сплошной выборки из толкового словаря<sup>2</sup> и принадлежащих разным частям речи, позволил выделить набор лексических единиц, обозначающих количественный, временной и пространственный виды повторяемости, которые являются отражением разнородных экстралингвистических характеристик этого понятия.

Наиболее полно разные виды повторяемости представлены классом наречий, являющихся чистыми идентификаторами повторяемости, а также классом глаголов, так как повторяемость является, главным образом, характеристикой процесса, действия.

Задача данной статьи — показать речевые условия актуализации глаголов, содержащих в структуре своего значения компонент повторяемости. В качестве материала выбрана группа глаголов пространственной повторяемости, под которой мы понимаем действия, процессы, характеризующиеся повторением одних и тех же пространственных параметров. Этот вид повторяемости наиболее избирателен и передается в современном английском языке ограниченной группой составных наречий типа *to and fro*, *up and down*, *back and forth*, *backwards and forwards*, *from side to side*, *round and round*, *around* и группой глаголов, действие которых характеризуется повторением определенных пространственных параметров, что находит отражение в их словарных дефинициях: *swing-move repeatedly between same places*<sup>3</sup>; *oscillate=move repeatedly between two points*; *rotate=move with repeated acts of journeying round*; *whirl=move, turn rapidly with repeated acts of journeying round*.

Основным принципом, легшим в основу выделения данной группы глаголов, является тематический (семантический) принцип, предложенный А. И. Смирницким<sup>4</sup>, согласно которому слова объединяются на основе наличия общего компонента в содержании их значения. Каждое значение, обладая существенными признаками разного порядка, входит одновременно в общие и частные семантические системы, подклассы, группы и т. д. Анализируемые глаголы входят в семантический класс глаголов движения, что подтверждается анализом дефиниций. Существование различных форм движения, связанных как с различными способами перемещения в пространстве, так и с его направленностью/нена-правленностью, позволяет отнести исследуемые глаголы

к более узкому подклассу глаголов «направленного движения». Так как в подклассе глаголов «направленного движения» нас интересуют не все глаголы, а только те, которые характеризуются повторением пространственных параметров, то, соответственно, выделяем группу глаголов «направленного движения с повторением пространственных параметров».

Анализ словарных дефиниций исследуемых глаголов, целью которого является выявление их семантических составляющих, позволил определить общие или интегральные компоненты, на основе которых группа выделяется из более широкого класса глаголов движения. Интегральные компоненты характеризуют весь класс глаголов пространственной повторяемости. К ним относятся компоненты: «движение», «повторение пространственных параметров». Кроме интегральных, нами выделены дифференциальные компоненты, на основе которых исследуемая группа глаголов подразделяется на две подгруппы. К дифференциальным компонентам относится компонент «противоположно-направленного движения», лежащий в основе первой подгруппы глаголов (назовем их глаголами колебания: swing, rock, oscillate, sway, wave, shake, waver, weave, shuttle, oscillate, wig-wag, see-saw, swag, etc.), и компонент «однонаправленного движения», на основании которого выделена вторая подгруппа глаголов (назовем их глаголами вращения: circle, whirl, revolve, rotate, twirl, spin, gyrate, twiddle, roll, circulate, etc.).

Графически это можно представить следующим образом:



Отсутствие указания на границу действия позволяет отнести глаголы группы «направленного движения с повторением пространственных параметров» к дуративным глаголам.

Существенные признаки называемых процессов, совершающихся в объективной действительности, находят свое отражение как в семантических, так и лексико-синтаксических свойствах глаголов. Под последними мы, вслед за А. А. Уфимцевой<sup>5</sup>, понимаем сосредоточенность процесса, действия на субъекте или объекте действия. В первом случае мы говорим о субъектных значениях, во втором — об объектных. Глаголы, совмещающие субъектные и объектные значения, относятся к двувершинным. Исследуемые нами глаголы в большинстве относятся к двувершинным, лишь небольшая группа относится к субъектным. Чисто объектные глаголы в пределах рассматриваемой группы не были отмечены. Субъектные глаголы разграничают первую и вторую подгруппы, так как наиболее характерны для глаголов колебания (первая подгруппа): *vacillate, waver, wobble, dodge, seasaw, weave*. В группе глаголов вращательного движения (вторая подгруппа) отмечены только *gyrate, spin*. Распределение субъектно-объектных и объектно-субъектных<sup>6</sup> примерно одинаково. В первой группе выделяются субъектно-объектные глаголы — *wave, sway, swag, oscillate*, во второй группе — *circle, whirl, rotate, circulate*. Объектно-субъектными глаголами в первой группе являются *swing, rock, shuttle, shake, joggle*, во второй группе — *twirl, revolve, twiddle, roll*.

Почти все исследуемые глаголы многозначны, за исключением *gyrate, wigwag*. Многозначные глаголы подразделяются на три вида:

а) глаголы, у которых все ЛСВ специализируются на передаче значения пространственной повторяемости: *swing, rock, circulate, roll*;

б) глаголы, у которых исследуемый ЛСВ является основным, остальные же могут относиться к другим лексико-семантическим группам: *sway, oscillate, wave, waver, vibrate, twirl, revolve, rotate, etc.*;

в) глаголы, у которых исследуемый ЛСВ является периферийным: *spin, weave*<sup>7</sup>. В данной статье мы ограничимся рассмотрением глаголов, у которых все ЛСВ или основной передают значение пространственной повторяемости. Анализ текстового материала показывает, что исследуемые глаголы характеризуются тремя типами контекстов актуализации:

I. В подавляющем большинстве случаев исследуемые глаголы выступают без поддержки слов, уточняющих их пространственную направленность. Такое употребление наиболее характерно для глаголов одностороннего движения, т. е. для глаголов вращения:

1. He caught Cherokee with head turned away as he *whirled* more slowly (J. L. 222).
2. But he *circled* just beyond the range of the club, snarling with bitterness and rage (J. L. 49).
3. Sometimes this stroke was successful and a stricken dog *rolled* in the dirt... (J. L. 205).

Однако в приведенных выше предложениях само значение повторяемости поддерживается различными средствами: структурой предложения (в первом примере) as he whirled, где as дает временную характеристику процесса, подчеркивая его длительность; темпоральным наречием sometimes (в третьем примере); длительной формой глаголов, создающих фон для повторного движения по кругу (во втором примере) circled, snarling with bitterness. Из приведенных примеров видно, что подчеркивание дуративного характера глаголов способствует выявлению повторяемости действия.

II. Следующим типом контекста, в котором реализуется значение пространственной повторяемости, выступает сочетание глаголов со значением пространственной повторяемости с наречиями и предложно-именными группами, у которых значение пространственной повторяемости является основным. Интересующая нас сема «повторение пространственных параметров» в глагольной лексеме воспринимается в неразрывном единстве с семой самого глагольного действия. Она подчинена семе движения и конкретизирует пространственные параметры, в которых протекает действие. Однако, по-видимому, ее подчиненное положение в структуре значения требует в тексте поддержки, уточнения характера движения. Ее эксплицитное выражение, интенсификация происходит за счет слов и словосочетаний, специализирующихся на передаче значения «направление пространственной повторяемости».

Для глаголов вращения такими конкретизаторами являются наречия (around = in a circular way, round and round = with repeated revolutions round, around) и предложно-именные сочетания (in circles, in a circular orbit). Наиболее частотным (по предварительным данным) в этой функции выступает наречие around:

4. Bloomberg stood up in her lap and more like a dog than a cat, began to *circle around* to find a sleeping position he liked better (S. 144). (*circle* v=*go round*, move in a circle).

5. But she proceeded to punish him roundly, until he gave over all attempts at placation, and *whirled in a circle*, his head away from her, his shoulders receiving the punishment of her teeth (J. L. 132) (*whirl* v=*move quickly round and round*).

В приведенных выше словосочетаниях *circle around*, *whirl in a circle* оба члена оказываются маркированными, т. е. имеют компонент «повторение движения в тех же пространственных параметрах». Наречия и предложно-именные словосочетания, в которых эта сема является ведущей, создают семантическую редупликацию, воспроизводят системный компонент значения глаголов, усиливая его. Такой тип отношений между членами словосочетания назовем отношением семантической редупликации или итерации. По данным текстовой выборки, этот тип словосочетаний в равной степени характерен для глаголов обеих подгрупп.

Для глаголов колебания в качестве уточнителей выступает более разнообразная группа составных наречий *to and fro*, *up and down*, *back and forth*, *from side to side*, *backwards and forwards*, etc., обозначающих противоположно-направленное движение. Они поддерживают и усиливают все семантические компоненты, присущие глаголам: «движение», «противона правленность», «повторение пространственных параметров».

6. Sitting up in her bed she *rocked to and fro* in an agony (S. M. 200) (*rock* v=*move gently to and fro*).

7. His long tail *swung ponderously back and forth* as he turned and turned again (A. H. 165) (*swing* v=*move to and fro*).

При анализе дефиниций членов словосочетаний со значением пространственной повторяемости обращает на себя внимание повторение семы определяемого члена (глагола) в определяющем (наречии) *swing* v=*move to and fro*.

В приведенных выше предложениях повторяемость усиливается структурой предложения, например, в четвертом предложении — это сочетание с начинательным глаголом *began to circle around*, а в седьмом предложении — семантический повтор *turned and turned again*, которые подчеркивают количественную сторону, многократность повторенного действия.

Исследователи считают, что при определенном коммуникативном задании итерация той или иной семьи, содержащейся в значении глагола, представляет типичное явление в современном английском языке<sup>8-9</sup>.

Особый интерес представляют случаи, когда глаголы одностороннего движения с повторением тех же пространственных параметров типа circle уточняются наречиями, предполагающими противоположно-направленное движение, типа to and fro. В данном случае компоненты словосочетания содержат несовместимые семантические части, при этом глагол сохраняет свои пространственные параметры (движение по кругу), уточняющее же его наречие изменяет направленность движения:

8. He was crying with rage... as he circled back and forth (J. L. 37).

В результате семантического рассогласования по семе «направленность движения» происходит определенное переосмысление семантики глагола, он приобретает в данном контексте значение, отличное от словарного, которое описательно можно представить как «ходить по кругу в противоположных направлениях от какой-то исходной точки круга». В определяемом глаголе погашается сема «одностороннего движения», и он приобретает сему «противоположно-направленного движения», которая является основной у определяющего его наречия back and forth.

III. Иной тип отношений между членами словосочетания наблюдается тогда, когда основной член словосочетания, не будучи маркированным по отношению к компоненту «повторение тех же пространственных параметров», сочетается с маркированными наречиями и предложно-именными группами:

9. Round and round he went, whirling and turning and reversing, trying to shake off the fifty-pound weight. (J. L. 223).

10. When she forced him too hard, he was compelled to go about in a circle... his head turned from her (J. L. 149).

11. Squeeling shrilly, he ran backward and forward trying to push in among his stronger brothers (A. H. 59).

В приведенных выше примерах отсутствующий в глаголе компонент «повторение тех же пространственных параметров» привносится конкретизирующим глагол наречием, в котором исследуемое значение является основным, уточняя информацию о пространственной определенности действия. Такой тип отношений между членами словосочетания назо-

вем отношением конкретизации. Возможность данной группы глаголов сочетаться с наречиями пространственной повторяемости обусловлена согласованием по семе «движения», которая является основной у глагола и данной группы наречий. Кроме семы движения, согласование идет по семе «пространственных параметров», которая является основной у наречий и предложно-именных групп и входит в импликационал<sup>10</sup> глагола, так как для характеристики значения исследуемых глаголов релевантен признак пространственной ориентации действия. Таким образом, в сочетаниях типа go round, and round, run backward and forward происходит «создание новых значимостей»<sup>11</sup>, в которых каждый компонент привносит свое значение. Как показывает анализ материала, наречия типа to and fro, back and forth, etc. семантически более активны по сравнению с наречиями и предложно-именными группами, конкретизирующими глаголы вращательного движения. Об этом свидетельствует тот факт, что наречия типа to and fro в наших примерах зарегистрированы со многими глаголами движения, в которых не содержится указания на повторение тех же пространственных параметров: leap, strut, prowl, float, guard, parade, swagger, go, run, walk, etc.

С наречиями и предложно-именными группами, характеризующими движение по кругу, отмечено сравнительно небольшое количество глаголов go, run, retreat.

Таким образом, пространственная повторяемость в современном английском языке передается ограниченной группой наречий и глаголов, действие которых характеризуется повторением пространственных параметров. В группе исследуемых глаголов выделяются две подгруппы, различающиеся по направленности движения: глаголы противоположно-направленного движения (колебания) и глаголы односторонне-направленного движения (вращения). Анализ лексико-синтаксических и семантических характеристик глаголов пространственной повторяемости показал, что в подавляющем большинстве случаев они двувершинны (совмещают субъектные и объектные значения) и многозначны.

Рассмотрение двух видов многозначных глаголов, у которых: а) все ЛСВ специализируются на передаче значения пространственной повторяемости, б) исследуемый ЛСВ является основным, остальные же могут относиться к другим лексико-семантическим группам, позволило наметить в синтагматике три типа наиболее частых контекстов (отношений)

актуализации значения пространственной повторяемости:

1) нейтральный контекст, характерный для глаголов однонаправленного движения;

2) итеративный контекст, характерный в равной степени как для глаголов однонаправленного, так и противоположно-направленного движения;

3) конкретизирующий контекст, характерный для глаголов противоположно-направленного движения.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Бондарко А. В. К проблематике функционально-семантических категорий (глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке). ВЯ, М., 1967, № 2, с. 18—31.

<sup>2</sup> The Concise Oxford Dictionary of Current English. 6<sup>th</sup> edition. Edited by J. B. Sykes. Oxford, 1976 (COD).

<sup>3</sup> Дефиниции приведены к такому определению путем операции семантического развертывания, заключающейся в замене наречия дефиниции, передающего значение пространственной повторяемости, его толкованием: *to and fro = repeatedly between same places* (COD); *round and round = with repeated revolutions = with repeated acts of journeying round* (Hornby).

<sup>4</sup> Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1955, с. 181.

<sup>5</sup> Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.

<sup>6</sup> Отнесение глаголов к субъектно-объектным или объектно-субъектным проводилось на основании лексико-графических помет *v i* and *v t* для субъектно-объектных, *v t* and *v i* для объектно-субъектных. Эти пометы, в основном, совпадают в словарях The Concise Oxford Dictionary (COD); Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. A. S. Hornby, A. P. Cowie, J. Windsor Lewis. Oxford University Press, 1974; The Random House Dictionary of English Language, 1975; Большой Англо-Русский Словарь. Под редакцией И. Р. Гальперина. М., 1977.

<sup>7</sup> В большинстве словарей интересующий нас ЛВС глагола *wereve* дается периферийным, за исключением словаря COD, где он представлен как омоним.

<sup>8</sup> Сентенберг И. В. К типологии глагольных лексико-семантических вариантов.— В сб.: Исследования по романо-германскому языкоznанию. Волгоград, 1977, с. 113.

<sup>9</sup> Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974, с. 209.

<sup>10</sup> Импликационал (термин М. В. Никитина) — «очерчивает ожидаемую область того, что может быть названо в связи с данным именем». — См.: Никитин М. В., Указ. соч., с. 35.

<sup>11</sup> Уфимцева А. А. Указ. соч., с. 201.

### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

W. Somerset Maugham. Theatre. M., 1979.

J. London. The Call of the Wild. White Fang. M., 1976.

Aldous Huxley. Crome Yellow. M., 1976.

Salinger. Franny and Zoo. L., 1977.

# К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Предлагаемая работа является частью исследования по теме «Структурно-семантический анализ союзных сочинительных биномов» (на материале произведений Дж. Чосера.) В работе исследуются сочетания типа: *The chambres and the stables (weren wyde); . (Of Athenes he was) lord and governour.*

Поскольку исследуемая конструкция является биномом, то совершенно очевидно, что в ее составе комбинируются два значения. Исследование закономерностей сочетаемости этих значений в составе бинома потребовало выбора определенной системы семантической классификации лексических единиц. Однако, учитывая временной срез, на котором ведется исследование, нам хотелось выбрать такую классификацию из всех, существующих в современной лингвистике, которая, во-первых, могла бы быть приемлемой для данного исторического периода, и под которую, во-вторых, могли бы быть подведены лексические единицы безотносительно к их грамматической природе (т. е. принадлежности их к той или иной части речи), так как в работе исследуются слова всех грамматических разрядов. Такой классификацией, на наш взгляд, является классификация Р. Халлига и В. Вартбурга, критическому анализу которой и посвящена основная часть данной статьи [1].

Классификация представляет наиболее стройную и относительно универсальную систему, так как в сферах, выделяемых авторами, за основу берутся понятия, составляющие довольно общую картину мира. Дав достаточно полную и четкую классификацию этих понятий, состоящую из трех главных разделов (Вселенная, Человек, Человек и Вселенная) и десяти подразделов (небо и атмосфера; земля; растения; животные; человек — биологическое существо; душа и разум; человек — социальное существо; общественные организации; априори; наука и техника), внутри каждого из которых и находят свое отражение конкретные понятия (моря, деревья, ощущения, размер, индустрия и т. д.), Р. Халлик и В. Вартбург распределили весь исследованный ими словарь по группам, соответствующим данным понятиям. Словарь дан в алфавитном порядке с указанием номера группы, к которой долж-

но быть отнесено данное слово. Такая классификация представляется нам приемлемой в силу своей последовательности, широты диапазона охвата материала и, как уже отмечалось, в силу своей универсальности.

Как видно из приведенного выше описания, авторы подошли к семантической классификации словарных единиц с позиций ономасиологии. Такой подход к изучению словарного состава языка сам по себе не нов и имеет длительную историю. Известны, например, работы А. И. Смирницкого и Ф. Дорнзайфа [2] в этом направлении. Ономасиологический подход к классификации словарных единиц вполне правомерен. По определению В. В. Виноградова, значение слова — это его «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» [3]. Имя прежде всего определяется его соотнесенностью с объективной действительностью. Известное в лингвистике направление «Wörter und Sachen» — «слова и вещи» возникло именно потому, что слово, его существование, его динамика в значительной степени строятся на его связи с объективной действительностью. Это положение лежит в основе классификации Р. Халлига и В. Вартбурга и является ее стержневым элементом. Такой материалистический подход к изучению языковых единиц является одним из основных достоинств предлагаемой классификации Р. Халлига и В. Вартбурга и во многом определяет ее выбор.

Однако, принимая эту классификацию за основу, нельзя полностью согласиться со всеми ее положениями. Как уже отмечалось, все понятия представлены авторами в трех обширных разделах. Раздел «A» называется L'Universe — Всеенная. Сюда включены все понятия органического и неорганического мира, которые расположились соответственно в подразделах: небо и атмосфера; земля с ее недрами; растения и их жизнь; животные и их разновидности.

Во втором разделе «B» представлен Человек (L'Homme). Подразделы здесь соответственно исследуют: 1) человека как биологическое существо с его физиологией и потребностями; 2) психику и интеллект человека, включая сюда разум, ощущения, проявление воли и нравственность; 3) человека как социальное существо, а именно: жизнь общества (семья, язык, нация, общественные отношения и т. д.); работу (сфера деятельности, сельское хозяйство, промышленность, коммерцию, транспорт, путешествия и т. д.); 4) общественные орга-

низации: общественные места (населенные пункты, коммунальные учреждения, общественные службы); государство; образование и просвещение; судебные организации; внешнюю политику; национальную оборону; войну; художественную литературу и изобразительные искусства; вероисповедание и религию.

Третий раздел «С» озаглавлен «Человек и Вселенная». Сюда включены: отношения между объектом действительности и восприятием их человеком (размер, форма, вкус, звучание, отношения, порядок, цена); пространство и время; причинность явлений; изменения; наука и техника [1, с. 101—112].

Как видно из приведенной классификации, некоторые из ее положений не могут быть приняты. Так, категории пространства и времени, помещенные авторами в раздел «Человек и Вселенная», как известно, являются основными объективными формами существования материи, независимыми от сознания [4, с. 69; 5, с. 108]. Включение же их в раздел «Априори» указывает на то, что авторы, очевидно, рассматривают эти понятия как воспринимаемые человеком и не учитывают объективный характер их существования, что близко к субъективному идеализму. То же самое относится и к категориям «причинность», «движение» и «изменение».

Движение как философская категория определяется как «способ существования материи», который «включает в себя все, происходящие в природе и обществе, процессы» [4, с. 100]. В. И. Ленин подчеркивал неразрывную связь движения материи с пространством и временем: «В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени» [6, с. 181].

Изменение также есть «наиболее общая форма бытия всех объектов и явлений» [4, с. 142].

Объективной категорией является и причинность, под которой понимается «объективная закономерность мирового процесса» [5, с. 396] и которая обозначает «необходимую генетическую связь явлений, из которых одно, называемое причиной, обусловливает другое, называемое следствием или действием» [4, с. 329].

Что же касается понятий «размер», «форма» и т. д., то они, на наш взгляд, определяют параметры существования материи в пространстве и времени. Поэтому относить их в один раздел с такими понятиями, как «цена», было бы в корне неверным, поскольку «цена» скорее соотносится с обществен-

ной деятельностью человека, являясь условно принятой оценкой тех или иных свойств предметов, окружающих человека.

Таким образом, было бы более правильным выделить все вышеперечисленные категории, а именно: пространство, время, причинность, движение, изменение, размер и форму в отдельный подраздел, связанный с формами существования материи, о чём более подробно будет сказано ниже.

Понятия «наука и техника», также отнесенные Р. Халлигом и В. Вартбургом в раздел «Человек и Вселенная», скорее связаны с практической деятельностью человека и должны были быть отнесены в раздел, характеризующий общественные организации, вслед за литературой и изобразительным искусством.

Итак, приняв классификацию Р. Халлига и В. Вартбурга за основу при семантической классификации словарных единиц, предлагается внести некоторые поправки в систему семантических сфер, предложенную авторами. А именно: раздел «С» — «Человек и Вселенная» полностью исключается из классификации, а два его подраздела, каждый из которых содержит конкретные понятия, распределяются по первым разделам следующим образом: подраздел «Наука и техника» полностью переходит в раздел «В», в подраздел 4 — «Общественные организации» и образует там самостоятельный подпункт. Категории «пространство», «время», «причинность», «движение», «изменение», «размер» и «форма» рассматриваются в первом разделе «Вселенная», который предлагается назвать «Материальный мир, окружающий человека, и формы его существования», в силу того, что человек — тоже часть вселенной, как, впрочем, и «вся совокупность материальных объектов» [4, с.70]. У Р. Халлига и В. Вартбурга же раздел «А» рассматривает вселенную, исключая человека. Понятия «цена» и «образ жизни», очевидно, целесообразно переместить из третьего раздела в раздел «Человек», подраздел «человек — общественное существо». Сюда же относится и понятие «мораль», которое перемещается из второго подраздела «Психика и интеллект», поскольку «мораль» как нравственная категория находит свое проявление лишь во взаимоотношениях людей друг с другом, т. е. в процессе общественной жизни [4, с. 254].

Таким образом, в окончательном, измененном виде предлагаемая классификация семантических сфер имеет следующую структуру:

I. Человек: а/ человек — биологическое существо; б/ пси-

хика и интеллект; в/ человек — общественное существо; г/ общественные организации.

II. Материальный мир, окружающий человека, и формы его существования: а/ небесные тела и атмосфера; б/ Земля и ее недра; в/ растения; г/ животные; д/ формы существования материи.

Каждый из подразделов двух основных классов включает в себя огромное множество понятий, объединенных общим значением. Так, подраздел «Человек — биологическое существо» включает в себя понятия: пол, раса, тело и части тела, питание, движение, сон, здоровье и болезнь и т. д. (более 40 понятий); подраздел «Психика и интеллект» подразумевает: сознание, понимание, память, чувства (ужас, уважение, почтение, зависть, симпатии и т. д.), проявление воли, склонности и т. д. (около 80 понятий); подраздел «Человек — социальное существо» включает понятия: общество, его жизнь, структура; язык, речь; работа (промышленность, сельское хозяйство, профессии и т. д.); транспорт; общественные организации; государство; суд; просвещение; национальная оборона; литература и искусство и т. д. (более 150 понятий). Так же подробно можно было бы описать все 9 подразделов.

Универсальность классификации очевидна. Возможность ее применения не только для исследований современного состояния языка доказывается тем, что все 3500 исследованных биномов расклассифицированы по 9 выделенным сферам. (Любопытно отметить, что подраздел «Человек — общественное существо» включает в себя даже такое понятие, как «рыцарская жизнь в средние века»). Приведем лишь несколько примеров: (*I pray to God, so yeve me*) *sorwe and care* c. 474; *On bokes and lerninge* (*he it spente*) c. 422.

В сочетании *sorwe and care* оба элемента должны быть отнесены к сфере «психика и интеллект» из раздела «Человек». А в биноме *bokes and lerninge* оба элемента восходят к сфере «просвещение» подраздела «человек — общественное существо». Аналогичный результат дает анализ других биномов: значения элементов координативного бинома в 99 случаях из 100 лежат в области одной семантической сферы. Возможными аргументами, объясняющими подобное явление, могут служить следующие:

- 1) связи слов в системе языка и в речи определяются связями явлений объективной действительности;
- 2) поскольку сочетания являются фактом языка и речи, следует предположить также наличие системных факторов,

определяющих координацию в пределах бинома семантически совместимых элементов. Такими факторами могут быть: а) семное согласование [см., напр., 7,8]; б) семантика союза, соединяющего элементы бинома. Однако детальный анализ этих факторов не является целью данной работы и может составить самостоятельное лингвистическое исследование.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Hallig R. und Wartburg W. *Begriffssystem als Grundlage für die Lexicographie, Versuch eines Ordnungsschemas*. Berlin, 1963.
2. Основы компонентного анализа. Под ред. Э. М. Медниковой. Изд-во МГУ, 1969.
3. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слов. -- ВЯ, 1953, № 5.
4. Философский словарь. Под ред. М. М. Розенталя. М., 1972.
5. Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., «Мысль», 1973.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 18.
7. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
8. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Ч. II. Владимир, 1974.
9. The Complete Works of Geoffrey Chaucer. Oxford, 1942.

В. И. СУПРУН

## ОСОБЕННОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЭТНОНИМОВ

Лексика языка образует систему, в которой каждое слово и соответственно каждое понятие занимают свое место, определяемое отношениями к другим словам и понятиям<sup>1</sup>. Весь словарь языка состоит из определенного набора соприкасающихся, а иногда и перекрещающихся лексико-семантических групп (ЛСГ)<sup>2</sup>.

Вопрос о выделении ЛСГ, об их отличии от тематических и других группировок слов рассматривается в современной лингвистике по-разному. Сторонниками широкого понимания ЛСГ являются Ф. П. Филин, В. И. Кодухов, В. Г. Гак и другие исследователи. Ф. П. Филин называет ЛСГ лексические объединения с однородными, сопоставимыми значениями<sup>3</sup>. П. А. Адаменко рассматривает ЛСГ как «совокупность слов, объединенных общим семантическим признаком, присутствующим в значении всех этих слов»<sup>4</sup>. В. И. Кодухов в своей

ранней работе понимал ЛСГ чрезвычайно широко, объединяя в них группы слов с точки зрения однородности, однопорядковости или просто близости значения<sup>5</sup>. В одной из последних работ он отделяет ЛСГ от лексико-семантических разрядов, терминологических, тематических групп, синонимических рядов и антонимических пар<sup>6</sup>.

Узкое понимание ЛСГ свойственно А. А. Уфимцевой и некоторым другим лингвистам. При этом за основу исследования лексики берется слово в его многообразных смысловых связях в системе языка<sup>7</sup>. Так, например, А. А. Уфимцева выделяет ЛСГ слов древнеанглийского языка *land*, *grund*, *middan-guard*, *molde*, *folde*, *hruse*, центральным членом которой выступает полисемантическое слово *еогре*<sup>8</sup>. Вероятно, узкое понимание ЛСГ можно рассматривать как лексико-семантическую группу слова<sup>9</sup>, которая может входить составным элементом в лексико-семантическую группу слов. С. Ф. Литвина, рассматривая английские названия животных *foal*, *stallion*, *stud*, *mare*, *colt*, *filly*, называет лексико-семантическую группу слова *horse* лексической микросистемой<sup>10</sup>. Лексико-семантическую группу слова можно также назвать вслед за Д. Н. Шмелевым семантической парадигмой, в этом случае лексико-семантическая группа слов будет более общей парадигмой, парадигмой следующей степени<sup>11</sup>.

Рассмотрим основные отличия ЛСГ от других объединений слов по лексико-семантическому признаку. Главной особенностью ЛСГ является наличие у каждой группы обобщающего слова или словосочетания, которое можно назвать главным интегрирующим семантическим множителем<sup>12</sup> или инвариантом парадигмы<sup>13</sup>. Так, для группы слов немецкого языка *Vater*, *Mutter*, *Sohn*, *Tochter*, *Onkel*, *Tante*, *Neffe*, *Nichte*, *Opa*, *Oma* таким обобщающим словом будет *Verwandte*. У ЛСГ английских слов, обозначающих сельскохозяйственных животных, *cow*, *bull*, *calf*, *steer*, *heifer*, *ox*, *beast*, *horse*, *mare*, *stallion*, *filly*, *foal*, *colt*, *gelding*, *sow*, *swine*, *boar*, *hog*, *gilt*, *pig*, *sheep*, *ewe*, *ram*, *lamb*, *wether*, *gimmer*, *theave*, главным интегрирующим семантическим множителем будет «сельскохозяйственное животное»<sup>14</sup>.

Подобного обобщающего слова нет у тематических, терминологических групп; нет его, вероятно, и у лексических (или семантических) полей<sup>15</sup>. Кроме того, ЛСГ состоят из лексем одной частеречной направленности, в то время как в тематические группы могут входить слова разных частей речи. Отличие ЛСГ от синонимических рядов и антоними-

ческих пар заключается в более широком объеме лексики, входящей в ЛСГ. Синонимические ряды и антонимические пары являются составными элементами ЛСГ. Терминологические группы отличаются от ЛСГ не только тем, что включают в свой состав слова разных частей речи, но и строгой стилистической замкнутостью.

Внутри каждой ЛСГ обнаруживается активный и пассивный набор лексем. Как и в языке в целом, к активной части ЛСГ относятся общеупотребительные слова, а к пассивной — вышедшие или еще не вошедшие в общелитературное употребление, т. е. архаизмы, историзмы и неологизмы. Различается состав ЛСГ и с точки зрения социально-диалектного употребления: Диалектизмы, профессионализмы, жаргонизмы и другие слова ограниченного употребления входят в качестве составных элементов в ЛСГ наряду с общенародной лексикой.

Можно разделить лексемы, входящие в одну ЛСГ, по экспрессивно-стилистическому признаку. При этом основу группы составляют нейтральные (межстилевые) лексемы, а вокруг этой основы, приближаясь к ней или удаляясь в сторону периферии, располагаются стилистически окрашенные слова. Наконец, при изучении ЛСГ допустимо распределение их состава с точки зрения происхождения отдельных элементов, выделяя исконные и заимствованные лексемы<sup>16</sup>.

Таким образом, под лексико-семантическими группами слов понимаются сегменты словарного состава языка (парадигмы), объединяющие лексемы с одинаковой предметной направленностью и однородной семантикой, обладающие общим главным интегрирующим семантическим множителем (инвариантом), относящиеся к одной части речи и характеризующиеся синонимическими и антонимическими отношениями между отдельными членами сегмента. В настоящее время более или менее подробно изучены ЛСГ, объединяющие нарицательные названия животных<sup>17</sup>, термины родства<sup>18</sup>, цветообозначения и названия красок<sup>19</sup>, глаголы движения<sup>20</sup>, говорения<sup>21</sup>, типа *белеть*<sup>22</sup> и др.

Следует отметить, что ЛСГ не являются замкнутыми, раз и навсегда установившимися системами. Состав ЛСГ непостоянен, он изменяется диахронически вместе с развитием языка в целом, его диалектов и говоров. Некоторые варианты парадигмы исчезают, появляются новые компоненты ЛСГ, меняются границы между активным и пассивным составом групп, обогащается семантическая структура отдельных

элементов. Как и другие семантические объекты, ЛСГ являются преимущественно открытыми системами<sup>23</sup>.

Сложным представляется вопрос о распределении по лексико-семантическому признаку ономастики. Семантика имени собственного (ИС) специфична, его потенциальное значение почти всегда равно актуальному значению словесного знака<sup>24</sup>. ИС стоит вне полисемии<sup>25</sup>. Оно, как правило, не способно выражать обобщенное понятие<sup>26</sup>. По словам А. А. Реформатского, «...в системе лексики имена собственные своей «гипертрофированной номинативностью» и редукцией семасиологической функции объективно противопоставлены именам нарицательным»<sup>27</sup>. Интересно замечание А. В. Суперансской о том, что значение ИС — фактор его известности, фактор общественно-исторический<sup>28</sup>. Именно в этом плане следует рассматривать рассуждения В. А. Никонова о трех планах значения ИС<sup>29</sup>. Если проанализировать значение какого-нибудь малоизвестного или вообще неизвестного имени, например, Скурлыга или Аор, то ни этимологического, ни отантропонимического (постономастического) значения у этих слов мы не обнаружим. ИС может выступать только в частной предметной отнесенности<sup>30</sup>.

А. В. Суперанская преувеличивает обособленность ИС в лексике, считая, что их можно уравнять с другими частями речи<sup>31</sup>. При всей специфики своей семантики ИС органически входит в состав имен существительных и с грамматической точки зрения (в широком понимании, включая синтаксическую, словообразовательную и словоизменительную стороны) не имеет никаких отличий от нарицательной лексики. В связи с этим, вероятно, нецелесообразно выделять нерасчлененное ономастическое поле<sup>32</sup>, поскольку ИС входят в состав других лексических полей, например, топонимы — в поле обозначений географических объектов, зоонимы — в поле названий животных и т. п. Поэтому достаточной является констатация существования ономастического пространства как совокупности ИС<sup>33</sup>. Это ономастическое пространство подразделяется на ЛСГ в соответствии с классификацией ИС: ЛСГ антропонимов, топонимов, зоонимов и т. д.

Особо располагаются в ономастическом пространстве этнонимы. Их специфика заключается в том, что по главному семантическому признаку этненимическую лексику можно разделить на две равномерные подгруппы: 1) слова со значением 'лицо определенной национальности' и 2) слова со значением 'народ'.

В обеих этнонимических подгруппах возможны синонимические ряды из функциональных и эмоционально-оценочных синонимов: рус. россиянин — русский — русак; украинцы — хохлы — малороссы; англ. American — Yankee; Newzealandian — kiwi; Egyptian — Gypso; the Chinese — the Chinees — the Chinks; Helvetician-Swiss; нем. Francose — Franzmann, Tschechen — Böhmen; норв. spanjer — spanjol; engelskmann — englander; фр. Allemand — boche; Bohemien — Tsigane — Tzigane-Romanichel; порт. cigano — zingaro — boêmio; basco — vasco — vascongado; рум. german — neamt и т. д. Реже можно встретить среди этнонимов абсолютные синонимы, или дублеты<sup>34</sup>: рус. голландцы — нидерландцы; нем. Hollender — Niederländer; норв. hollender — nederlender; гол. Let — Letlander; Groeziërg — Georgiër Hollander-Nederlander и т. д. Антонимы в этнонимической лексике встречаются крайне редко, они представлены единичными антонимами диахотомического деления понятий<sup>35</sup>: русские — нерусские, English — non-English и т. д.

Количество этнонимов в каждом языке теоретически может равняться числу народов, племен и других этнических единиц, которые живут в настоящее время и жили в прошлом. Однако реально в активном употреблении находятся наименования наиболее многочисленных и известных народов. При этом следует учитывать еще одну закономерность: активный этнонимикон в разных языках и в разные отрезки времени в одном и том же языке различен. Наиболее активно употребляются в языке определенного народа, кроме внутреннего этнонаима (самоназвания), наименования соседних этнических единиц, имена народов, с которыми наложены широкие экономические, политические, культурные и другие контакты, названия этнографических и диалектных групп, входящих в состав данного народа. Так, в русском языке советской эпохи в активный этнонимикон входят такие этнонаименования, как каракалпаки, осетины, лезгины, башкиры, чуваши, в то время как в других европейских языках названия этих народов скорее будут относиться к пассивному запасу. В активный словарь английского языка входит этноним the Welsh, которому соответствуют русские слова валлийцы, уэльсцы, находящиеся на языковой периферии<sup>36</sup>.

Архаизмы среди этнонимов встречаются нечасто. В этом плане интересен факт частичной замены этнонимикона в русском языке начала XX в., в результате которого в разряд архаизмов перешли этнонаименования киргиз-кайсаки, вотя-

ки, вогулы, самоеды, лопари и др. Этот процесс был вызван тем, что старые названия некоторых народов в царской России за многие века употребления приобрели негативный, пейоративный оттенок значения. В русском языке послеоктябрьского периода вместо этих этнонимов появились неологизмы, восходящие к самоназваниям: казахи, удмурты, манси, ненцы, саами и др.<sup>37</sup>. Некоторые этноназвания, появившиеся уже в дореволюционную эпоху, в советское время закрепились и стали единственными наименованиями для того или иного народа, например: украинцы вместо малороссы (при одновременном исчезновении слова великороссы), узбеки вместо сарты и т. д. Позже эти новые этнонимы стали проникать в другие языки: англ. Uzbek, Ukrainian; нем. Ukrainer; гол. Kazach, Oezbeek, Oekrainiër; норв. kasakh, usbeker, ukrainer; дат. kazakh, uzbeker, ukrainer; фр. Ukrainien; исп. ucraiano и т. д., а прежние наименования перешли в разряд архаизмов: нем. Wotjak, Kleinrussse; спр.: англ. Great Russian и т. д.

Вместе с исчезновением народа или его преобразованием с изменением имени из активного словарного запаса языков уходит его название. Часть историазмов в этнографической лексике относится к числу заимствований из древнегреческого и латинского или из других языков: рус. даки, кельты, иберы, этруски; англ. Ostrogoth, Celt, Iberian, Tyrrhenes; исп. celta, ibero, godo; нем. Gallier и др.

Политические события, природные явления, научно-исследовательская деятельность в районе проживания какого-либо народа активизирует его наименование в языках. При этом некоторые этнонимы переходят в активный запас языка, другие же остаются окказионализмами, не закрепляются в языке, хотя и сохраняют за собой постоянную потенцию к словоупотреблению. Примером первого рода могут послужить этнонимы никарагуанцы, боливийцы, вошедшие в недавнее время в активное употребление в русском языке. Примером второго рода является название австралийского племени аранта, известного тем, что фонетическая система его языка имеет только один гласный звук<sup>38</sup>.

В различных диалектах определенного языка можно обнаружить этнонаименования, отличающиеся от общенародных. Примерами могут служить чилийское название индейцев chino, американо-испанское наименование испанцев godo, американо-английские слова Dutchmann со значением 'немец', Lo 'индеец' и др. К диалектной лексике относятся названия этнографических групп: рус. сицкари, кержаки; нем.

Schwabe, Preusse; мексиканское название жителя побережья *abajeno*, чилийское наименование жителя севера страны *abajino* и др. Встречаются специфические названия народов в арготической и жаргонной лексике. Ср.: куган 'цыган' в кубрацком языке<sup>39</sup>, кудлай 'еврей' в любейском языке<sup>40</sup> и др.

По экспрессивно-стилистическому признаку выделяются, кроме нейтральных названий народов, слова высокого стиля (рус. россиянин, эллин; англ. Helvetian, Hellene; нем. Hellene; исп. heleno в значении 'грек') и стилистически сниженные лексемы (рус. русаки, хохлы; англ. Chinaman, Gypso, Lo Sawney; фр. boche; нем. Franzmänner и т. д.).

Лексическое значение этнонимов в форме единственного числа содержит семы 'национальность' и 'пол': рус. японец — японка, чех — чешка, турок — турчанка; нем. Holländer — Holländerin, Ungar — Ungarin, Zigeuner — Zigeunerin; норв. algirer — algirerinne, polakk — polakkinne, russe — ruserinne; фр. Français — Française, Polonais — Polonaise, Juif — Juive; исп. japonés — japonesa, rumano — rumana, inglés — inglesa; порт. brasileiro — brasileira, espanhol — espanhola, francês — francesa и т. д. В английском языке, как и в других языках, в которых отсутствует категория рода, сема 'пол' у этнонимов выражается путем словосочетания: American — American woman, Russian — Russian woman, Spaniard — Spaniard woman и т. д. В этнонимических парах Englishman — Englishwoman, Scotchman — Scotchwoman, Welshman — Welshwoman и др. бывшие словосочетания стали сложными словами. Специфическими словосочетаниями выражается противопоставление по полу в ряде норвежских этнонимических пар: danske — en dansk kvinne, tysker — en tysk kvinne, nordmann — en norsk kvinne, franskmann — en fransk kvinne и др. Подобное явление встречается также в датском языке. Интересно отметить, что если в английском языке у самоназования и названий соседних народов форма женского пола образуется морфологическим способом, а у названий удаленных народов выражается словосочетанием, то в датском и норвежском языках наблюдается противоположное явление.

По формальным показателям этнонимы в единственном числе не отличаются от членов других ЛСГ, входящих в антропонимическое поле<sup>41</sup>. Они соотносятся с личными местоимениями, с местоимением кто и т. п.: Ты — немец, инженер, отец, комсомолец; Du bist Russe, Arbeiter, Bruder Sieger и т. д.<sup>42</sup>

Этнонимы в форме множественного числа имеют две различные семантические структуры. В предложении «В нашей бригаде работают русские, украинцы, узбеки, армяне» каждый этноним может быть только определенным и множественным, но не может быть общим<sup>43</sup>. В предложениях «Таджики — народ индо-европейской языковой семьи» или «Грузины живут на Кавказе» этнические названия имеют общее значение, частную предметную отнесенность. В данном случае форма множественного числа этнонимов служит средством выражения понятия, которое нельзя определить через сумму входящих в него отдельно взятых единиц. Здесь выражается понятие этноса в целом, характеризующееся не количественными, а особыми качественными признаками<sup>44</sup>. Таким образом, в первом случае этнонимы обладают апелятивными<sup>45</sup> чертами, а во втором — представляют собой имена собственные. У. Л. Чейф, анализируя предложение «The Indians like corn», предполагает в нем наличие у этнонима двух семантических структур: 1) «The Indians who live in New York like corn»; 2) общее значение, как в предложении «The Indians migrated into North America from Siberia»<sup>46</sup>. Вероятно, следует предположить, что первая семантическая структура проявляется в подобного типа предложениях лишь при контекстуальном уточнении, в то время как вторая — имплицитна в них. Ср.: Украинцы любят протяжные песни.

Ономастические признаки множественного числа этнонимов были, вероятно, одной из причин того, что в английском, французском, голландском и ряде других языков названия народов пишутся с большой буквы. Ономастические функции множественного числа этнонимов проявляются также в том, что для русского языка в прошлом было свойственно употребление названий народов в форме множественного числа для обозначения территории проживания этих этносов<sup>47</sup>.

Помимо этнонимических значений слова, входящие в состав анализируемой ЛСГ, могут получать дополнительные семы и новые значения. Так, этноним немцы в русском языке обозначает не только лиц немецкой национальности, немецкий народ, но и представителей немецких учреждений, армии Германии: «Немцы вошли в город через три дня после ухода отряда»<sup>48</sup>.

Постэтнонимическое значение можно обнаружить у слов в форме единственного числа. Наиболее распространенным является употребление этнонима в значении 'учитель определенного языка': рус. немец, француженка, англичанин.

Возможны и некоторые другие переносы значений: рус. цыган 'смуглый человек', фр. Romanichel 'бродяга', англ. Saw-pney 'простофиля' и т. п. Встречается также метонимический перенос: этнографической лексемой называют предметы, характерные для того или иного народа: рус. арнаут 'булочка'; англ. Egyptian 'египетская папироса', Frenchman 'французское судно', Scotch 'шотландское виски' и т. д. В русском языке часто можно встретить постэтнографическое значение у слов женского рода. Впрочем, вероятно, правильнее говорить в данном случае об омонимии, возникшей в результате образования слов при помощи омонимичных суффиксов: полька 'танец', румынки 'вид женских ботинок', чешки 'спортивные тапочки', американка 'сорт картофеля' и т. д.

Таким образом, ЛСГ этнографов обладает специфической чертой, отличающей ее от других групп: слова, входящие в эту ЛСГ, обладают двумя семантическими структурами. Выделение этнографов в отдельную группу дает возможность проанализировать их сущность, рассмотреть взаимодействие различных слов и словоформ, возникновение постэтнографических значений у лексем данной ЛСГ.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См.: Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975, с. 52.

<sup>2</sup> См.: Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977, с. 150.

<sup>3</sup> Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов.— В книге: Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957, с. 537.

<sup>4</sup> Адаменко П. А. Лексико-семантические группы слов, обозначающие сельскохозяйственных животных (на материале английского языка). АКД. Л., 1971, с. 3.

<sup>5</sup> Кодухов В. И. Лексико-семантические группы слов. Л., 1955, с. 4.

<sup>6</sup> Кодухов В. И. Введение в языкознание. М., 1979, с. 204—205.

<sup>7</sup> Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962, с. 137.

<sup>8</sup> Там же, с. 138.

<sup>9</sup> См.: Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974, с. 145.

<sup>10</sup> Литвина С. Ф. Система зооморфных характеристик существительного horse.— В книге: Вопросы лексикологии. Новосибирск, 1977, с. 155.

<sup>11</sup> Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, с. 132.

<sup>12</sup> О семантических множителях см: Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975, с. 119.

<sup>13</sup> Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979, с. 205.

<sup>14</sup> Примеры из: Адаменко П. А. Указ. соч., с. 5—6.

<sup>15</sup> См., например: Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1967, с. 147; Степанов Ю. С. Указ. соч., с. 47—48. В. М. Богус-

лавский считает тождественными термины «тематическая группа» и «семантическое поле». См.: Богуславский В. М. Семантико-стилистическая группа слов, соотносимых с одним понятием.— В кн.: Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1972, с. 154.

<sup>16</sup> Ср.: Калинин А. В. Лексика русского языка. М., 1978, с. 62—101; Молочко Г. А. Лексика и фразеология русского языка. Минск, 1974, с. 57—76.

<sup>17</sup> См.: Адаменко П. А. Указ соч.; Войтик Л. С. К вопросу о смысловой структуре слова (на материале ЛСГ наименований животных). АКД. Алма-Ата, 1975; Она же. О системной организации ЛСГ названий животных.— В сб.: Иностранный язык, вып. VII. Алма-Ата, 1972, с. 8—14.

<sup>18</sup> См.: Шимчак М. Термины родства и семейного свойства в истории и диалектах польского языка.— В кн.: Славянская лексикография и лексикология. М., 1966, с. 269—290; Бурячок А. А. Назви спорідності і свояства в українській мові. Київ, 1961; Титовская В. В. Термины родства в воронежских и волгоградских говорах.— В кн.: Материалы по русско-славянскому языкоznанию. Воронеж, 1972, с. 25—30.

<sup>19</sup> Масленникова К. И. Система цветообозначений современного французского языка. АКД. Л., 1973; Гак В. Г. Указ. соч., с. 192—201; Корсунская Т. Г., Фридман Х. Х., Черемисина М. И. О системе цветообозначений в русском, английском и немецком языках.— Сб.: Уч. зап. Горьковского ПИИЯ, вып. 25, 1963, с. 97—103; Куслик А. М. Семантическая структура имен прилагательных, обозначающих цвет в современном немецком языке.— Сб.: Уч. зап. Ленинградского ГПИ им. А. И. Герцена, т. 217, 1960, с. 147—172; Москович В. А. Система цветообозначений в современном английском языке.— ВЯ, 1960, № 6, с. 83—87.

<sup>20</sup> См.: Гак В. Г. Указ соч., с. 155—169; Розанова В. П. Синонимия глаголов движения в современном русском языке.— В кн.: Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1972, с. 73—88. См. также практические пособия по русскому языку как иностранному: Муравьев Л. С. Глаголы движения в русском языке. Изд. 2-е. Для лиц, говорящих на английском языке. М., 1975; Для лиц, говорящих на немецком языке. М., 1978; Юдина Л. И., Битехтина Г. А. Устные тренировочные упражнения по теме «Глаголы движения», М., 1976; Они же. Устные тренировочные упражнения по теме «Глаголы движения» (глаголы с приставками). М., 1978.

<sup>21</sup> Ковалик Ю. Н., Ильин Ю. В. Опыт компонентного анализа элементов одной лексико-семантической группы в английском языке.— В сб.: Вопросы филологии, вып. VII. Л., 1978, с. 73—77.

<sup>22</sup> Кретов А. А. ЛСГ глаголов типа *белеть* в аспекте ее исторического формирования.— В кн.: Материалы по русско-славянскому языкоznанию. Воронеж, 1979, с. 87—91.

<sup>23</sup> См.: Лейн М. Д. О структуре понятия, передаваемого эмоциональным значением слова, и методе ее исследования.— В сб.: Системное описание лексики германских языков. Вып. I. Л., 1976, с. 100.

<sup>24</sup> Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, с. 74.

<sup>25</sup> Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт.— В сб.: Топономастика и транскрипция. М., 1964, с. 13.

<sup>26</sup> Курилович К. Положение имени собственного в языке.— В сб.: Очерки по лингвистике. М., 1956, с. 251—266.

<sup>27</sup> Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт. с. 17.

- <sup>28</sup> Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973, с. 266.
- <sup>29</sup> Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974, с. 246—247.
- <sup>30</sup> Маслов Ю. С. Указ. соч., с. 113.
- <sup>31</sup> Суперанская А. В. Указ. соч., с. 257.
- <sup>32</sup> Там же, с. 281.
- <sup>33</sup> Там же, с. 276—277.
- <sup>34</sup> Баарникова Л. И. Введение в языкознание. Саратов, 1973, с. 128.
- <sup>35</sup> Кодухов В. И. Введение в языкознание, с. 211.
- <sup>36</sup> Эти этнонимы отсутствуют в Словаре русского языка С. И. Ожегова (Изд. 11-е. М., 1977), в орфографическом словаре русского языка, содержащем 106 тысяч слов (Изд. 15-е. М., 1978).
- <sup>37</sup> См. подробнее: Супрун В. И. Новые названия свободных народов.— «Болгарская русистика», 1977, № 5, с. 65—67.
- <sup>38</sup> Маслов Ю. С. Указ соч., с. 4.
- <sup>39</sup> Добровольский В. Н. О Дорогобужских мещанах и их шуберском, или кубрацком языке.— Изв. ОРЯС АН, 1897, т. 2, кн. 2, с. 347.
- <sup>40</sup> Микуцкий С. П. Областные слова белорусских старцев.— В кн.: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий. Прибавление к Изв. АН по ОРЯС. Спб., 1873, с. 400.
- <sup>41</sup> Термин см.: Гулыга Е. В., Шендерельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969, с. 135.
- <sup>42</sup> См. там же, с. 140.
- <sup>43</sup> См.: Чейф У. Л. Значение и структура языка. М., 1975, с. 225.
- <sup>44</sup> Ср.: Чельцова Л. К. Форма множественного числа существительных как объект лексикографии. АКД. М., 1976, с. 8.
- <sup>45</sup> Вслед за А. В. Суперanskой пишем термин «апелятив» без излишнего удвоения букв. См.: Суперанская А. В. Структура имени собственного. М., 1969, с. 7.
- <sup>46</sup> Чейф У. Л. Указ. соч., с. 225.
- <sup>47</sup> Потебня А. А. Значение множественного числа в русском языке. Воронеж, 1888, с. 34—35.
- <sup>48</sup> Островский Н. Как закалялась сталь. М., 1977, с. 29.

В. С. ВИНОГРАДОВА

## К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ УРОВНЕ И ЕГО ЕДИНИЦАХ

Природа семантики изучается в настоящее время применительно к разным уровням языка, начиная от морфологии и кончая стилистикой.

Лексическая семантика занимается изучением семантики слова, его лексического значения.

Категория значения признается лингвистической далеко не всеми. Так, по мнению А. А. Реформатского, лингвистика

не должна заниматься непосредственно изучением значения, это область других наук<sup>1</sup>. А. А. Ветров утверждает, что «лингвистика должна описывать структуру значения, взятого в разных контекстах, а не выяснять, чем является значение»<sup>2</sup>. Попытки объявить проблему значения нелингвистической предпринимаются давно, однако из этих попыток ничего не выходит — исследуя формальную организацию языка, языко-знание с неизбежной необходимостью возвращается к субстанции, к содержательной стороне языка. Проблема языкового значения — это лингвистическая проблема, и «лингвисты не имеют права передоверять ее другим наукам, но обязаны сами ее решать»<sup>3</sup>.

Нельзя изучать структуру смыслов, игнорируя сам смысл, иными словами, нельзя изучать структуру языка, не прибегая к его субстанции, т. е. к физическому и идеальному началу в элементах языка. Как пишет В. М. Солицев, «теория языка, которая заранее стремится исключить из рассмотрения одно из этих начал, а то и оба начала и свести анализ языка только к анализу внутрисистемных отношений и зависимостей... заранее ограничивает себя изучением только одной стороны языка и тем самым лишает себя возможности объяснить язык как целостное явление, хотя и стремится к этому»<sup>4</sup>.

Значение закрепляет в каждом конкретном языке понятийные признаки, отображающие свойства предметов, т. е. по сути, «понятийная сущность языка и есть его семантическая категория»<sup>5</sup>, однако об адекватности понятия и значения можно говорить лишь условно, имея в виду, что понятия существуют лишь в конкретных языках и, преломляясь через призму конкретного языка, они фиксируют «тот минимум признаков понятия, который делает слово понятным и позволяет ему функционировать в речи... Что касается термина «понятие», то это есть логическая категория, обозначающая одну из форм мышления, в которой осуществляется обобщенное отражение того или иного класса предметов»<sup>6</sup>.

Образуя логическую основу всех языков, понятия стоят вне языка, имеют интернациональный характер; языковые же значения, кроме терминов науки и интернационализмов, имеют национальный характер. Структура понятий всегда шире структуры значений. В структуре значений отдельных языков по-разному преломляется структура понятий, поэтому смысловые структуры слов разных языков, как правило, совпадают не полностью, а частично. Так, смысловая структура русск. *дом*: 1) здание, строение; 2) жилое помещение, квар-

тира, жилье; 3) семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством; хозяйство отдельной семьи; 4) династия, род; 5) культурно-просветительное; научное, бытовое и т. п. государственное учреждение, а также здание, в котором оно находится; 6) заведение; предприятие — полностью накладывается на смысловую структуру нем. Haus, после чего в немецком остается еще два значения, отсутствующие в русск. языке: Volksvertretung (народное представительство): das Hohe Haus beschloß ein neues Gesetz и Person (человек): altes Haus, (umg. vertrauliche Anrede), er ist ein fideles Haus, ein patentes Haus, ein gelehrtes Haus. Нем. Tisch совпадает с русск. стол в двух значениях: 1) Möbelstück (род мебели) и 2) Mahlzeit (прием пищи, еда). Два других значения русск. стол отсутствуют в немецком языке, это 1) пища, еда, съестное с определением: вид пищи, еды, режим питания (мясной стол, овощной стол) и 2) отдел в учреждении, а также само учреждение, занимающееся каким-либо специальным кругом дел (адресный стол, стол находок)<sup>7</sup>.

Категория значения является отражательной категорией, поэтому нельзя установить ее специфику как чисто лингвистической категории в отличие от философской, логической, психологической и т. д., так как нельзя изолировать язык от реального мира, который и является основой существования языка. Но это не значит, что философские, логические, психологические и т. п. проблемы можно подменить лингвистическими: философские значения о мире нельзя подменить семантическим анализом языка, как нельзя свести к семантическому анализу исследование законов и форм логического мышления или закономерности процесса мышления индивида.

Значениями оперируют все эти науки, но изучает их с опорой на достижения общей философии, логики и психологии, лингвистика, а именно семантика. Значение является основной категорией семантики, и исследование природы и функций значения — непосредственная задача этого раздела языкоznания, причем природа и функции значения неотделимы друг от друга, как неотделимы форма и содержание. То есть, прежде чем описывать структуру значения, взятого в разных контекстах, исследователь должен представлять себе, чем является значение, иными словами, чтобы заниматься исследованием «системоприобретенных» свойств значения, необходимо исходить из его «системообразующих» свойств. В. М. Солнцев определяет системообразующие свойства как присущие элементам свойства независимо от их уча-

стия в системе, формирующие внутрисистемные связи и отношения. Эти свойства являются проявлением качественной определенности объектов (элементов) данной системы и отражают их природу. Именно об этих свойствах Маркс говорил, что «свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении». «Системоприобретенные свойства — это те свойства, которыми система и системные отношения наделяют элементы (объекты). Это те свойства, которых нет у объекта вне системы. Объект приобретает их, становясь элементом системы»<sup>8</sup>.

Системообразующими свойствами — «языковым закреплением понятийных признаков, отображающих свойства предметов»<sup>9</sup>, т. е. значением как таковым без учета его функционирования в речи можно ограничиться, рассматривая его только как единицу номинации, единицу лексического уровня — лексему.

Изучение лексического уровня, понимаемого как инвентарь номинативных средств языка, лексем, организованных согласно его фонологическим, морфологическим и словообразовательным законам, предполагает всестороннее рассмотрение организации и характера словарного состава языка: распределение слов по частям речи, установление морфемного состава слов, определение соотношения полнозначных и служебных слов и т. д.

Значение как «языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предметов», номинативное значение<sup>10</sup>, является основой и при рассмотрении значения на лексико-семантическом или семасиологическом уровне, но здесь речь идет уже не о номинативном (как на лексическом уровне), а о номинативном и номинативно-производных значениях. Номинативно-производные значения зависят и от номинативных значений, и от их функционального употребления, и, в силу этого, от места в структуре уровня.

Таким образом, системообразующие свойства значения могут играть самостоятельную роль и использоваться в исследованиях, не ставящих себе целью изучение функционирования значения, в то время как его системоприобретенные свойства могут изучаться только на основе системообразующих свойств и во взаимодействии с ними.

Лексико-семантический (семасиологический) уровень представляет собой систему в общеуровневой системе семантики языка, включающей также сферу морфологии, фразеологии, синтаксиса, стилистики. Система понимается нами как «не-

который целостный материальный или идеальный объект, состоящий из элементов (элементарных объектов), неразложимых в пределах данной системы и находящихся в определенных взаимоотношениях. Иначе, система есть набор элементов и отношений между этими элементами»<sup>11</sup>. Сеть взаимоотношений между элементами системы представляет собой структуру данной системы (лексико-семантического или семасиологического уровня).

Субстанцией лексико-семантического уровня, его элементами являются лексико-семантические варианты, объединяющиеся в различные структурные единицы уровня, находящиеся между собой в отношениях соположения и подчинения — семантические структуры слов, синонимические и антонимические ряды, семантические блоки, семантические группы, структурно-семантические разряды, части речи. Наивысшее структурное образование уровня — весь состав ЛСВ языка<sup>12</sup>.

Лексико-семантический вариант представляет собой предельную, неделимую единицу (элемент) лексико-семантического уровня, того конкретного идеального объекта, который подвергается систематическому исследованию. «С точки зрения его внешних свойств этот идеальный объект выступает как множество элементов, на природу которых не накладывается никаких ограничений, кроме одного — для данной системы эти элементы являются неделимыми единицами. Неделимость элементов, конечно, относительна. Для других задач и, следовательно, в рамках других систем неделимые элементы данной системы могут подвергаться дальнейшему расчленению, но в любом случае при формировании системы мы имеем дело с далее неделимыми для данной системы элементами»<sup>13</sup>.

Любой ЛСВ, содержание которого составляют признаки предметов и явлений, в нем отраженных, обнаруживает себя в потенциальных сочетаниях с другими ЛСВ. С помощью этих потенциальных сочетаний (системоприобретенных свойств) и выявляются субстанциональные свойства ЛСВ (системообразующие свойства), существующие объективно, независимо от конкретных дистрибуций.

Так, для ЛСВ голова (человека, животного) состав сем, его субстанция — 1) верхняя (передняя) часть тела человека, животных, 2) содержащая мозг, 3) шаровидной или конусовидной формы — всегда остается неизменной (на определенном этапе развития языка). Как только к названным

семам добавляется «единица счета (скота)» — возникает другой ЛСВ. Если вторая и третья семы элиминируются, а к оставшейся «передняя (верхняя) часть» добавляется «отряда (колонны)» — возникает третий ЛСВ. Если элиминируется третья сема, а к первой и второй добавляется «выборный руководитель» — возникает четвертый ЛСВ. Если первая и вторая семы элиминируются, а к оставшейся «шаровидной (конусовидной) формы» и добавляется «пищевой продукт» — возникает пятый ЛСВ.

Конкретная дистрибуция каждого ЛСВ никакого влияния на его субстанцию не оказывает. Так, «голова старика», и «голова ребенка», и «голова лошади» — все это ЛСВ<sub>1</sub>, «голова сахара» и «голова сыра» — это ЛСВ<sub>5</sub>, хотя у этих словосочетаний возникают дополнительные смысловые и эмоционально-экспрессивные коннотации. Но такие коннотации обусловлены всем словосочетанием, и не ЛСВ, и никаких оттенков и модификаций в самом значении, в самом ЛСВ не существует.

ЛСВ, представляющий собой совершенно определенную субстанцию, является предельной единицей лексико-семантического уровня, и «не может быть поэтому никаких ее оттенков или вариантов значения». Нельзя согласиться, как нам представляется, с высказыванием, что в случае семантико-сintаксической реализации значения речь идет не о лексико-семантических вариантах слова, а о вариантах значения, существующих на синтагматическом уровне, так называемых «манифестирующих вариантах»<sup>14</sup>. Иными словами, речь идет о многозначности лексико-семантического варианта, о типизации значений внутри него. По нашему мнению, типизировать можно только сами ЛСВ, находя в них общее, но это будет инвариантное значение уже в пределах смысловой структуры<sup>15</sup>. Конкретная дистрибуция одного ЛСВ не есть тип, типизированный вариант, так как само значение, его системообразующие свойства, набор сем, остается константным.

Наряду с термином лексико-семантический вариант нам также представляется удачным термин «моносема» (от греч. topo (s) — один и sema — semion — знак (однозначный), введенный в лингвистический обиход В. А. Звегинцевым в качестве основной и предельной единицы семасиологического уровня, понимаемого нами по сути так же, как и уровень лексико-семантический<sup>61</sup>). Термин подчеркивает именно однозначность, неделимость этой единицы значения.

Ее нельзя ни варьировать, ни членить на более мелкие единицы.

Являясь предельной, неделимой единицей лексико-семантического уровня, ЛСВ (моносемы) подвергаются разложению на «компоненты значения», семы. Однако эти «компоненты значения» — не единицы, а лишь слагаемые смысла.

Совокупность сем — это, безусловно, система, так как это тоже «целостный объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях», но это уже иная система, отличная от системы — смысловой структуры слова — и далее — всего лексико-семантического уровня, это не система значений, но система признаков, имеющая как и всякая система, свою структуру<sup>17</sup>.

Компонентный анализ как метод исследования семантических единиц получил широкое распространение, особенно в связи с появлением общей идеи структурности компонентов. Это один из наиболее продуктивных методов семантического анализа, и вполне закономерно, что семантика естественных языков описывается с помощью метаязыковой семантики, а лингвистические единицы идентифицируются с помощью единиц описательных. Однако в методологическом плане следует четко отличать друг от друга единицы значения и признаки, компоненты значения, являющиеся элементами разных систем.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка.— В сб.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1968.

<sup>2</sup> Ветров А. А. Методологические проблемы современной лингвистики. М., «Высшая школа», 1973, с. 83.

<sup>3</sup> Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968, с. 39.

<sup>4</sup> Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., «Наука», 1971, с. 46.

<sup>5</sup> Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте.— В сб.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 20.

<sup>6</sup> Солнцев В. М. Указ. соч., с. 107.

<sup>7</sup> Основные значения приводятся из словарей: Agricola E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Leipzig, 1963, Словарь русского языка в четырех томах. АН ССР, М., 1957.

<sup>8</sup> Солнцев М. В. Указ. соч., с. 48.

<sup>9</sup> Колшанский Г. В. Указ. соч., с. 19.

<sup>10</sup> О номинативном и номинативно-производном значениях см.: Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. ВЯ, № 5, 1953.

<sup>11</sup> Солнцев В. М. Указ. соч., с. 16. Другие определения системы

см. в кн.: Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М., 1974, с. 93—99.

<sup>12</sup> Подробнее об этом см.: Виноградова В. С. О структуре семиологического уровня.— В сб.: Исследования по романо-германскому языкоznанию. Волгоград, 1979.

<sup>13</sup> Садовский В. Н. Указ. соч., с. 83.

<sup>14</sup> См.: Оксень В. И. О некоторых особенностях структуры лексического значения простого глагола современного немецкого языка. АКД, М., 1973.

<sup>15</sup> Подробно об этом см.: Виноградова В. С. Дифференциальные семантические признаки как средство описания смысловой структуры слова.— В сб.: Исследования по романо-германскому языкоznанию. Волгоград, 1974.

<sup>16</sup> Звеницев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968, с. 41.

<sup>17</sup> См. об этом, например: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974, с. 7—9.

Т. С. ЧУПРИНА

## О КАЧЕСТВЕННЫХ АДВЕРБИАЛИЯХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Характерной особенностью адвербальных слов является их преимущественная сочетаемость с глаголами. В данной статье ставится задача исследовать особенности лексической сочетаемости как наречий, так и предложных словосочетаний адвербального характера с глаголами разных лексико-семантических групп. Вполне естественно, что в рамках одной статьи невозможно подвергнуть анализу лексическую сочетаемость всех слов адвербального характера. Поэтому ограничимся рассмотрением особенностей лексической сочетаемости наиболее часто употребляющихся приглагольных адвербиалий со значением образа действия. В связи с этим предполагается описать некоторые общие тенденции лексической сочетаемости адвербиалий.

### *Адвербиалии — наречия*

Английский язык, как известно, чаще всего образует наречные формы от прилагательных с помощью суффикса -ly: quick — quickly, loud — loudly и т. п. Адвербальное употребление характерно также для некоторых прилагательных, хотя и имеются соответствующие наречные формы: loud (громко), quick (быстро) и другие. Однако при этом наблю-

дается семантическая дифференциация таких слов: некоторые наречия с суффиксом имеют значения, отличные от конверсивных форм (*to work hard*, *hard work*). Согласно наблюдениям многих языковедов образования с *-ly* «преобладают во всех функциональных стилях кроме разговорной речи»<sup>1</sup>.

Наречие<sup>2</sup>, как часть речи, объединяет неоднородную группу слов. Внутри категории наречия существуют два основных типа, резко отличающихся друг от друга по значению и синтаксической функции: 1) наречия качественные или определительные и 2) наречия обстоятельственные, обозначающие пространственные, временные, причинные и целевые отношения, указывающие не на характер действия, а на внешние обстоятельства (обозначая место и время, направление: *here*, *there*, *now*, *then*). Качественные наречия определяют внутренний характер действия, характеризуют действие со стороны качества, количества, способа совершения действия: *run quickly*, *live happily enough*.

Качественные наречия (далее КН) сочетаются с глаголом, прилагательным и другим наречием. При этом в сочетании с прилагательными КН указывают на степень признака: *wholly*, *completely*, *awfully*, *greatly*, *partly* и др. Такого рода наречия, приобретая промежуточное значение между качественными и обстоятельственными наречиями, полностью утратили свое качественное значение и в основном обладают семантической общностью с наречием *very* и, таким образом, увеличивают разряд наречий степени наряду с *very*, *rather*, *too*, *quite*, *enough*, *tenfold* и т. д. КН отличаются от обстоятельственных своей позицией относительно существительного. Качественные наречия не могут занимать определительную позицию при существительном, в этой позиции возможно только соответствующее прилагательное, например: *speak quickly* — *quick speech*. Обстоятельственные наречия, определяющие существительное (например, наречия места и времени), могут находиться только в постпозиции к определяемому существительному: *the room above (below)*.

КН определяют только глагол и прилагательное (а, следовательно, и наречие).<sup>3</sup> Они служат источником пополнения эмоционально и экспрессивно окрашенной лексики. Наиболее часто употребительны *admirably*, *beautifully*, *excellently*, *astonishingly*, *equisitely*, *magnificently*, *monstrously*, *ruthlessly*, *enormously*, *immensely* и др. В качестве эмоциональных усилителей они выражают гиперболизацию меры и степени

качественного признака. КН, имеющие эмоционально-оценочный характер, можно подразделить на две группы.

КН первой группы указывают на признак действия и выражают положительную эмоциональную оценку. К этой группе относятся слова типа admirably, excellently, wonderfully, exquisitely, strikingly. Они используются для обозначения каких-либо свойств рассматриваемого объекта действительности и для оценки результатов какой-то работы: «Hello», I said, stopping in the doorway and smiling brightly... (Drabble). Среди наречий, обозначающих авторскую положительную оценку, выделяются наречия, образованные от соответствующих эмоционально окрашенных прилагательных типа happy, hearty, anxious, generous, triumphant, zealous: «Why, about you!» Tweedledee exclaimed, clapping his hands triumphantly. (Carroll); «It is not really very noticeable, is it?» I said anxiously. (Drabble).

КН второй группы, выражающие отрицательную оценку, образованы от соответствующих эмоционально окрашенных прилагательных: ruthlessly, mercilessly, dogmatically, jealously и т. д. Такие наречия используются для отрицательной характеристики действий лица и для критической оценки необоснованных, неправильных взглядов: ...but went on about them quite mercilessly. (Drabble); «Not you!» Tweedledee retorted contemptuously. (Carroll); Coldly the man stared at him, looked him up and down. (Abrahams).

Наречия, указывающие на признак действия и отражающие авторское оценочное отношение к описываемому явлению, находят свое выражение в двух конструкциях: 1) предпозитивное употребление наречия относительно глагола: So, resolutely turning her back upon the house, she set out once more down the path... (Carroll); He picked up his cases and walked to the little barrier where the ticket collector impatiently waited for him. (Abrahams); 2) постпозитивное употребление наречия относительно глагола: «How are you, dear child?» he went on, putting his arm affectionately round Hatter's neck. (Carroll). «O Tiger-Lily», said Alice, addressing herself to one that was waving gracefully about in the wind. (Carroll). Наречие, находясь в позиции после глагола, иногда является частью наречного выражения, вводимого наречием as ... as: «Good-bye, till we meet again!» she said as cheerfully as she could. (Carroll); Alice could think of nothing better to say than «Indeed?» but she said it as heartily as she could. (Carroll).

\* \* \*

Эмоционально окрашенные наречия широко употребляются в сочетании с наречиями степени, такими, как so, rather, very, most, а также могут быть определены сочетанием a little: rather sadly (impatiently, timidly, unwisely, nervously, hastily, anxiously, stiffly, wisely, etc); very positively (gravely, gently, slowly, obediently, gravely, seriously, attentively, decidedly, readily, etc.); so quietly (quickly, eagerly, etc).

При рассмотрении наречий в синтагматическом аспекте важно учитывать природу их синтагматических свойств, возможную разновидность слов в синтагматическом плане. Советские ученые считают, что синтагматические свойства слова проявляются через его окружение. Слова, будучи помещены в синтагматическую цепь, «ведут себя» по-разному. Одни слова достаточно самостоятельны и способны придать структурно-семантическую законченность конструкции без зависимых от них слов. Другие же, оказавшись в синтагматической цепи, обязательно требуют включения в нее дополнительных характеристик.

В советской англистике имеются попытки дать синтагматическую классификацию глаголов. Так, Г. Г. Почепцов<sup>4</sup> устанавливает 24 разряда глаголов (среди которых отмечаются разряды V<sub>13</sub>, V<sub>21</sub>, V<sub>22</sub>, V<sub>24</sub>), где в качестве обязательного окружения выступает обстоятельство образа действия, выраженное наречием: глаголы качественной направленности (V<sub>13</sub>) — act, behave, do get, on/along — The food was unrecognizable as meat or fish, yet tasted extremely well. (С гопин); глаголы объектно-качественной направленности (прямо-переходные) (V<sub>21</sub>) — take, treat, acquit — She takes it lightly but I can't. (Галsworth); глаголы объектно-качественной направленности (предложно-переходные) (V<sub>22</sub>) — behave, do, feel, get on, play — But he did not feel so kindly toward the editor... (Лондон); глаголы адресатно-качественной направленности (V<sub>24</sub>) — do — The room will do me quite well. (Норбю). В приведенных выше предложениях обстоятельство образа действия является элементом обязательного окружения глаголов<sup>5</sup>. Будучи факультативным, обстоятельство образа действия входит в окружение глаголов разных синтагматических разрядов: ...and getting no answer to this, she quietly walked away... (Карролл) — V<sub>11</sub>; I duly presented myself on Wednesday afternoon. (Драббл) — V<sub>1</sub>. Таким образом, отсутствие или наличие зависимого от слова окружения, его структурная факультативность или обязатель-

ность, факторы, их определяющие,— все это в совокупности формирует синтагматический «образ» слова. Следовательно, синтагматические свойства слова проявляются через его окружение.

### *Адвербиалии — предложные словосочетания*

Существует мнение, что «нетождественность в выражении необходимых смыслов начинается с разной их номинации, с закрепления за данным обозначением определенного смысла в разном объеме и уже потому не совсем «одного и того же», с выбора в качестве основы наименования разных признаков обозначаемого, с мысленного отнесения того, что подлежит обозначению, к тому или иному классу явлений»<sup>6</sup>.

В данной статье делается попытка показать, как при функционировании в речи предложные словосочетания (далее ПС), в отличие от наречий, выражают особые и только им присущие обобщенные значения. Следует заметить, что эти обобщенные значения выявляются не только при непосредственном анализе смысловой структуры самих ПС, но и при изучении их сочетаемости в предложениях. Эквивалентность наречию подразумевает сходство общего значения ПС с лексико-грамматическим значением наречия и наличие у ПС дистрибуции наречия, его модификации и функций. ПС, эквивалентные наречиям, должны иметь также сочетаемость, типичную для наречия. Модификация наречия как лексико-грамматического класса слов в глагольных, адъективных и адвербальных словосочетаниях играет большую роль в выражении синтаксических связей в предложении. Мы присоединяемся к мнению о том, что «наречные эквиваленты — это синтаксически неделимые сочетания, обладающие лексико-грамматическим значением и дистрибуцией наречия»<sup>7</sup>.

ПС — функциональные эквиваленты наречий, обладают такой семантической и структурной слитностью, которая позволяет им воспроизводиться в речи. На уровне слова ПС характеризуются различной степенью лексикализации. ПС может быть структурным компонентом языка, таким же компонентом может выступать модель, по которой воспроизводится ПС. Степень лексикализации зависит от характера модели. Сравним предложения: «Mabel has gone», Lanny said in a flat, impersonal voice. (A b r a h a m s); «I couldn't help it!» he answered in a sulky tone. (A b r a h a m s). В данных

предложениях выделенные ПС воспроизводятся в речи, с одной стороны, по структурной модели, которую в символах можно представить как  $V+iP+A+tone/voice$ , и, с другой стороны, в зависимости от характера лексического наполнения модели. Компоненты  $V$  и  $A$  в каждом новом предложении могут являться собой разные лексические единицы, а компоненты  $iP$  и  $tone/voice$  постоянны. Закрепленный состав сочетания допускает вклинивание лишь определенных прилагательных к существительному. Указанные выше ПС можно соотнести с их эквивалентами-наречиями: *say in a flat, impersonal voice = =say flatly, impersonally; answer in a sulky tone=answer sul-kily.*

Существуют многочисленные ряды ПС, в которых сочетаемость предлога с существительным представляет сочетаемость с определенной группой слов одного семантического класса. Семантика предлога и существительного предопределяет сходство общего значения ПС и значение наречия, а также его употребление для характеристики глагольных словосочетаний. Одним из критериев эквивалентности ПС наречию является невозможность изменения синтаксических связей внутри ПС, а также невозможность его употребления в другой функции.

Существительное в составе ПС способно реализовать левую и правую сочетаемость, структура ПС при этом усложняется. Так, существительное может определяться фразой, вводимой предлогами *in ... of* (*say in a tone of delight, say in the voice of a child*), *with ... of* (*say with the bitterness of a mother*), *with ... (of) ... in* (*say with friendliness in her voice, say with a strange sadness in his voice, say with a note of bitterness in his voice, say with a weight of pain in his voice, say with hopelessness in his voice, ask with a note of doubt in his voice, ask with a catch in her voice*), *without ... in* (*say without any real interest in her voice*), *in ... with* (*whisper in a warm voice charged with love*).

Существительное в ПС также может определяться препозитивным прилагательным (одним или несколькими) в сочетании с предшествующим предлогом *in* или *with*: *say, in a small, frightened voice, say in a normal (hollow, strangled, controlled, faraway) voice, say in his new, gentle (his surprising, deep) voice, say in a flat, impersonal voice, ask in a subdued voice, repeat in the same soft voice, whisper in a soft, wondering voice, ask in a low, husky voice, speak in a small, painful (quiet, distant) voice, say in a shrill, loud voice.*

Исчисляемое существительное в ПС, как правило, употребляется с неопределенным артиклем, неисчисляемое — без артикла. В таблице 1 представлена сочетаемость существительных в ПС.

Критериями семантической цельности ПС на уровне слов являются факторы, обуславливающие их регулярноеrepidуцирование в речи. ПС выражают дополнительный признак действия. Основным способом выразить признак действия в ПС являются часто прилагательные, обозначающие качества временные или постоянные. В то же время ПС находятся в тесной структурной связи с глаголами, к которым они непосредственно относятся и семантически согласованы с ними. Как показывает материал исследования, ПС, функционирующие в предложении в качестве обстоятельств образа действия, оформлены в большинстве своем предлогами *in*, *with*.

Таблица 1

V with/in	(A) N	
1. follow with	torturing slowness	ИСЧИСЛЯЕМОЕ
2. say with	fierce intensity	
3. say with	great bitterness	
4. make with	great vigour	
5. ask with	mock severity	
6. smoke, wait, stroke, walk, dance, sit in	silence	
7. move with	ease and freedom	
8. watch with	anxiety	
9. trouble with	fiery	
10. say, ask with	certainty	
1. say with	a cunning smile	ИСЧИСЛЯЕМОЕ
2. watch with	a fixed smile	
3. stalk with	a gnawing uncertainty in his breast	
4. cry in	a frenzy	
5. murmur in	a burst of thankfulness	
6. fall with	an uneven monotony	
7. watch with	a sense of importance	
8. move with	a certain youthful arrogance	
9. explain in	a whisper	
10. catch in	a vase	

В английском языке можно указать целый ряд ПС, употребляющихся параллельно с соответствующими наречиями. В таблице 2 представлены широко используемые адвербии в сочетании с глаголами разных семантических групп.

## Предложное словосочетание

## Наречие

IN a sullen (fretful, triumphant, sooth-ing, careless, kind, discontented, friendly, scornful, calm, thoughtful, anxious, piteous=piti-tying severe, timid) TONE	sullenly, fretfully, triumphantly, soothingly, carelessly, kindly, discontentedly, friendly, scornfully, calmly, thoughtfully, anxiously, pitifully, severely, timidly
IN a TONE of great contempt (great curiosity, grave reproach)	contemptuously, curiously, reproachfully.
{ in a tone of delight in a sudden transport of delight with delight	delightfully
in silence	silently
in a choking (loud, melancholy) voice	chokingly, loudly, melancholically

Многие ПС не имеют эквивалентных им наречий: with a little scream of laughter, with great interest (in a tone of great interest) in great perplexity, in a deep hollow tone, in a rather complaining tone, in a low voice, in astonishment и др.

Некоторые наречия могут вступать в синонимические отношения с ПС, в состав которых не входят однокоренные с наречиями существительные:

in a plaintive tone <i>synonyms</i>	sadly, mournfully
in an astonished tone	anxiously
in a shrill voice of alarm	crossly, sharply
in dismay (in a tone of dismay)	impatiently
in a helpless, frightened sort of way	meekly
in a frightened whisper (in a faint whisper)	shyly
in a deep horse whisper	sulkily
in a trembling voice	timidly, humbly
with excitement	anxiously
with a puzzled air	doubtfully

В современном английском языке ПС употребляются значительно реже наречий. При установлении норм сочетаемости слов и определении возможности соединения тех или иных единиц возникают определенные трудности, поскольку не все слова, обозначающие сочетающиеся понятия, могут соединяться друг с другом. Возможности соединения слов определяются закономерностями их грамматической, семан-

тической и лексической сочетаемости и языковым узусом. Последний накладывает ограничения на сочетаемость слов в виде «синтаксически связанных значений», что в конечном счете исторически обусловлено семантической структурой сочетающихся компонентов.

Анализ сочетаемости исследуемых единиц позволил установить определенные семантические классы глаголов, в сочетании с которыми адвербиалии выполняют роль определителя, уточнителя глагольного действия. Оба типа адвербиалий широко вступают в сочетания с глаголами коммуникации<sup>8</sup>: say, speak, talk, ask, exclaim, whisper, repeat, remark, begin, call, shout, answer, reply, cry, go on. ПС сочетаются также с глаголами *murmur*, plead, address, add, yell, interrupt, в то время как наречия чаще характеризуют такие глаголы, как respond, reject, declare, demand, volunteer, curse, scold, toss, urge, tuck, check, protest, crackle, carry, lie.

Исследуемые адвербиалии сочетаются с глаголами движения, перемещения в пространстве (walk, move, fall, trot). Глаголы follow, jump, stalk зафиксированы лишь в сочетании с ПС. Наречия сочетаются с глаголами run, go, turn, swim, circle, arch, pull away, lean, flow, flit leave, rise, vanish, step, graze.

Качественные адвербиалии обнаруживают типовую сочетаемость с глаголами dance, sit, tremble, laugh, smile, do, обозначающими состояние и свойства лиц и предметов. ПС были зафиксированы в индивидуальной сочетаемости с глаголами throb, wait, smoke. Наречия сочетаются с другими глаголами данной семантической группы: patch, shake, sing, work, suffer, hug, nod, nob, blaze, gather, struggle, shiver, heat, sigh, shrug.

Достаточно широко сочетаются адвербиалии с глаголами восприятия (look, watch). Наречия засвидетельствованы в сочетаниях с глаголами peer, peer, glance, stare, kiss, study, see.

Число адвербиалий с глаголами, обозначающими конкретные действия, невелико. ПС были зафиксированы с глаголами make, catch, а наречия — с глаголами lead, shut, light, polish, rub, chalk.

Подводя итоги проведенному исследованию, можно отметить, что наречие и его функциональный эквивалент предложное словосочетание выполняют роль определителя, уточнителя глагольного действия и являются одним из важнейших средств для точного и наглядного изображения реального мира.

Среди качественных наречий отчетливо выделяются единицы с эмоционально-оценочным значением. Качественные адвебиалии в современном английском языке постоянно пополняются за счет предложных словосочетаний, лексическое содержание которых служит основанием для развития у них значения эмоционального усилителя действия глагола. По своему содержанию предложные словосочетания неоднородны. Следует учитывать их структуру и ее лексическое наполнение при описании валентных свойств глагола.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См.: Историко-типологическая морфология германских языков. Именные формы глагола. Категория наречия. Монография. М., «Наука», 1978, с. 83—84.

<sup>2</sup> Наречие — часть речи, «характеризующаяся категориальным значением признака действия, качества или предмета, грамматической категорией степеней сравнения, синтаксическим употреблением преимущественно в функции обстоятельственных слов и сложной системой словообразовательных соотношений с основными частями речи, т. е. с именем и глаголом. (Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., «Советская Энциклопедия», 1966, с. 251).

<sup>3</sup> В данной статье не рассматриваются наречия, указывающие на признак качества, так как этот вопрос может послужить предметом отдельного исследования. Вопрос о наречиях, обозначающих «признак качества» или «признак признака», частично освещен в работе: Разинкина Н. М. Стилистика английской научной речи. М., «Наука», 1972, с. 82—85.

<sup>4</sup> Почепцов Г. Г. Синтагматика английского слова. Киев, «Вища школа», 1976, с. 15—59.

<sup>5</sup> «Окружение, чье присутствие в составе конструкции необходимо детерминируется главенствующим словом, называется обязательным». (Почепцов Г. Г. См. указ. раб., с. 13).

<sup>6</sup> Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. М., «Наука», с. 21.

<sup>7</sup> Водотынская Н. М. К вопросу о системе критериев эквивалентности предложно-именных сочетаний наречию в современном английском языке.— В сб.: Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 249. («Английский язык», вып. 25. М., 1972, с. 139).

<sup>8</sup> Названия семантических классов глаголов заимствованы из разных источников: Сильницкий Г. Г. Семантическая классификация структур типа «существительное + непереходный глагол» в современном английском языке. АКД., Л., 1962; Беляева Л. М. Свободные глагольные словосочетания в современном английском языке. М., 1963; Арутюнов А. Р. Лексические и синтаксические классы глаголов в немецком языке. АКД., М., 1966.

## ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Abrams P. The Path of Thunder. M., 1959.  
Carroll L. Through the Looking-Glass. M., 1965.  
Dibble M. The Millstone. Peacock Book, 1977.

## СОЧЕТАЕМОСТЬ ГЛАГОЛА DONNER В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается лексическая сочетаемость глагола *donner* в XI—XIII веках на материале художественных произведений и исторических словарей французского языка. Целью анализа является установление сочетательных возможностей глагола *donner* в указанный период и выявление взаимосвязи сочетаемости глагола и его семантики.

В наиболее общем виде информация, которую несет глагол *donner*, может быть представлена следующим образом: агент включает какой-либо объект (исключенный из собственной сферы) в сферу адресата. Этому соответствует трехвалентная структура с глаголом *donner*.

I. При подлежащем, выраженном именем существительным одушевленным, называющим лицо, при прямом дополнении, обозначающем какой-то предмет (неодушевленный или одушевленный), и при наличии косвенного дополнения, обозначающего лицо, глагол *donner* реализует основное свое значение «давать».

1) Глагол *donner* описывает акт передачи собственности одним лицом другому лицу в постоянное или временное пользование. Позиция прямого дополнения замещается конкретными существительными, принадлежащими к различным тематическим группам: предметы домашнего обихода, одежда, пища, снаряжение, деньги, ценности, животные, постройки, участки земли и т. п. Например: «дать четвертую часть денег из своей казны», «дать сена и овса», «дать одежду и лошадей», «дать замок с башнями».

Значение глагола *donner* варьируется в зависимости от употребления глагола в разных контекстах, оно конкретизируется и уточняется разного рода обстоятельствами и дополнениями. Если мы обозначим «давать»+«в собственность» через  $D_1$ , то соответственно получим следующее:

- «дать»+«в собственность»+«по очереди»= $D_2$  *distribuer*;
- «дать»+«в собственность»+«на время»= $D_3$  *prêter*;
- «найти»+«дать»= $D_4$  *retrouver*;
- «дать»+«для использования»+«по уговору»= $D_5$  *livrer*;
- «дать»+«деньги (стоимость)»= $D_6$  *payer*;
- «дать»+«за деньги»= $D_7$  *vendre*;

«дать» + «лекарство» = D<sub>8</sub> administrer;

«дать» + «в собственность» + «выражая любовь» = D<sub>9</sub> faire don;

«давать» + «возможность выбора» + «согласие (несогласие) адресата» = D<sub>10</sub> offrir;

«давать» + «в руки» (приближая) = D<sub>11</sub> tendre, apporter;

«давать» + «из рук в руки» + (по очереди) = D<sub>12</sub> passer.

Из перечисленных случаев чаще всего встречаются варианты D<sub>5</sub> «предоставлять, доставлять», D<sub>9</sub> «дарить» и D<sub>11</sub> «подать». Смысл их выясняется из развернутого описания ситуации. Имеются примеры, когда значение глагола уточняется в пределах предложения обстоятельством или дополнением. На значение «дарить» указывают обстоятельства *rag druerie, par fine amor* «из любви, из дружбы» или сочетаемость глагола *donner* со своим однокоренным существительным *don* «подарок, дар». Обе возможности использованы в следующих примерах из «Тристана»:

Amiz, dorrez me vos tel don,  
Husdant le baut, par landon?..

Et il respont: «La moie amie».

Husdant vos doins par druerie». (Tr. 2725, 2728).

Возможно и любое другое указание на симпатию к человеку, которому сделан подарок:

Et bien m'a moustre qu'il m'a kiere:

Donné m'a cheste panetiere (Adam, Le Jeu de Robin).

Значение «подать, протянуть» подтверждается наличием обстоятельств, указывающих на направление, способ, цель действия. Например: «подать хлеб и вино в окошко», «подать знамя за древко», «подать воду на руки»: Et pain et vin ... donne li par une fenestre. St. Marg., 299; Charles li donne par l'haste painturée. Ogier, 690; L'eve li donnent as ses mains. Lanv, 188.

При указании в контексте на направление действия и некоторую удаленность объекта от адресата глагол выступает в значении «передавать» (друг другу): L'uns a l'autre le vin doncit. Cortebarbe.

Таким образом, для формирования значения «подавать» и «передавать» важным является указание на направление движения и наличие контактных отношений.

2) При прямом дополнении, обозначающем женщину (мужчину), и косвенном дополнении, соответственно обозначающем мужчину (женщину), глагол *donner* употребляется в значении «женить», «выдать замуж». В старофран-

цузский период установление брачных отношений, вероятно, еще тесно связано с установлением отношений собственности. Например, *dona li terre et cortoise moillier* (Char., 347).

3) При прямом дополнении, обозначающем лицо, и при наличии косвенного дополнения, обозначающего лицо адресата, возможно присоединение еще одного косвенного дополнения. Например, «дал мальчика ему в оруженосцы»:

*Un garçon qui ot nom Rodains.*

*Li ot doné a escuier.* (G. D'Angl., 1626).

Глагол *donner* в этом случае приближается по смыслу к глаголу *nommer*.

4) При прямом дополнении, обозначающем место и время, глагол *donner* приобретает значение «назначать» (*donner lo jor, li camp*).

5) При подлежащем, обозначающем божественную силу, природу, искусство и при прямом дополнении, выражающем признак внешнего вида адресата, который придает ему законченную форму, глагол *donner* получает значение «дать» + «дополняя общий вид». Например, «дать берег морю», «придать форму»: *Qui a la mer rive donas.* St. Marg., 324; *ki li donnoit fourme et figure, Adam, Feuillée.* 108.

6) Если же подлежащее обозначает божественную силу, а прямое дополнение выражено абстрактным существительным, обозначающим качество, состояние человека, состояние природы, то глагол *donner* приобретает значение «ниспослать», то есть «дать» + «в ответ на просьбу (в награду, в наказание)» + «свойство (состояние)». Например, «дать силы», «ниспослать великую радость», «послать великую муку», «дать плодовитость», «послать победу; ветер» *donner force grant joie, grant torment, feconditet, victoire; vent.*

При дополнении, выраженном придаточным предложением, значение глагола *donner* приближается к глаголу *faire* «сделать так, чтобы»:

*Se Dex ce done qu'il soit granz et forniz,*

*Tote la terre rogga bien maintenir* (Char., 327).

II. Следует выделить особый случай употребления глагола *donner*: в функции подлежащего выступает существительное, обозначающее живой организм или неодушевленный предмет; в функции прямого дополнения — существительное, обозначающее продукт (энергию), которую выделяет непосредственно из себя этот организм (предмет); в функции косвенного дополнения существительное, обозначающее лицо (предмет), которое получает этот продукт (энергию). Глагол

*donner* в этом случае означает «дать» + «выделяя из себя» + + «для использования другими». Например, «овца нам даст молоко и сыр», «фонари им дают яркий свет», «окно дает свет комнате»: *ceste b̄rebiz nous donra lait et fromage*, Poétes, p. 514; *lanternes et carbuncles mult grant clartet lur donent*, Rol., 2644; *une fenestre done a un celier lumiere*, Tobi.

III. При подлежащем, обозначающем лицо, при прямом дополнении, выражаящем обобщенное, абстрактное понятие, при косвенном дополнении, обозначающем лицо, значение глагола *donner* варьируется в зависимости от того, что обозначает прямое дополнение. Например:

*donner les lois à qn = établir;*  
*donner le signe de qch à qn = montrer;*  
*donner sa druerie (amor) = manifester, accorder;*  
*donner un mestier à qn = procurer, trouver;*  
*donner un avantage à qn = attribuer;*  
*donner sa vie à (pour) qn = sacrifier;*  
*donner le pooir (droit) à qn = accorder.*

IV. Когда подлежащее выражено существительным, обозначающим неодушевленный предмет, абстрактное понятие, лицо, когда косвенное дополнение (адресат) обозначает лицо, а прямое дополнение выражено существительными, обозначающими качество, свойство, состояние, глагол *donner* приобретает каузативный оттенок и означает «придавать», «вызывать», «причинять». Например, «дать мужество и желание пойти», «придать храбрости», «причинить огорчение», «вызвать (пробудить) чувство»:

*Et hardement et volentē.*

*Me donna d'aller essaier.* (Rose, 3160).

*Et tret l'espee isnelement*

*Ire li done hardement.* (Erec, 4800).

*Fius Alexis, kel tristor m'a donnee* (St. Al., 462).

*Les entrevoirs lor donnerent espirement* (Pir.).

V. Если подлежащее выражено существительным, обозначающим лицо (неодушевленный предмет), косвенное дополнение также выражено существительным, обозначающим лицо, а прямое дополнение выражено существительным, обозначающим действие, то глагол *donner* десемантизируется, обозначая в общем действие, процесс. Конкретизация действия производится прямым дополнением. Таким образом, глагол *donner* выступает как компонент устойчивого глагольно-именного сочетания, которому соответствует глагол. Например:

donner confort à qn = conforter qn;  
donner pris à qn = prisier qn;  
donner blasme à qn = blasmer qn;  
donner garison à qn = garir qn;  
donner fiance à qn = fiancer qn.

Следует отметить, что в указанном случае действие, конкретизируемое прямым дополнением, совершается агентом, если же это действие осуществляет адресат, то изменяется смысл высказывания и роль глагола *donner*. Например, словосочетание *donner bataille à qn* обычно употребляется в значении «дать сражение, сразиться» и ему соответствует в старофранцузском языке глагол *batailler vers qn*, но то же самое словосочетание приобретает смысл «дай (предоставь) мне сражение с язычниками» в следующем примере:

*Donner moi la bataille au paien deffaé*

*Et trestot mi service soient cuite clame.* (Fierabg., p. 9).

Глагол *donner* может иметь в качестве прямого дополнения существительные, указывающие на применение физической силы: удар, толчок, пинок и т. п. В старофранцузских текстах эта группа существительных широко используется при описании военных действий. Для передачи понятия «нанести удар, ударить» употребляется словосочетание *donner un coup*, которое может распространяться косвенными дополнениями и обстоятельствами. Например, «нанести удар мечом, ногой, кулаком», «нанести удар в щит, в грудь, по шлему». Кроме того, в старофранцузском языке существует еще целый ряд существительных, обозначающих разные виды ударов: сильный толчок; толчок, пинок; удар при столкновении; удар ладонью плашмя; удар по щеке; удар по шее (*l'empainte, le bot, la heurtée, le flat, buffe, la colée*). Все эти существительные образуют с глаголом *donner* словосочетания, которым соответствуют глаголы *empaindre, boter, heurter, flatir, bofer, coloier*. Словосочетанию *donner un coup* мог соответствовать глагол *colper* в своем этимологическом значении.

Словосочетания типа «дать удар чем-то по чему-то» могут приобрести вид «дать чем-то по чему-то». Например, «дать кулаком по уху»: *donner dou poing delés l'oïe.* (Fierabg., p. 80). Вследствие такого сокращения глагол *donner* получает широкую сочетаемость со словами, обозначающими предметы,годные для удара, и приобретает значение «ударить». Например, «дать шпоры лошади», «дать по физиономии», «дать прутом по плечам».

VI. При подлежащем, обозначающем лицо или божественную силу, при косвенном дополнении, обозначающем лицо, глагол *donner*, сочетаясь с инфинитивом (с придаточным дополнительным, с существительным, обозначающим действие); может выступать в значении «позволять»: *donner vengier, donner à commencer, donner que je sois tel, donner ce mariage.*

Если подлежащее обозначает отвлеченное понятие, то глагол *donner* приобретает значение «побуждать, внушать»: *Sa nature lui donne de querre une formilière (Tobl.).*

Глагол *donner* может нести информацию о том, что из сферы агенса исключается какой-либо объект. Этому соответствует двухвалентная структура глагола.

Если подлежащее выражено существительным, обозначающим неодушевленный предмет или лицо, а прямое дополнение выражено существительными, обозначающими звуки, запах, свет, то глагол *donner* означает «издавать, испускать»: *donner grant cri, gémissement, grant ton; ne donner une parole; donner une odeur; donner grant clarté (Tobl.).*

Прямое дополнение может быть выражено существительным, обозначающим движение самого субъекта. Например, «дать прыжок, прыгнуть» *donner un saut (lat. saltum dare).*

В сочетании с прямым дополнением, обозначающим предметы, которые можно бросать, глагол *donner* означает «метть, пускать»: «орудия в замок бросают камни» (*par le castel grans pierres donne. Tobl.*).

Глагол *donner* может быть одновалентным, когда обозначает движение субъекта и принимает значение «двинуться, выступить»:

*Et li chien saillent hors de l'esteile,  
et ne demandent qui ot donnée (Tobl.).*

Проведенный анализ сочетаемости глагола *donner* в старофранцузском языке позволяет нам отметить следующее:

1) Глагол *donner* в XI—XIII веках обладал уже высокой сочетаемостью и развитой системой значений. Чаще всего он выступал как трехвалентный глагол, но мог быть двухвалентным и одновалентным. Глагол *donner* сочетался как с конкретными, так и с абстрактными существительными, принадлежащими к разным лексико-семантическим группам.

2) Глагол *donner* проявляется себя как многозначный глагол, значения которого могут варьироваться в зависимости от значения присоединяемого к нему существительного в функции подлежащего, дополнения или обстоятельства.

## СОКРАЩЕНИЯ

- Adam.— Adam de la Hille. Le jeu de Robin et Marion. P., 1924.  
Char.— Le charroi de Nimes. P., 1931.  
Cortebarbe — Cortebarbe. Les trois aveugles de Compiegne. P., 1932.  
Erec — Chrétien de Troyes. Erec et Enide. P., 1952.  
Fierabr.— Fierabras. Les anciens poètes de la France. P., 1880.  
G. d'Angl.— Chrétien de Troyes. Guillaume d'Angleterre. P., 1971.  
Lanv.—Marie de France. Lanval. Les lais de Marie de France P., 1921.  
Rose — Guillaume de Lorris. Le roman de la Rose. P., 1965  
Pir — Piramus et Tisbe. P., 1921.  
St. Al.— La vie de Saint Alexis. P., 1887.  
St. Marg.— Wace. ~~La~~ vie de Sainte Marguerite. P., 1932.  
Tobl.— Tobler-Lommatsch Altfranzösisches Wörterbuch. Wiesbaden.  
Tr.— Béroul. Le roman de Tristan. P., 1947.

## С. И. ПОДОБЕД

### ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО КОРФ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье мы продолжаем анализ семантической структуры существительного Корф<sup>1</sup>. Целью работы является установление характера семантической структуры данного слова путем анализа синтагматических связей его лексико-семантических вариантов (ЛСВ).

Ранее нами было установлено, что лексико-семантический вариант многозначного слова имеет обязательные системные связи на парадигматическом уровне. Для семантической структуры Корф характерна семантическая деривация с инклюзивно-эксклюзивными отношениями. Сополагающиеся ЛСВ существительного Корф характеризуются общностью не менее трех-четырех сем, что свидетельствует о тесной связи лексико-семантических вариантов в семантической структуре слова.

Анализ соотнесенности разных ЛСВ, проведенный на парадигматическом уровне, дает возможность сделать лишь предварительное заключение о семантических связях в семантической структуре Корф. Более полную картину можно получить, рассмотрев функционирование слова в синтагматике, в том лингвистическом окружении, в котором оно реализует свое значение. Это тем более важно, что сочетаемость (грамматическая и лексическая) является лингвистическим показателем того или иного значения слова, способствует разграничению ЛСВ в семантической структуре слова. Проделанный ранее анализ словарных статей, позволивший

установить порядок и характер внутренних связей ЛСВ в семантической структуре слова, в настоящей работе дополняется анализом контекстуальным, выполненным на материале 707 примеров с лексемой Kopf<sup>2</sup>, используются также словарные данные.

По данным выборки, разные ЛСВ слова Kopf представлены следующим образом: ЛСВ<sub>1</sub> (голова) — 539 примеров, ЛСВ<sub>2</sub> (ум, сознание) — 140, ЛСВ<sub>3</sub> (лицо, человек) — 7, ЛСВ<sub>4</sub> (руководство) — 15, ЛСВ<sub>5</sub> (предметы, похожие на голову) — 6, в текстовой выборке не учитывались сложные слова с Kopf.

*Модель V+N («действие — предмет»).*

При анализе примеров в модели V+N (где V — глагол, а N — Kopf) выяснилось, что подавляющее большинство примеров содержит N в винительном падеже: прямой Akk. составил 306 примеров из общего числа 707. Кроме того, мы располагаем 100 примерами с предложным Akk. Итого 406 случаев использования Kopf в винительном падеже. Наиболее интересными оказались сравнительные данные по употреблению существительного Kopf в ЛСВ<sub>1</sub> (прямое номинативное значение) в Akk. и других ЛСВ этой лексемы, производных от ЛСВ<sub>1</sub>. Так, при анализе 539 примеров с ЛСВ<sub>1</sub> выявлены 278 случаев с Kopf в прямом Akk. ( $\frac{1}{2}$  часть). Среди 197 случаев предложных форм еще 63 с Akk. (в моделях V+Präp.+N или V+Präp.+A+N), в то время как на 168 словоупотреблений других ЛСВ (производные значения) приходится лишь 34 примера с прямым Akk. ( $\frac{1}{5}$ ). Таким образом, частотное распределение ЛСВ Kopf в винительном падеже оказалось эффективным в разграничении ЛСВ<sub>1</sub> от других ЛСВ этой лексемы. Эти данные подтверждают выводы И. Г. Ольшанского, исследовавшего зависимость между семантикой имени существительного и частотностью его падежных словоформ в русском языке. Автор считает, что «определенная последовательность падежей (по их частоте) выступает как дифференциальный признак ЛСГ», а винительный падеж характеризует лексико-семантическую группу «части тела», что свидетельствует о семантико-синтаксической изофункциональности, т. е. преимущественном употреблении существительных соответствующей группы слов в определенной синтаксической и семантической функции<sup>3</sup>.

Что касается лексической наполняемости первого члена рассматриваемой нами модели V+N, то в 278 примерах с Nakk. обнаружено 35 глаголов, частотность употребления

которых различна. Для выяснения реальной сочетаемости необходимо выявить, какие сочетания являются типичными для данного ЛСВ. Так, употребительны в этой модели глаголы расположения в пространстве: *schütteln* — 91 пример, *heben* — 25, *senken*, *wenden*, *werfen*, *stecken* — 10, *legen*, *halten* *wiegen* (по 7—9 примеров). Лексическая наполненность модели с другими ЛСВ совершенно иная: в 34 примерах (в основном с  $\text{ЛСВ}_2$ ) засвидетельствованы 9 глаголов, причем ни один из них не встречается в модели  $\text{Kopf}_1$ . Из сказанного следует, что модели с производными значениями  $\text{Kopf}$  характеризуются иным семантическим наполнением: наиболее часты *heben* (7), *voll haben* (3) и переосмысленные *verlieren* (5), *zerbrechen* (6) — *sich den Kopf zerbrechen*.

В различных моделях  $\text{Kopf}_1$  употребляется в предложениях с субъектом — антропонимом или местоимением, заменившем его (499 примеров из 539). А. Исаченко указывает, что в немецком, как и в целом ряде других языков, в предложениях с названиями частей тела (*Bein*, *Hand*, *Kopf*) обязательно указание на их владельца (на отношение принадлежности)<sup>4</sup>. Это отношение может быть выражено при субъектах — антропонимах притяжательными местоимениями, местоимениями в *Dativ*, указывающими на владельца части тела. Например, «*Er hielt seine Taschenuhr hoch über seinen Kopf und...*» Н. Кант, S. 209; «*Und wenn er nicht bremst?*»; «*Dann kommt ihm der Steiger auf den Kopf.*» Е. Strittmatter, S. 200.

Данное отношение прослеживается и в предложениях, где  $\text{Kopf}$  ( $\text{ЛСВ}_1$ ) употребляется в именительном падеже. Из 47 примеров в 40 есть названные выше указатели. Например, «*Die Köpfe der Menschen wirbeln und wimmeln wie dicke Erbsen, wenn sie kochen.*» Е. Strittmatter, S. 326; «*Der Kopf von Albert Schneider verschwindet...*» Е. Strittmatter, S. 34; «*Klaas hatte die Finger gespreizt. Sein Kopf war zurückgeworfen.*» С. Ленц, S. 174.

В тех случаях, когда в предложениях с субъектом-антропонимом нет особого указателя (притяжательного местоимения или дополнения в дательном падеже) на принадлежность части тела, А. В. Исаченко говорит об эллипсисах, считая этот случай одним из характерных для правил редукции немецкого языка<sup>5</sup>. Так, в модели  $V+N_{\text{Akk}}$  наблюдается преимущественное употребление существительного  $\text{Kopf}$  с определенным артиклем (из 278 лишь 25 примеров с притяжательным местоимением). При полном предложении (*in einem*

expliziten deutschen Satz) употребляется соответствующее притяжательное местоимение: «Albert Schneider steckt den Kopf durch die Zaunlücke am elterlichen Hofe». E. Strittmatter, S. 34 (имеется в виду «seinen Kopf»; «Mathilde nickt. Sie senkt den Kopf.» E. Strittmatter, S. 323 (при отсутствии редукции — «ihren Kopf»).

Наличие редукции подтверждается невозможностью пассивных трансформаций подобных предложений (немецкая грамматика исключает возможность пассивных предложений такого рода)<sup>6</sup>. Преобразование в пассив возможно, если частью тела назван неодушевленный предмет: препарат «рука», «голова» или же название употребляется в генерализованном значении и обозначает представителя всего класса: Das Herz ist ein wichtiges Organ.

Тенденция указания принадлежности при названиях частей тела проявляется и в сложных словах со вторым (последним) компонентом — Kopf, первый компонент которых указывает обладателя (лицо или живое существо). Ср.: Frauen-, Bubi-, Mädchen-, Kinder-, Christus-, а также Katzen-, Löwen-, Ochsen-, Pferde-, Schlangen-, Vogel-Kopf. Всего 28 существительных (по словарям под редакцией Э. Матера и Р. Клаппенбах).

Модель A+N (где N — ЛСВ<sub>1</sub>).

Эта модель встречается в наших примерах 64 раза (из 539). В качестве определения к Kopf используются в данном ЛСВ прилагательные klein, mächtig schwer, groß, kahl (kahlgeschoren), kugelfrund, eckig, schmal, schief, dürr, которые согласуются с данным ЛСВ, указывая на величину или форму объекта. Исключение составляет слово dürr, которое может быть употреблено в отношении человека в значении «тощий», «худой». В модели A+N в качестве определения используются причастия II от глаголов, которые употребляются также в модели V+N и которые согласуются с Kopf, обозначая положение в пространстве gesenkt, (vor)geneigt, seitwärtsgelegt, zurückgeworfen, eingezogen, (vor, herunter) hängend.

Употребление прилагательных «bleich», «rot»нейтрализует значение «голова», идентифицируя его со значением «лицо», при этом подчеркивается выражение лица (болезненное, сонное или взволнованное). Ср.: mit rotem Kopf, einen roten Kopf haben, einen roten Kopf bekommen, mit bleichem Kopf (всего 12 примеров). Внутреннее состояние человека характеризуется в случае заполнения модели A+N прилагательным

«heiß», «mit heißem Kopf» — в переносном значении «взволнованно».

Модель A+N достаточно продуктивна для ЛСВ<sub>3</sub>. Можно говорить о предпочтительности этой модели с ЛСВ<sub>3</sub>, причем часто ЛСВ<sub>3</sub> используется в непринужденной разговорной речи. Здесь этот лексико-семантический вариант стилистически маркирован и содержит в сочетании с соответствующим прилагательным эмоционально-субъективную оценку. Так, в словаре под редакцией Р. Клаппенбах приводятся словосочетания: *er war ein fähiger, gescheiter, guter, heller, offener, klarer usw. Kopf* с пометой «разговорно-шутливый» или «разг.» (*salopp scherz., umg.*).

Разговорно-уничижительное *ein geriebener Kopf* содержит негативную оценку. ЛСВ<sub>3</sub> употребляется в этих сочетаниях в предикативе глагола «*sein*». Многие из названных выше прилагательных могут употребляться и с ЛСВ<sub>2</sub> в роли дополнения глагола «*haben*»: *einen klugen, hellen, guten, wachen, raschen Kopf haben*. Модель A+N функционирует и при стилистически нейтральном употреблении ЛСВ<sub>3</sub>: *ein beschränkter, unklarer Kopf (Mensch); die bedeutendsten, größten, erlesenen Köpfe eines Volkes, einer Epoche; die führenden Köpfe (hervorragendsten Persönlichkeiten) in der Wissenschaft, Politik, Wirtschaft* — по словарю Р. Клаппенбах или в тексте: «*Er erworb sich ... den Ruf eines unerschrockenen, furchtlosen und unabkömmligen Kopfes...*» F. Selbmann. S. 190. Возможность хотя бы частичного использования одних и тех же прилагательных с ЛСВ<sub>2</sub> и ЛСВ<sub>3</sub> свидетельствует о некоторой общности их содержания (сема «мыслительная функция»). С другой стороны, эти ЛСВ употребляются с разными глаголами, что подтверждает отмеченные ранее различия между ними.

Проделанный анализ позволяет представить следующую таблицу глаголов и прилагательных, используемых в названных выше моделях с различными ЛСВ лексемы *Kopf*.

Kopf	V+N	A+N
ЛСВ <sub>1</sub>	<i>schütteln, heben, senken, wenden, werfen, legen, stützen, stecken, halten, wiegen u. a.</i>	<i>ahl, klein, schwer, groß, gesenkt, geneigt, eingezogen u. a.</i>
ЛСВ <sub>2</sub>	<i>haben, voll haben, brauchen, behalten, verlieren u. a.</i>	<i>klug, hell, gut, wach, rasch, klar u. a.</i>
ЛСВ <sub>3</sub>	<i>sein, halten für</i>	<i>gescheit, fähig, gut, hell, offen, klar u. a.</i>
ЛСВ <sub>4</sub>	<i>bilden, sein, gelten als, brauchen</i>	

ЛСВ<sub>5</sub> представлен, в основном, в модели N+N<sub>Gen</sub>, или сложными словами с последним компонентом — Kopf, анализу которых будет посвящена особая работа.

Как видно из приведенной таблицы, синтагматический анализ различных ЛСВ лексемы Kopf подтверждает выводы о связях между ЛСВ, установленных на парадигматическом уровне. Так, в модели V+N ЛСВ<sub>2</sub> и ЛСВ<sub>4</sub> могут сочетаться с одним и тем же глаголом «brauchen», а ЛСВ<sub>3</sub> и ЛСВ<sub>4</sub> с «sein». Есть точки соприкосновения и у ЛСВ<sub>2</sub> и ЛСВ<sub>3</sub> в модели A+N (gut, hell, klar).

Следует отметить преимущественное употребление в предложениях с ЛСВ<sub>1</sub> и ЛСВ<sub>2</sub> субъектов-антропонимов или местоимений, заменяющих их.

С другой стороны, установлено, что каждому ЛСВ лексемы Kopf соответствует определенный круг сочетающихся с ним слов.

Проведенный анализ показывает, что семантическая структура существительного Kopf представляет систему взаимосвязанных<sup>1</sup> и взаимообусловленных лексико-семантических вариантов. Их семантическое сходство и принадлежность к одной семантической структуре слова подтверждается определенным сходством в их лексической сочетаемости. Отдельные лексико-семантические варианты сочетаются с общим кругом слов (слова со значением формы, положения в пространстве). Их индивидуальные семантические характеристики находят отражение в особенностях их лексической сочетаемости.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См.: Семантическая структура существительного Kopf в немецком языке.— В сб.: Исследования по романо-германскому языкознанию, Волгоград, 1979.

<sup>2</sup> Примеры взяты из следующих произведений: Fritz Selbmann. Die Söhne der Wölfe. Halle, 1967; Siegfried Lenz. Deutschstunde. Stuttgart-Hamburg, 1968; Erwin Strittmatter. Ochsenkutscher, Berlin, 1958; Kant H. Die Aula. Berlin, 1967; Böll H. Ansichten eines Clowns. München, 1969; Apitz B. Nackt unter Wölfen. Leipzig, 1968.

<sup>3</sup> Ольшанский И. Г. О зависимости между семантикой имени существительного и частотностью его падежных словоформ.— В сб.: Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Ч. II. М., 1971, с. 62.

<sup>4</sup> Isačenko A. Das syntaktische Verhältnis der Bezeichnungen von Körperteilen im Deutschen. In «Studia Grammatica» V, Berlin, 1965, S. 9—10, 14.

<sup>5</sup> Там же, с. 14—15.

<sup>6</sup> Там же, с. 10.

# О ПРИЧИНАХ РАСХОЖДЕНИЙ В СЕМАНТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ОДНОКОРЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ И ДАТСКИХ ГЛАГОЛОВ

В сопоставительных семантических исследованиях недостаточно полно разработан вопрос о причинах, вызвавших обособление лексических систем близкородственных языков. В предлагаемой статье приводятся результаты исследования семантического развития глаголов скандинавского происхождения в английском и датском языках и делается попытка установить межъязыковые расхождения и выявить их причины.

1. Сравнение семантического развития глаголов *gape* и *gabe* с XIII по XX в. показывает, что общими у них являются ЛСВ «раскрывать рот, зевать», «глазеть, плятить глаза», «говорить громко, невпопад». Основным инвариантом в их смысловой эволюции выступает ЛСВ «хотеть, жаждать», образовавшийся в семантической структуре английского глагола *gape* в XV в. Его образование можно представить следующим образом: по взгляду человека можно определить его состояние, например удивление, враждебность, желание и т. д. При номинации ситуации через ЛСВ «глазеть, плятить глаза» английский глагол *gape* актуализирует потенциальную сему «желать». В дальнейшем она выступает в качестве нового ЛСВ «желать, хотеть». *He gaped at the honour of finishing the same war* (OED). *Studying his looks, and watching at the board, he gapes to catch the droopings of my lord* (OED).

Семантическое развитие глаголов *call* и *kalde* идет по линии совпадения ЛСВ «звать, кричать», «называть, давать имя», «приглашать», «созывать», «отменять, брать обратно», «говорить громко». Самым важным дифференциальным признаком этих глаголов является ЛСВ «заходить, навещать» английского глагола *call*, появление которого относится к XV в. Этот ЛСВ мог возникнуть при отнесении глагола *call* к следующей ситуации: человек приходит к другому с кратким визитом, чтобы сообщить новость, сказать что-либо. Постепенно глагол *call* приобретает смысл «заходить, чтобы сказать». Наконец, основным признаком данной ситуации становится не факт сообщения, а факт посещения. Реализация

рассматриваемого ЛСВ происходит в синтаксических моделях, характерных для глаголов движения. Go, knock and call (OED). When they had finished eating they called at the chemist's for the medicine (SM). Таким образом, обособление в семантическом развитии однокоренных английских и датских глаголов могло быть вызвано актуализацией несущественного признака внеязыковой действительности в виде нового ЛСВ в одном глаголе, в то время как в другом глаголе эта сема остается нереализованной.

2. На раннем этапе развития у отдельных однокоренных английских и датских глаголов имелась одинаковая семантическая предпосылка, которая получила развитие лишь в одном глаголе. Так, в XV в. в смысловой структуре глагола die образуется ЛСВ «хотеть, стремиться иметь что-либо». Его развитие может быть объяснено гиперболическим употреблением глагола die. Проникнув в бытовую речь, гиперболическое выражение может стать нейтральным и способствовать образованию нового ЛСВ. Датское выражение *dØ aff sorgh* «умереть от печали» отмечено в XIV в. (BDM). В современном датском языке засвидетельствованы выражения *dØ af kedsomhed* «умереть от скуки», *dØ af skraek* «умереть от страха», являющиеся гиперболическими употреблениями глагола *dØ*. Английский глагол die далеко ушел в развитии лексической сочетаемости в подобного рода выражениях от датского глагола *dØ*, что и привело к образованию в его смысловой структуре ЛСВ «хотеть, стремиться иметь что-либо». ...he dyeth for desir (CCT). The lady that he... dies for ten thousand times a day (OED, 16 с.).

В XVIII в. происходит расширение области употребления аналитических форм длительного вида в английском языке. Это приводит к тому, что постепенно за рассматриваемым ЛСВ глагола die закрепляется в качестве обязательной синтаксико-морфологическая модель *N + be + Ving + Vto*, которая однозначно сигнализирует о ЛСВ «хотеть, стремиться иметь что-либо» глагола die. В текстах XX в. встречается лишь указанная модель. Mrs Bowdler has long been dying to come to the point (OED, 18 с.). This is for you, and part of the rest is going for the clothes I've been dying to buy all my life (MW).

Таким образом, гиперболические употребления глаголов die и *dØ* создали почву для образования нового ЛСВ лишь в английском глаголе, благодаря расширению его лексической сочетаемости и наличию особых грамматических форм

английского глагола, могущих поддержать становление нового ЛСВ.

Сравнение сложных глаголов *take to* и *tage til* показывает, что для *take to* основным является ЛСВ «привязаться, пристраститься», который отмечается словарями в XVIII в., а для *tage til* характерны ЛСВ «браться рукой за что-либо», «начинать делать что-либо», «увеличиваться, возрастать», которые образовались в конце среднедатского периода. Однако на раннем этапе семантического развития этих глаголов у них имелся общий ЛСВ «начинать делать что-либо» с той лишь разницей, что в английском это было длительное действие-привычка, в датском же акцентировался начальный этап какого-либо действия. В дальнейшем это различие оказалось существенным. Тенденция английского сложного глагола *take to* обозначать действие-привычку способствовала образованию в его смысловой структуре ЛСВ «привязаться, пристраститься», который активизируется с появлением в английском языке герундия. *If you take to begging...* (OED, 18 с.) *He has since taken to drinking* (OED, 19 с.). *He had taken to shunning his old Army friends* (AC). ЛСВ «начинать делать что-либо» датского сложного глагола *tage til* получает развитие в XV в. *Han stod op og tog til at tale* (BDM<sub>1</sub>). *Noahs hjerte tog til at hamre* (JN). Таким образом, исследуемый материал показывает, что в отдельных случаях смысловая эволюция однокоренных английских и датских глаголов идет по разным направлениям, несмотря на общие семантические предпосылки на раннем этапе развития.

3. В конце среднего периода вследствие стирания грани между переходными и непереходными глаголами объектные глаголы английского языка *take*, *lift* и другие начинают употребляться в синтаксической модели N+V, что дает толчок развитию у них новых ЛСВ, тогда как датские глаголы *tage*, *løfte* и другие продолжают характеризоваться как сугубо объектные глаголы. Так, в XV в. у глагола *take* зафиксирован новый ЛСВ «пустить корни, укорениться». *In reed erthe ek a vyne is hard to take* (OED, 15 с.). *The Oak being in its own Nature very difficult to take again* (OED, 18 с.). На его основе в XVII в. развивается ЛСВ «прививаться (о лекарствах)». *If all succeeded well, and my simples take* (OED). *To see if the previous innoculation would still take* (OED, 19 с.). ЛСВ «удаваться, иметь успех» отнесен у глагола *take* в XVII в. Он развивается на базе ЛСВ «пустить корни, укореняться», который является основным среди непе-

реходных ЛСВ глагола *take*. It may be, my sweetheart, my project took (OED). Yet without these words a play may take (OED, 18 с.).

Глагол *lift* начинает употребляться в модели N+V в XVI в., сохраняя главный ЛСВ «подниматься», а в XIX в. в смысловой структуре появляется ЛСВ «исчезать, рассеиваться», который имеет тесные деривационные связи с основным значением. The thick fog had lifted (OED, 19 с.). My deadache soon lifted (OED, 19 с.). The feeling of oppression lifted as soon as he left Rome (RA).

Таким образом, специфика семантического развития однокоренных английских и датских глаголов может быть обусловлена изменениями в синтаксическом строем только одного из сопоставляемых языков.

4. Межязыковые контакты являются одним из важнейших факторов развития языков. Как известно, английский язык находился под длительным воздействием французского языка в средний период, которое, по словам И. Р. Гальперина, «преобразило лексические, ритмические и некоторые грамматические характеристики, и вызвало к жизни новые ресурсы языка»<sup>1</sup>. Датский язык находился под не менее длительным воздействием немецкого языка (точнее, нижненемецкого с XIII по XVI в. и верхненемецкого с XVI по XVIII в.), которое также оставило глубокий след в лексической системе датского языка<sup>2</sup>. В датский язык в XIII—XVI вв. многочисленные немецкие слова легко проникали по причине близкого родства нижненемецкого и скандинавских языков. Так, отсутствие дифтонгов и явления второго передвижения согласных делало нижненемецкие слова очень похожими на датские (например нижненемецкий *grīep* и датский *grībe*). Самым очевидным результатом контактов английского языка с французским и датского с немецким явилось заимствование обоими языками большого числа слов из действующих на них языков. Однако лингвистические данные свидетельствуют о том, что в период языковых контактов происходят более тонкие взаимодействия между двумя языками, чем простое заимствование одним языком слов другого языка. Так, К. Бруннер пишет, что «французские способы сочетания слов легко могли быть перенесены из переводной литературы в оригинальную»<sup>3</sup>. Изменение в сочетаемости слова, как известно, часто влечет за собой изменение его семантической структуры. О влиянии немецких слов на равнозначащие датские слова пишет Н. Нильсен<sup>4</sup>. Советские ученые также

отмечают, что в период длительных языковых контактов не исключается воздействие лексем одного языка на семантику сходных по понятийному признаку лексем другого языка<sup>5</sup>. Исследование развития семантики однокоренных английских и датских глаголов показывает, что расхождения в их смысловой эволюции могли быть вызваны семантическим воздействием, близких по смыслу глаголов французского и немецкого языков соответственно. Так, сравнение глаголов *raise* и *gejse* показывает, что тождественные признаки в их развитии представлены ЛСВ «поднимать», «воздвигать, строить», «вызывать, быть причиной» и другими. Дифференциальные признаки в их смысловой эволюции представлены ЛСВ «взимать налог, ренту», «разводить животных; выращивать культурные растения», «воспитывать, давать образование» английского глагола *raise* и ЛСВ «возвышаться», «воздордиться, оправиться», «происходить, проистекать» датского глагола *gejse*. Тождественные ЛСВ обоих глаголов, а также ЛСВ, характерные лишь для датского глагола, имеют ясно различимые деривационные связи с основным ЛСВ «поднимать» сопоставляемых глаголов. Образование ЛСВ английского глагола, выступающих в роли дифференциальных признаков, предположительно может быть объяснено воздействием различных факторов. Так, отсутствие деривационных связей ЛСВ «взимать налог, ренту» с остальными ЛСВ глагола *raise* дает основание предположить, что его образование могло быть вызвано семантическим воздействием французского глагола *lever* «поднимать», в смысловой структуре которого находим: *lever: percevoir, faire rentrer (en parlent des taxes)*. *Les rois ne levaient rien sur les terres qui étaient du partage des Francs* (LDF). Кроме того, этот же ЛСВ обнаруживается в латинском глаголе *levare* «поднимать» ...взыскивать, взимать (*tributum*) (ДЛС), который, учитывая распространение и влияние латинского языка в средневековой Европе, также мог способствовать образованию ЛСВ «взимать налог, ренту» у глагола *raise*. В средние века рассматриваемый ЛСВ, по-видимому, активно функционировал в смысловой структуре французского глагола *lever* на территории Британских островов, где норманская знать взимала различного вида налоги с англосаксонских землевладельцев и крестьян. В XIV в., когда возродилась англосаксонская феодальная знать и господствующим стал английский язык, рассматриваемый ЛСВ мог быть заимствован из французского глагола *lever* в английский *raise*, поскольку область внеязы-

ковой действительности, называемая им, сохранилась. *Thorg alle his lond the Kyng his sone sent, Forto raise the treuage, that on the lond was sette* (OED, 14 с.). В пользу иноязычного воздействия свидетельствует тот факт, что в этом предложении английский глагол *raise* сочетается с французским существительным *treuage* «налог», в дальнейшем выпавшим из употребления.

Появление ЛСВ «воспитывать, давать образование» в глаголе *raise* датируется Оксфордским словарем XVIII в. Его образование также может быть предположительно объяснено воздействием французского глагола *élever* «поднимать»; в смысловой структуре которого ЛСВ «воспитывать, давать образование» засвидетельствован в XVI в. (BWD). Франция в XV—XVI вв. находилась впереди других стран Западной Европы в области просвещения. В Париже в то время училось большое число молодых людей из различных западноевропейских стран. Это нашло свое отражение в заимствовании французского слова *élève* «учащийся» немецким и датским языками. В английском языке могла оказаться тенденция слов к многозначности<sup>6</sup>, которая в данном случае выразилась в развитии нового ЛСВ у глагола *raise*. *My dissolution will be made more sweet by dying in the arms of one whom I raised* (OED, 18 с.). В пользу иноязычного происхождения ЛСВ «воспитывать, давать образование» в глаголе *raise*, по-видимому, может свидетельствовать и тот факт, что он не регистрируется в соответствующих по основному значению глаголах других германских языков, которые не вступали в близкий и длительный контакт с французским языком.

Рассмотрим отдельные примеры воздействия немецких слов на семантику слов датского языка. При сравнении семантического развития глаголов *cast* и *kaste* ЛСВ «начертить, набросать» и «принести прибыль, доход» датского глагола *kaste* выступают в качестве его дифференциальных признаков. Учитывая мощное воздействие немецкого языка на датский, можно предположить, что ЛСВ «начертить, набросать» развился под воздействием немецкого приставочного глагола *entwerfen* «начертить, набросать» в средний период развития двух языков. В датском языке рассматриваемый ЛСВ передается сочетанием *kaste ud*. Элементы *ud* и *ent-* совпадают в пространственном значении, обозначая удаление. *Hvorpaa jeg kastede ud et skarpt brev til giensvar* (KDS, 16 aarh.). Нижненемецкий глагол *afwerfen*, в смысловой структуре которого находим ...2. *Ertrag geben* (LBM), мог

способствовать образованию ЛСВ «приносить доход, прибыль» в датском глаголе *kaste*. В датском языке данный ЛСВ передается сочетанием *kaste af* (элементы *af* и *af-* совпадают семантически, графически, а также близки фонетически). Denne Post kaster ikke meget af sig (MDO, 17 aarh.). Образование ЛСВ «увеличиваться, возрастать» датского глагола *tage til* (где *til* — постverb) в XVIII в. приписывается составителями датских этимологических словарей воздействию немецкого приставочного глагола *zunehmen* «возрастать, увеличиваться» (FND). Принимая во внимание единую предметно-понятийную отнесенность глаголов *tage* и *nehmen*, а также семантическую близость элементов *til* и *zu-*, можно предположить, что немецкий глагол *zunehmen* в значительной степени способствовал образованию рассматриваемого ЛСВ в датском глаголе. Disse to Partier tog mere og mere til, og tilsidst var hele Landet deelt imellem dem (SSS).

Таким образом, межъязыковая интерференция может сыграть важную роль в своеобразии семантического развития однокоренных глаголов двух близкородственных языков.

5. Расхождение в семантическом развитии английских и датских однокоренных глаголов могло быть вызвано особенностями словообразования. Так, начавшийся в древнеанглийском языке распад глагольных префиксов в средний период привел к тому, что корневой глагол в английском языке мог получить и то значение, которое раньше было у префиксального глагола. Следовательно, отпадение глагольных префиксов, часто выполнявших в древнеанглийском языке функцию закрепления за глаголом того или иного значения, способствовало увеличению смыслового объема английских глаголов. В дальнейшем характерной чертой английского языка, аналитического по строю, становится переосмысление слов как средства обогащения его словарного состава. В скандинавских языках глагольные префиксы отпали в VI—VIII вв., и, как в английском языке, одно слово совместило в себе значения, которые раньше были разделены между простым словом и словом с префиксом. Однако в средний период развития датского языка происходит новое становление системы глагольных префиксов, вызванное большим притоком в датский язык немецких префиксальных глаголов. Это привело к тому, что префиксальные глаголы начали создаваться на датском материале по немецким моделям, например, средн. дат. *drage op* «воспитывать», хотя в современном датском языке имеется лишь

opdrage с тем же значением, образованное по модели немецкого глагола *erziehen* «воспитывать». В датском языке образовалось два типа сочетаний глагола с пространственными наречиями. К первому типу относятся раздельнооформленные единицы, например, *tage til*, *dØ ud*, *kaste op*. Ко второму типу относятся цельнооформленные единицы, например, *tiltage*, *uddØ*, *orkaste*. Когда речь заходит об отношениях между двумя типами в современном датском языке, исследователи обычно указывают, что цельнооформленные единицы обладают преимущественно отвлеченными значениями и характерны для литературного датского языка, а раздельнооформленные единицы обладают преимущественно конкретными значениями и характерны для разговорного языка<sup>7</sup>. Таким образом, когда в сравнение вовлекаются сложные глаголы *take to* и *tage til*, *take in* и *tage ind*, *die out* и *dØ ud*, *call forth* и *kalde frem* и другие, приходится констатировать, что английские сложные глаголы характеризуются большим набором отвлеченных значений, чем их датские эквиваленты. В датском языке функционирование цельнооформленных единиц снижает смысловую нагрузку раздельно оформленных единиц, в результате чего последние охватывают меньший участок семантического поля языка, чем соотносящиеся английские раздельнооформленные единицы. Так, сравнение семантического развития сложных глаголов *take in* и *tage ind* показывает, что они имеют общие конкретные значения «завладеть, присоединить», «вводить в дом, давать приют», «свертывать парус; убирать весла», «принимать внутрь (о пище, лекарствах)», «ушивать, сужать». Однако в английском глаголе в XVIII—XIX вв. получают развитие ЛСВ «обмануть, ввести в заблуждение». *The Greenparts were-never taken in yet, and what's more interesting never will* (OED, 18 с.), «окидывать взглядом» *Adam and the Boss took each other in, without a word* (RW). В плане развития отвлеченных ЛСВ сложный глагол *tage ind* в датском языке ничего не может противопоставить глаголу *take in* в английском языке.

Обособление в семантическом развитии однокоренных глаголов вызывается специфическими чертами сопоставляемых языков в области морфологии и синтаксиса, межязыковыми контактами, актуализацией несущественных признаков внеязыковой действительности в виде новых ЛСВ в одном глаголе и отсутствием актуализации этой семьи в другом, различным развитием общей семантической предпосылки на раннем этапе эволюции двух языков.

# СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

aarh. — aarhundrede (столетие, век).

AC — A. Christie. *Ten Little Niggers*. Paris, 1947, p. 55.

BDM — C. Brandt. *Romantisk digtning fra middelalderen*. Bd. 3.

KØb., 1869, s. 137

BDM, — C. Brandt. *Romantisk digtning fra middelalderen*. Bd. 1.

KØb., 1869, s. 189.

BWD — O. Bloch et W. Wartburg. *Dictionnaire étymologique de la langue française*. Paris, 1950.

c — century.

CCT — G. Chaucer. *The Canterbury Tales*. Ed. by W. Skeat. NY, 1929, p. 397.

FND — H. Falk. *Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch*. 2 Teil, Oslo-Bergen, 1957, s. 1241.

JN — J. Nygaard. *Natten er naadig*. KØb., 1968, s. 279.

KDS — O. Kalkær. *Det aeldste danske sprog*. (1300—1700). KØb., 1886.

LBM — A. Lasch und C. Borchling. *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*. Neumünster, 1956.

LDF — E. Littré. *Dictionnaire de la langue française*. Paris, 1960.

MDO — C. Molbech. *Dansk ordbok*. Bd. 1. KØb., 1859.

MW — M. Wilson. *My brother, my enemy*. Boston, 1952, p. 332.

OED — The Oxford English Dictionary. Oxford, 1933.

RA — R. Aldington. *Short Stories*. Moscow, 1967, p. 77.

RW — R. Warren. *All the King's Men*. NY., 1966, p. 255.

SM — S. Maugham. *Of Human Bondage*. NY., 1963, p. 609.

SSS — F. Snedelf. *Samlede skrifter*. Bd. 2. KØb., 1797, s. 149.

ДЛС — И. Х. Дворецкий. *Латинско-русский словарь*. М., 1976.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Гальперин И. Г. Некоторые типологические особенности литературного английского языка XVI в.— В кн.: Типология германских литературных языков. М., «Наука», 1976, с. 95.

<sup>2</sup> Dahlerup V. *Det danske sprogs historie*. KØb., 1921, s. 40; Mikkelsen K. *Dansk sproglære*. KØb., 1923, s. 4—5; Skautrup P. *Det danske sprogs historie*. Bd. 2. KØb., 1968, s. 252.

<sup>3</sup> Бруннур К. История английского языка. Т. I. М., 1951, с. 167.

<sup>4</sup> Nielsen N. *Sprogets opstaaen og udvikling*. KØb., 1968, s. 63.

<sup>5</sup> Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде. Л., 1972, с. 195; Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974, с. 154.

<sup>6</sup> Арнольд И. В. Лексикология английского языка. М., 1959, с. 132.

<sup>7</sup> Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.—Л., 1953, с. 272; Kabel M. *Om verbalpartiklernes stilling i gammeldansk*. *Acta Philologica Scandinavica*, 1940, bd. 14, hft. 2, s. 109; Skautrup P. *Det danske sprogs historie*. Bd. 2. KØb., 1968, s. 309; Walsche M. *Introduction to the Scandinavian Languages*. London, 1925, s. 51.

## СИСТЕМНОСТЬ ЧАСТИЧНОЙ ВАРИАНТНОСТИ

Рассмотрение слов и устойчивых словосочетаний типа:  
 1) Zufallsmaschine а) генератор случайных чисел — generator, б) ВМ со случайным выходом (сигналов). 2) Switching center а) коммутационный центр, центр коммутации сообщений; коммутационная станция relay — center, б) коммутатор, распределительное устройство<sup>1</sup> показывает, что они обладают лексико-семантическими вариантами — ЛСВ (так в плане этой статьи называется полисемия), но к некоторым из них: «генератор случайных чисел» и «коммутационный центр, центр коммутации сообщений; коммутационная станция» — придано свое материальное обозначение Zufallsgenerator и relay center. Эти же выделенные ЛСВ могут быть выражены также и через Zufallsmaschine и switching center.

Сравнение этих многократных средств выражения показывает, что они отвечают условиям варьирования: семантически равносенная замена друг другом; наличие общей корневой морфемы в слове<sup>2</sup> или общего компонента в сложном слове или устойчивом непредикативном словосочетании<sup>3</sup>.

В то же время ЛСВ «ВМ со случайным выходом (сигналов)» и «коммутатор, распределительное устройство» выражаются только через Zufallsmaschine и switching center.

Итак, под частичной вариантностью понимается наличие материальной вариантности не ко всем ЛСВ данной лексической единицы.

Приведенные в начале статьи примеры являются минимальными единицами частичной вариантности, т. е. составной, обладающей свойствами всего множества и являющейся далее неразложимой его частью.

В дальнейшем мы укажем ЛСВ арабскими цифрами. Наши первые примеры приобретают следующий вид: Zufallsmaschine 1. -generator 2.; switching center 1. -relay 2.

В целях компактности изложения мы позволили себе переставлять варианты по сравнению с их расположением в словаре.

В настоящее время общепризнано наличие системных отношений в любом разделе языка, однако в избранном к рассмотрению объекте — частичной вариантности — это не очевидно. Настоящим делается попытка выявить ее систем-

ность, ибо «лингвистика должна исследовать не только отношения, но и относимое»<sup>4</sup>.

При попытке найти место частичной вариантности в лексической системе мы исходим из сложности этой системы, т. е. наличия ее закономерно организованных подсистем; ее многомерности, позволяющей задавать подсистемы по целесообразно избранным, естественно присущим ей признакам. Таким признаком является двуплоскостной модус существования лексических единиц.

Учитывая разнообразие соотносительных связей между означающим (верхняя линия) и означаемым (нижняя линия), можно представить слово в нужном для исследования виде:

Почти «идеальное» слово (схема 1)

- 3) Datenverarbeitung 1.
- 4) approximation 1.

Каждая плоскость обладает потенциальной способностью к варьированию. Поясняем, что скобка означает равное отношение к любой заключенной в ней единице.

Лексико-семантическая вариантность (схема 2)

- 5) Programmschutz 1.2.
- 6) setter 1.2.

Материальная вариантность (схема 3)

- 7) Adschnittsetikett, -marke I.
- 8) instantaneous (immediate) access I.

Сочетание материальной и лексико-семантической вариантности (схема 4)

- 9) Testroutine, -programm 1. 2.
- 10) double (word) -length arithmetic 1. 2.

Вышеуказанные схемы являются базовыми, так как в них представлено минимальное количество элементов, необходимых для создания данной единицы. Вариантность каждой плоскости может развернуться за минимальные пределы. Многоточие в схемах означает возможность к дальнейшему наращиванию вариантов.

Разворот по плоскости означаемого (схема 5)

- 11) Freigabe 1.2.3.4.
- 12) artwork 1.2.3.

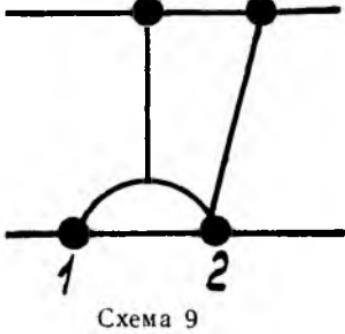
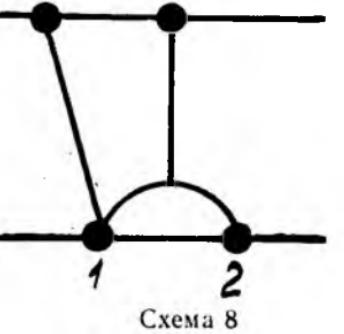
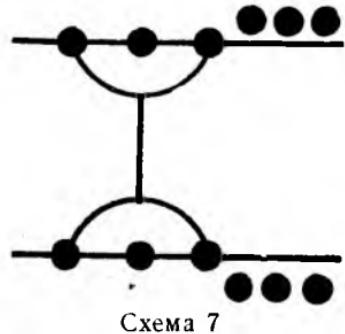
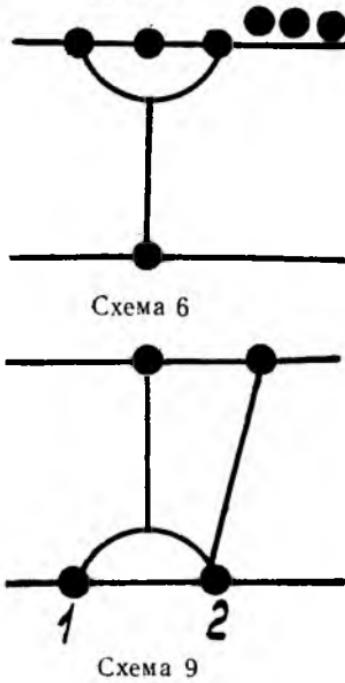
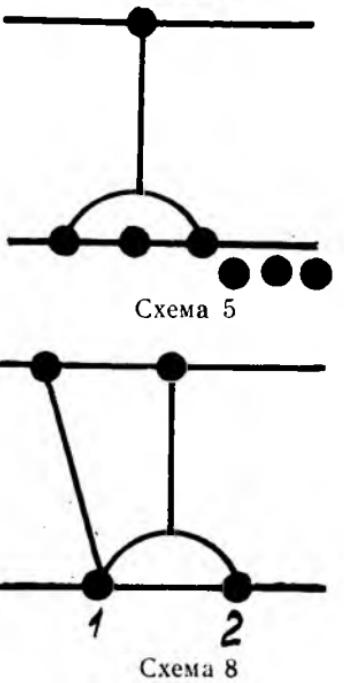
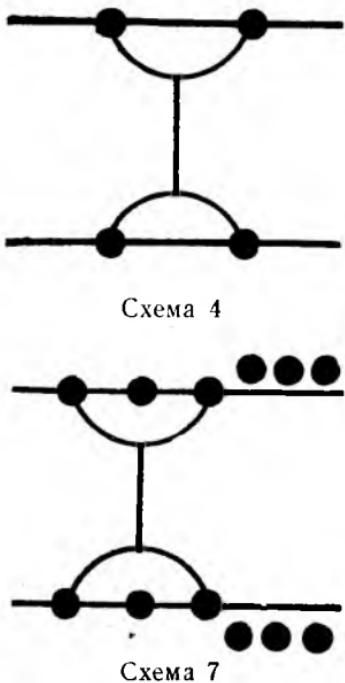
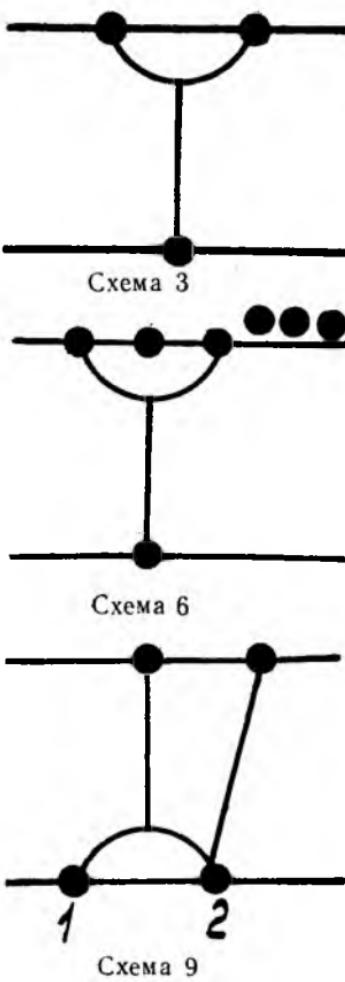
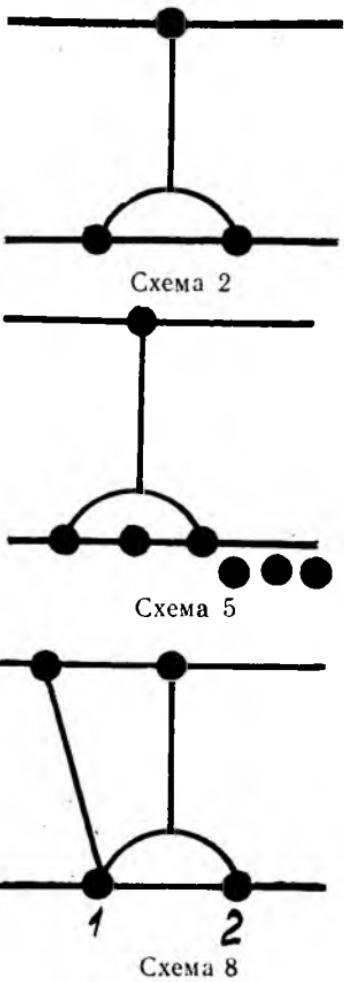
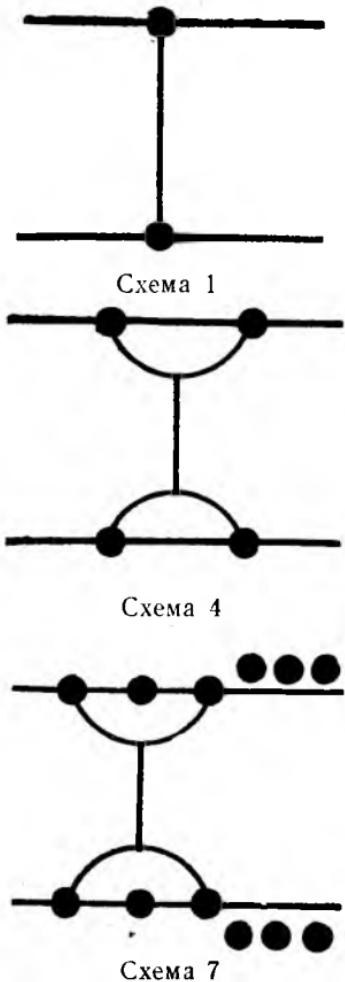
Разворот по плоскости означающего (схема 6)

- 13) Digitalrechenanlage, -automat, -maschine, Digitalrechner 1.

14) one-column (-digit, single-) adder 1.

Разворот по обеим плоскостям (схема 7)

- 15) Datenreihe, Daten (reihen) folge 1.2.3.



## 16) storage (storing) device 1.2.

Максимальным пределом разворота лексико-семантического варьирования является омоним<sup>5</sup>, а материального варьирования — разнокоренные равнозначные слова.

Базовая схема частичной вариантности может быть представлена в двух принципиально одинаковых видах, потому что два ЛСВ необходимы для образования частичной вариантности (см. примеры 1, 2), в то время как при общей вариантности ЛСВ может быть одним у нескольких материальных вариантов (см. примеры 7, 8).

См. примеры 1, 2 (схема 8) или (схема 9). 17) Registerinhalt 1.2.-grösse

## 18) fluid amplifier 1.2.-jet-

Каждое слово, имеющее не менее двух ЛСВ, является потенциальным частичным вариантом. Базовая схема частичной вариантности может быть развернута в любом из своих трех измерений, где третьим является развитие частичного материального варианта, имеющего предел любого материального варианта.

Примеры развертывания общего материального варианта:

19) Generator, Generierer 1.2. Generatorprogramm

20) Fehlerberichtigung, -beseitigung, -behebung, 1.2. -verbeserung

Примеры развертывания частичных материальных вариантов:

а) для первого лексико-семантического варианта

21) Programmablauf 1.-fortschaltung, -durchlauf; 2.

22) Digitalisierungsgerät 1. Digitalübersetzer, -umsetzer, -umwandler; 2.

23) Übersetzer 1. -programm, Umsetz-, Umsetzungs-, Über-  
setzungs-2.

24) Bedienungstechniker 1. Bedienende, Bediener, Bedienperson, Bedienungsmann, Bedienungsbeamte, Bedienungsper-  
son; 2.

25) dead time 1. down-, idle-; 2.

26) coincidence element 1. material equivalence-, equivalen-  
ce-, equivalent-to-, identity-; 2.

б) для второго лексико-семантического варианта

27) Koppellement 1.2-einheit, -glied

28) Taktgeber 1.2-(puls) generator, -einheit

29) Endpunkt 1.2.-gerät, -platz, -station, -stelle

30) Bedienungsteil 1.2.-pult, -feld, -konsole, -steuerpult, Be-  
dienfeld, -pult.

Чем больше ЛСВ, тем больше возможностей для частичного варьирования. Максимальным пределом, характерным для частичной вариантности, является приданье каждому ЛСВ своего материального варианта.

Примеры развертывания ЛСВ:

31) Beschriftung 1. 2. 3. 4. 5.

Beschriften

Подчеркивание означает, что ЛСВ 3. 4. 5 располагают частичным материальным вариантом.

32) Bild 2. 1. 3. 4. 5.

Bildreich

33) Zuordnen 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8.

Zuordnung

Наибольшее количество ЛСВ, встретившихся при частичной вариантности,— восемь.

Максимальный предел частичной вариантности достигается в незначительном количестве случаев при минимальном количестве ЛСВ — два, количество же материальных вариантов бывает разным.

34) Steuerblock 1. -einheit; 2. -tabelle;

35) Magnetkartenanlage 1. -system 2. -computer, -rechner, Magnetkontenrechner, -computer;

36) desk computer 1. desk-size — 2. desk-top-

При трех ЛСВ достижение предела встречается гораздо реже.

37) Programmteil 1. -stück 2. -gerät 3. -tafel.

При четырех и более ЛСВ достижение предела не встретилось. Следовательно, вероятность достижения этого предела обратно пропорциональна количеству ЛСВ.

Сетка отношений между вариантами обеих плоскостей принимает причудливые формы, когда частичный материальный вариант обладает своими ЛСВ. Это имеет место в примере 37: Programmstück 1. 2. К тому же Programmgerät обладает собственными ЛСВ и материальными вариантами, входя в комплекс вариантов. Programmiergerät 1. Programmierungsgerät 2. Programmgerät, -steuerwerk, -steuereinheit, -steuergerät.

Таким образом, ЛСВ для Programmgerät обладают шестью материальными вариантами. Такие случаи также следует считать развертыванием базовой модели частичной вариантности. Проиллюстрируем это положение:

38) Bezugsadresse 1. 2. Basis — (1. 2.) 3. 4. Скобками отмечены ЛСВ, относящиеся только к Basisadresse. Таким

образом, (1. 2.) располагают двумя материальными вариантами *Bezugsadresse* и *Basisadresse*. Для остальных ЛСВ есть только *Bezugsadresse*.

39) Daten (*vermittler*) kanal 1. 2. 3. Datenpfad, -weg

Компонент *Vermittler* может употребляться факультативно. ЛСВ 3 располагает четырьмя материальными вариантами.

40) Zeitgeber 1. -register (1), -schaltung (1), -zusatz (1), -einheit (1. 2.);

41) Verzögerungsglied 1. 2. 3. -linie, -strecke, -stufe, -leistung, -element, -einheit, -schaltung (1);

42) die 1. 2. dice (1. 2. 3.);

43) visual display 1. display (1) 2.

Display располагает также ЛСВ 2. 3. 4. 5, которые не имеют материальных вариантов.

Все предыдущие примеры были существительными, однако частичная вариантность возможна и среди других частей речи, например, прилагательных и наречий;

44) formale Variable 1. 2. künstliche-, scheinbare-;

45) zeichenweise 1. 2. zeichenseriel.

Теоретически представляется, что вероятность появления частичной вариантности прямо пропорциональна количеству ЛСВ, чтобы избежать чрезмерной полисемии. Наблюдения, однако, показывают, что материальный частичный вариант в большинстве случаев создается к тому ЛСВ, который наиболее актуален в данной внеязыковой обстановке. В терминологии вычислительной техники наиболее частым объектом частичной вариантности являются названия приборов и машин — важнейшего элемента оснащения вычислительных центров. Механизация выполнения умственных процессов вызывает восхищение, а отсюда и эмоционально окрашенное отношение к разумным машинам, что и находит свое языковое выражение в вариантиности. Так в: 46) Multiplikationsanordnung a) схема умножения, б) множительное устройство, блок (устройство) умножения -gerät, -einrichtung, -element, *Multiplizierer*, *Multiplizierwerk*, -einrichtung, *Multiplikator* (1). Первый ЛСВ обозначает не машину, а второй — машину. Материальные варианты относятся ко второму. Частичная вариантность немецких терминов оказалась более развернутой, и в ряде пунктов есть только немецкие примеры.

Разделы нашего деления лексической системы отличаются друг от друга пропорцией набора элементов обеих плоскостей, но не качеством этих элементов. Частичные варианты обладают всеми свойствами общей вариантности. При общей

вариантности ансамблю ЛСВ равноценно противостоит ансамбль материальных вариантов. С появлением частичного варианта равноценность такого противопоставления нарушилась, поскольку определенные ЛСВ приобрели большие материальные возможности для своего выражения, чем остальные. Такой набор признаков придает частичной вариантности специфические черты, создавая невыводимость ее общих свойств и функций из составляющих ее элементов. Своеобразие соотношения плоскостей выстраивается в инвариантный каркас — общую всем частичным вариантам черту, которая перекрывает вариантно разнообразный лексический материал, и позволяет выделить эти дискретные единицы в отдельное целостное множество.

Наличие инвариантности и вариантности свидетельствует о противона правленных свойствах лексической системы, причем каждое обладает своими предельными характеристиками, внутри которых существует разнообразие. Не говоря уже о понятийном разнообразии текста ЛСВ, можно указать на структурное многообразие материальных вариантов: факультативная замена компонентов сложного слова и устойчивого словосочетания (примеры № 1, 2, 7, 8 и др.); факультативная замена суффиксов (примеры № 16, 19, 33 и др.); факультативное выпадение компонентов сложного слова и устойчивого словосочетания (примеры № 10, 39 и др.).

Эквивалентность материальных вариантов создает их избыточность и ведет к их ликвидации. Однако невозможно предвидеть путь этого процесса, поскольку лексической системе в принципе свойственна вероятностность. Так, мы не можем с достаточной достоверностью прогнозировать величину и направление ее развития. При частичной вариантности можно с большой степенью вероятности говорить, что ликвидация вариантного ряда идет путем выделения данного ЛСВ в отдельное слово. С функциональной точки зрения частичная вариантность представляет переходный момент к созданию такого слова из общей вариантности путем дивергирующей эволюции.

С иерархической точки зрения частичная вариантность является производной от общей вариантности и, следовательно, нижестоящей категорией, подсистемой общей вариантности.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Шаров В. А., Новичкова Л. М. Немецко-русский словарь по вычислительной технике. М., 1976; Англо-русский словарь по вычислительной технике. Составили - В. К. Зейденберг, Ю. Л. Зиман, А. Н. Зимарев. М., 1974.

<sup>2</sup> Смирницкий А. И. К вопросу о слове. Труды института языкоznания АН ССРГ. Т. IV. 1954, с. 24.

<sup>3</sup> Мальковский Г. Е. Вариантность устойчивых словосочетаний в современном английском языке. НДВШ, филологические науки, 1964, № 2, с. 88.

<sup>4</sup> Реформатский А. А. Язык, структура и фонология.— «Pracy Filologiczne». Warszawa, t. 18, cz 1, s. 107.

<sup>5</sup> Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, с. 104.

К. БЕРГМАН

## К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ И ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Понятие языковой культуры определяется как «творческое употребление языковой нормы в определенной коммуникативной ситуации»<sup>1</sup>. Критериями правильности являются, таким образом, языковая норма и ситуация общения.

Правильность высказывания обеспечивается соблюдением орфоэпических, орфографических, грамматических, лексических и семантических норм. Орфоэпические нормы определяют правильность произношения, орфографические — правописания. Грамматические нормы, подразделяющиеся на синтаксические и морфологические<sup>2</sup>, предписывают, как слова и предложения должны соотноситься друг с другом в акте коммуникации<sup>3</sup>.

Лексические нормы — это по сути нормы словообразовательные. Они регулируют употребление языковых знаков. Как известно, не всякая словообразовательная возможность становится языковым узусом и входит как лексическая единица в систему языка<sup>4</sup>. В то же время не всякое новообразование воспринимается как нарушение нормы. Словообразовательные модели позволяют создавать открытые списки возможных правильных конструкций, которые по различным причинам еще или уже не употребительны<sup>5</sup>.

Семантические нормы также регулируют употребление языковых знаков. Понятия в языке формируются на основе представлений, поэтому при выборе языкового знака важно

установить, точно ли соответствует его значение реальному объекту объективной действительности, т. е. денотат и синтагматик должны адекватно соответствовать друг другу. Адресат «подгоняет» воспринимаемый форматив под традиционно существующее в его сознании понятие, и если при декодировании неадекватно употребленного языкового знака у реципиента нет возможности из коммуникативной ситуации или из контекста составить понятие о предмете речи, взаимопонимание прекращается, и коммуникативный эффект не достигается.

Названные языковые нормы рассматриваются как «ядерная группа» и объединяются под названием «грамматико-семантические нормы»<sup>6</sup>. Их соблюдение гарантирует фонетическую, орфографическую, грамматическую, лексическую и семантическую правильность высказывания<sup>7</sup>.

Однако такая правильность не удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к языку как к средству общения. Речь идет о таких высказываниях, которые, несмотря на соблюдение всех грамматико-семантических норм, в определенных ситуациях воспринимаются все же как неуместные и вызывают отрицательную реакцию.

Уместность высказывания определяется особым типом языковых норм — так называемыми ситуативными нормами<sup>8</sup>. Ситуативные или стилистические нормы регулируют языковое употребление в конкретной коммуникативной ситуации и определяют, какой функциональный стиль и какой нормативный уровень уместны в данном конкретном случае. Это зависит не только от предмета коммуникации, но и от партнера, социального отношения к нему, а также от ситуативных обстоятельств и коммуникативной интенции.

Нарушение ситуативных норм не ведет к непониманию — содержащаяся в контексте информация полностью воспринимается, — но это нарушение вызывает затруднения при установлении социальных и общественных контактов между партнерами и может привести к отрицательной реакции адресата, т. е. к недостижению цели коммуникации<sup>9</sup>. Соблюдение коммуникативных норм, как и соблюдение социальных норм вообще, поддерживается определенными общественными «санкциями» от простой насмешки до препятствий в продвижении по службе в классовом обществе<sup>10</sup>.

Ситуативные нормы подобно грамматико-семантическим подвергаются дальнейшей классификации. Так, нормы *качества высказывания* определяют, в частности, является данная

формулировка достаточно четкой или расплывчатой. При этом учитываются выбор слов, синтаксическая доходчивость, а также композиция текста<sup>11</sup>, однако главное внимание сосредоточено на особенностях высказывания, не касающихся его грамматической, лексической и семантической правильности.

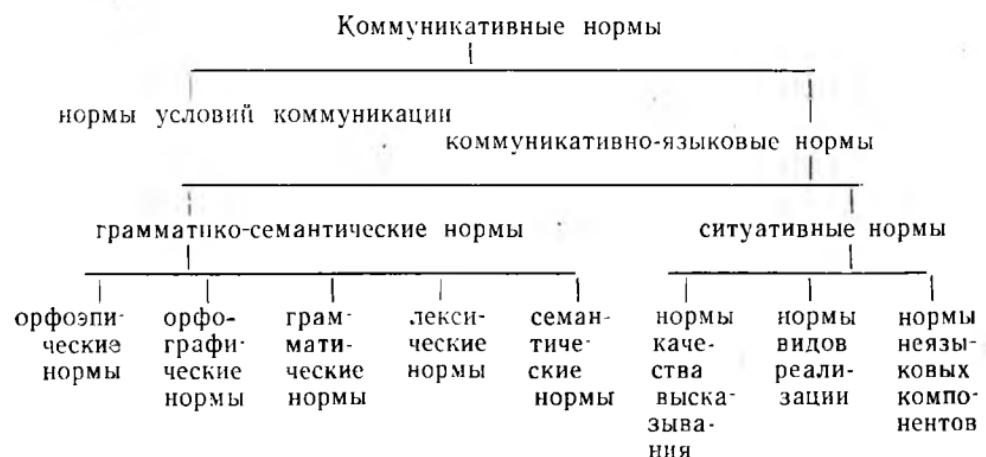
Другой тип ситуативных норм — нормы *видов реализации*. Они регулируют нормы устной и письменной коммуникации, каждая из которых обладает своими особенностями<sup>12</sup>.

К ситуативным нормам относятся наконец нормы *неязыковых компонентов*, под которыми понимаются фонаторные признаки высказывания (сила звука, тембр, темп, паузы), а также мимика и жесты, сопровождающие речь и способные в определенных ситуациях полностью ее заменять, демонстрируя отношение говорящего к высказыванию<sup>13</sup>.

Сituативным и грамматико-семантическим нормам, объединяемым термином «коммуникативно-языковые нормы», необходимо предпослать еще один тип коммуникативных норм — так называемые нормы *условий коммуникации*. Эти нормы определяют, состоится ли вообще коммуникация, желательна ли она, кто ее начинает и заканчивает, какие действия могут сопровождать коммуникацию, а каких лучше избегать<sup>14</sup>. Между нормами условий коммуникации и ситуативными нормами существует тесная взаимосвязь, поскольку коммуникативная ситуация требует обычно одновременной реализации тех и других<sup>15</sup>.

Описанные коммуникативные нормы отражает схема.

Подразделение коммуникативно-языковых норм на две подгруппы является условным, поскольку обе имеют общие



признаки, характерные для языковых норм вообще. Причем, как показывает наше исследование, эти признаки по-разному преломляются внутри каждой подгруппы.

В частности, как грамматико-семантические, так и ситуативные нормы не являются вневременными, вечными. В процессе развития они претерпевают хронологические изменения. Вчерашнее отклонение от нормы сегодня воспринимается узально возможным, а завтра — это уже единственно правильное употребление<sup>16</sup>. В отношении хронологических изменений языковые нормы не одинаковы. Орфоэпические, орфографические и грамматические нормы более стабильны по сравнению с подверженными изменениям лексическими, семантическими и ситуативными нормами.

Другим, общим для всех языковых норм признаком является способность к варьированию, которая, как и хронологические изменения, в разных типах норм выражена по-разному. В грамматико-семантических нормах способность к варьированию наиболее характерна для лексики, и во все меньшей степени последовательно — для синтаксиса, морфологии и орфографии<sup>17</sup>. Необходимостью постоянно пополнять лексический инвентарь новыми элементами, обилием новообразований объясняются довольно часто возникающие сомнения, считать ли данную лексему нормой или отклонением от нее, тем более, что языковые знаки могут употребляться в переносном значении и подвергаться идиоматизации. Способность к варьированию особенно свойственна ситуативным нормам, так как границу между уместностью и неуместностью провести труднее, чем между правильностью и неправильностью.

Следующим общим признаком языковых норм является их «нарушаемость». В отличие от законов природы законы языка можно нарушать<sup>18</sup>. В практике обучения родному языку нарушение грамматико-семантических норм оценивается строже, чем нарушение ситуативных норм, хотя как раз последние в большей степени ослабляют коммуникативный эффект.

Для овладевающего языком языковые нормы — объективная данность. С лексическими, семантическими и орфоэпическими нормами он знакомится раньше, чем с грамматическими, но процесс усвоения семантических норм длится дольше, чем процесс усвоения грамматических норм<sup>19</sup>. Медленнее всех усваиваются ситуативные нормы, так как они требуют не просто грамматической и семантической правильности, но анализа и оценки коммуникативной ситуации,

предполагающих способность участвовать в коммуникации<sup>20</sup>.

Способ реализации языковых норм также является их общим признаком. Соблюдение языковых норм, в том числе и ситуативных, происходит в большой степени автоматически<sup>21</sup>. Внимание говорящего или пишущего обращено на выражение предмета речи, а также вытекающей из условий конкретной коммуникативной ситуации интенции. В этих условиях естественно проявляются стилистические параметры текста, его ситуативная «нормированность» или «ненормированность»<sup>22</sup>.

Любое общество на определенной ступени своего развития приходит к кодированию языковых норм, к фиксации их в орфографических, фонетических и толковых словарях. С появлением словарей существуют как имплицитные, присутствующие в общественном сознании как обобщение опыта поколений, и как эксплицитные, наличествующие в сознании индивидуума на основе его собственного опыта<sup>23</sup>. Грамматико-семантические нормы эксплицируются лучше ситуативных, что обусловлено экстралингвистической детерминацией последних.

Языковые нормы допускают различную степень обязательности. В то время как орфография является безусловно обязательной нормой, в отношении произносительной нормы допускаются послабления, особенно терпимо воспринимаются отклонения от литературного произношения, если они окрашиваются местными, региональными особенностями<sup>24</sup>.

Признаки нормированности или ненормированности можно подвергнуть статистической обработке, что дает основание полагать, что языковые нормы имеют стохастический характер<sup>25</sup>. В отношении лексических норм это не вызывает сомнения<sup>26</sup>, что же касается ситуативных норм и их изменений, то и здесь можно выводить определенные закономерности на основе статистических данных<sup>27</sup>. Грамматические же нормы распространяются не только на реально существующие объекты, но и на потенциально неограниченные. В своей совокупности они детерминируют не только все употребительные, но также и все возможные корректные предложения немецкого языка<sup>28</sup>. Систематизация языковых норм на основе их стохастических или динамических закономерностей должна, очевидно, проводиться отдельно для каждого типа норм. Дальнейшими исследованиями предполагается проверить правильность этой гипотезы.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См.: Ising E. Kriterien der Sprachkultur in der sozialistischen Gesellschaft, in: Sprachpflege, Heft 10/1974, S. 198.

<sup>2</sup> Cp.: Hartung W. Zum Inhalt des Normbegriffs in der Linguistik, in: Normen in der sprachlichen Kommunikation, Berlin, 1977, S. 29.

<sup>3</sup> Cp. W. Neumann, Zeichen, Gedanken, Handlung. Zur linguistischen Fassung des Zeichenbegriffs, in: Linguistische Studien, Reihe A, Heft 10, Berlin, 1974, S. 91.

<sup>4</sup> Cp.: Theoretische Probleme der Sprachwissenschaft. Von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von W. Neumann, Teilband 2, Berlin, 1976.

<sup>5</sup> См. об этом: Neumann W. Sprachpflege und Sprachnormen. Ein Beitrag zur Explikation der Begriffe, in: Linguistische Studien, Reihe A, Heft 51, Berlin, 1979, S. 10.

<sup>6</sup> Cp. Hartung W., a. a. O., S. 27.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Cp. там же, с. 36 — подобная дифференциация языковых норм на две подгруппы имеется и у других германистов ГДР. Так, П. Зухсланд говорит о грамматических и стилистических нормах (Cp.: Suchsland P. Bemerkungen zum Verhältnis von sprachlich-kommunikativer Tätigkeit und sozialen Normen, in: Deutsch als Fremdsprache, Heft 1/1978), Д. Нериус — о системно-языковых нормах и нормах употребления (cp.: Nerius D. Thesen zur Bestimmung und Differenzierung der sprachlichen Norm, in: Linguistische Studien. Reihe A, Heft 51, S. 17 ft.).

<sup>9</sup> См. об этом: Theoretische Probleme der Sprachwissenschaft, a. a. O., Teilband 2, S. 460f.

<sup>10</sup> Там же, стр. 461.

<sup>11</sup> См.: Hartung W., a. a. O., S. 37.

<sup>12</sup> См. там же, стр. 38.

<sup>13</sup> Cp. там же.

<sup>14</sup> Cp. там же, стр. 26.

<sup>15</sup> Cp.: Suchsland P., a. a. O., S. 3.

<sup>16</sup> Cp.: Kleine Enzyklopädie. Die deutsche Sprache. Zweiter Band, Leipzig, 1970, S. 1066 p.

<sup>17</sup> Cp.: Theoretische Probleme der Sprachwissenschaft, a. a. O., Teilband 2, S. 457 und P. Suchsland, a. a. O., S. 1.

<sup>18</sup> Cp.: Allgemeine Sprachwissenschaft. Existenzformen, Funktionen und Geschichte der Sprache. Von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von B. A. Serebrennikow, Berlin, 1973, S. 480.

<sup>19</sup> Cp.: Theoretische Probleme der Sprachwissenschaft, a. a. O., Teilband 2, S. 457.

<sup>20</sup> См.: Hartung W., a. a. O., S. 23.

<sup>21</sup> Cp.: там же, стр. 16.

<sup>22</sup> Cp. там же, стр. 20.

<sup>23</sup> См. там же, стр. 15.

<sup>24</sup> См.: Nerius D., a. a. O., S. 22.

<sup>25</sup> Cp.: Altmann G./Raettig V. Genus und Wortauslaut im Deutschen, in: Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Heft 3—4/1973, S. 297.

<sup>26</sup> Cp.: Fleischer W. Regeln der Wortbildung und der Wortverwendung, in: Deutsch als Fremdsprache, Heft 2/1978, S. 80.

<sup>27</sup> Cp.: Hartung W., a. a. O., S. 19.

<sup>28</sup> См.: Theoretische Probleme der Sprachwissenschaft, a. a. O., Teilband 2, S. 450.

# СЕМАНТИКО-СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ

В. И. ШАХОВСКИЙ

## О СПОСОБАХ ЭМОТИВНОЙ НОМИНАЦИИ

Ведущие лингвисты мира Ш. Балли, Р. Якобсон, Л. Шпитецер, К. Бюллер, А. Марти, Ж. Марузо, К. Фосслер, Е. Курилович и другие единодушно выделяют среди языковых функций эмотивную функцию.

Эмотивная функция языка осуществляется через специальный эмотивный код, который имеет систему языковых и речевых средств, формирующих эмотивное функциональное поле языка.

На XII международном конгрессе лингвистов (Вена, 1977) неоднократно подчеркивалось, что в связи с актуальной проблемой «лингвистика текста», в современном языкознании обнаружилась четкая ориентация на более активное исследование речи и ее порождающей функции. Это объясняется тем, что ранее лингвистов больше занимали проблемы языка, а проблемы собственно речи оставались долгое время на периферии исследовательской тематики.

Теперь же лингвисты пришли к мнению, что только речь является информативной, а язык — код, который должен быть приведен в действие, и что благодаря порождающей функции речи и текста вскрываются имплицитные выразительные силы языка и его номинативные потенции.

Е. С. Кубрякова считает, что основу номинации в любом языке составляют понятийные или ономасиологические категории<sup>1</sup>. Но факты языка показывают, что нередко процесс номинации не останавливается на рождении слова, эквивалентного в своем лексическом значении содержанию понятия о денотате, обозначенного этим словом, т. е. на уровне понятийной номинации.

Анализ речевых поступков людей по английским текстам обнаруживает, что не только собственно-понятийные, но и эмоциональные явления также получают свое языковое обозначение<sup>2</sup>.

Это обозначение осуществляется благодаря способности языка к эмотивной, т. е. экспрессивно-эмоционально-оценочной номинации (далее — ЭН), с помощью которой человек выражает свои психические состояния, играющие в его жизни неоспоримо важную роль. На стадии ЭН называющие знаки имеют более осложненную семантическую структуру, независимо от того, осложнена их морфологическая структура суффиксами или нет. Ср.: tree, bird и birdie, hog (боров, о человеке), dud (скучища), sinker (неприятный человек).

Эмотивные слова имеют в своей семантике, помимо денотативного, еще и коннотативный компонент, поэтому ЭН в отличие от понятийной, является вторичной и потому более осложненной: ЭН осуществляется на базе понятийной номинации, категории которой, как отмечено выше, составляют основу номинации вообще. Подчеркивая роль ЭН, напомним о том, что она является важнейшим фактором, способствующим лексической и семантической динамике языка<sup>3</sup>.

Анализ ряда словарей неологизмов<sup>4</sup> показывает, что довольно большое количество семантических и лексических инноваций в английском языке объясняется активизацией ЭН в последние 20 лет.

В отличие от понятийной номинации, у ЭН превалирует экспрессивно-эмоционально-оценочная установка: а именно, называя объект речи, ЭН характеризует его, т. е. обозначает отношение говорящего к нему. Одновременно, с наименованием объекта речи при ЭН, обозначается психическое состояние автора речи, его отношение к адресату речи, и, кроме этого, лексико-семантической единице придается стилистический статус — коллоквиальность. Вся эта информация эксплицитно или имплицитно заложена в семантике языковой единицы или модели, по которой она сделана, чем объясняется факт сознательного и адекватного использования эмотивных средств языка коммуникантами (четвертая и пятая стадии языковой компетенции по Ю. М. Скребневу)<sup>5</sup>.

В психолингвистике под лексическим значением слова понимается весь набор сведений, получаемый адекватно всеми пользующимися данным языком через это слово, в том числе и перечисленные выше компоненты эмотивной информации.

В результате ЭН порождаются экспрессивные знаки, назначением которых является сознательное усиление поражающей способности языка.

На стадии ЭН, как показывает фактический материал

данного исследования, следует различать словообразование и словопреобразование. Среди категорий и типов словообразовательной ЭН наибольшей активностью отличаются аффиксация, конверсия, словосложение. Использование онома-сиологического знака во вторичном характерологическом (т. е. предикатном) значении<sup>6</sup>, обозначающем эмоциональные переживания, мы рассматриваем как семантическую деривацию (словопреобразование).

Как показывает фактический материал, ЭН не имеет оригинальных категорий и типов дериваций, свойственных лишь ей одной. В основной своей массе и аффиксы, и модели ЭН являются би- и полифункциональными<sup>7</sup>, т. е. они участвуют и в понятийной, и в ЭН. В этом мы усматриваем один из факторов проявления принципа экономии в языке.

Поскольку язык не может обходиться без эмотивной функции, в сфере ЭН проявляется давление со стороны практики его использования в речи. Именно этим, вероятно, объясняется деривационный «взрыв» в современный период, когда малопродуктивные аффиксы: -dom, -nik, -ish, -able, -ness, -ee, -ship, -ese, un-, dis-, anti-, out-, be- и др. образовали новые эмотивные единицы: Macoubersh (скряга), uncle Tom-mich (не протестующий), showmanshia (умение себя показать); unkissable; unputdownable, blackmailee (жертва шантажа); большое гнездо эмотивных номинаторов с суффиксом -nik: sittingnik (горожанин); (no) goodwillnik (не) хорошо расположенный человек); getalongnik, sexnik, awarenik, etc; TV -ese; plannerese (с коннотацией презрительности)<sup>8</sup>.

Среди модных суффиксов ЭН большой активностью и продуктивностью характеризуется новый для английской словообразовательной системы суффикс -in: love-in, puff-in, talk-in, paint-in (с коннотацией «демонстрация с целью протesta»); суффикс -rama (с эмоционально-усилительным значением увеличительности «в очень больших, громадных размерах»); tomatorama, cleanarama, horrorgama; суффикс -athon (с эмоционально-усилительным значением «большая длительность действия»): danceathon, talkathon, etc. Возобновили активность в сфере ЭН старые суффиксы: -ie: indeedie, quickie, whitie, Mr. Charlie; -dom: filmdom, teacherdom, freckledom, musicdom, etc; -ness: twinness, pigheadedness, hardupness, etc.

В сфере префиксальной ЭН стали популярными префиксы anti-, be-, out-. Значения префикса ant «недостаток ч-л», «лишенные характерных черт явления» приобретают эмоцио-

нально-усилительную коннотацию уничижительности («и это плохо»): antieverything; anti-novel (-hero, -sense, -play, -emotion, -writer, antiTom (борющийся против тех, кто не сопротивляется злу, ср. uncle Tomish). Семантика дериватов с out- маркирована эмотивной коннотацией одобрения или неодобрения в зависимости от ситуации: outwit (=превзойти к-л в хитрости, ловкости); to out-Churchill (превзойти самого Черчилля), «He outcrummed Crum though of a sanguine and rather beefy type which lacked the ratter's fascinating languor».

Особого внимания как средство ЭН заслуживает префикс be-, который означает «about, around, all over and hence having an *intensive* and *often disparaging* force (выделено мною.— В. Ш.) much used as an English formative of verbs and their derivatives»<sup>9</sup>. Cp.: 1. Otherwise, I reflected gloomily as I made a stiff-legged circuit of the floor with a mousy-haired and bespectacled girl from the library» (J. Bra i n ); 2. His second-in command, a thin spectacled youth, said uneasily: «You are not nervous?» (A. C hristie).

При сравнении семантики префиксального деривата bespectacled с суффиксальным словом spectacled обнаруживается следующее различие: на фоне общего для семантики этих единиц ономасиологического признака: one wearing spectacles (specs), дериват с be- имеет коннотацию неодобрения, на что указывает и перевод: «очкистая библиотекарша», в других случаях «очкиарик», «очкистый», «при очках»; ср. с переводом словосочетания в примере 2: «юноша в очках», где отсутствует всякая коннотация. Другие примеры bejewelled (=увешанная драгоценностями, при драгоценностях); bemedalled (=омедаленный, при медалях); bewhiskered (=при бакенбардах, ср. whiskered).

Во всех приведенных здесь словарных и ситуативных примерах дериватов с префиксом be- эксплицитна эмотивная коннотация преувеличения, усиления, иронии или уничижения<sup>10</sup>. Этим объясняется, что отправитель речи, в зависимости от коммуникативной установки, употребляет или эмотивные дериваты с be-, или их нейтральные беспрефиксальные синонимы.

В основном, все эти аффиксы ЭН являются классифицирующими в когнитивной номинации. Выполняя классифицирующую функцию, они являются носителями онамасиологического базиса, а когда они выполняют функцию средств ЭН, они «переквалифицируются» в носителей онамасиоло-

гического признака<sup>11</sup>. Таким образом, эти аффиксы характеризуются бифункциональностью, репрезентируя в дериватах то базис, то признак и, следовательно, порождая знаки различной номинационной установки. Исходя из представленного в статье фактического материала, можно констатировать, что некоторые аффиксы усовершенствовали свою словообразовательную семантику и приобрели вторую специальность — средство ЭН, а с ней и «вторую молодость», что подтверждается появлением все новых и новых эмотивных дериватов с этими аффиксами.

На уровне словосложения стала использоваться ЭН по аналогии<sup>12</sup>: *braindrain*<sup>o</sup> — *doctorbrain*<sup>+</sup>; *bestseller*<sup>o</sup> — *topseller*<sup>+</sup>; *commander-in-chief*<sup>o</sup> — *dentist-in-chief*<sup>+</sup>; *anglosaxon*<sup>o</sup> — *afrosaxon*<sup>+</sup>, etc. Эмотивный эффект усиления значения и приобретения коннотаций в случае этого типа ЭН создается за счет неожиданности стыковки денотатов: *breakthrough* (открытие, иронич.), *windbag* (пустомеля, униж.)., *cabbagehead* (тупица презр.). На словообразовательном уровне конверсии ЭН также дала большое количество лексических инноваций: *to sit on the fence*<sup>o</sup> — *the fencesitter*<sup>+</sup>, *to crack jokes*<sup>o</sup> — *a jokecracker*<sup>+</sup>, *pussycat*<sup>o</sup> — *to pussycat*<sup>+</sup>, *the crab*<sup>o</sup> — *to crab*, (*two fingers*)<sup>o</sup> — *to twofinger*<sup>+</sup>, (*red pencil*)<sup>o</sup> — *to red-pencil*<sup>+</sup>, etc. Наблюдения показывают<sup>13</sup>, что конверсия является наиболее продуктивным способом ЭН в современном английском языке, особенно в спонтанной речи. Порожденные при этом слова маркированы эмотивной коннотацией иронии, шутливости, одобрения, неодобрения и т. п. и являются разговорными словами. Словообразование по конверсии от зооморфизмов является наиболее экономичным способом дать яркую образную характеристику человека, через его действия, сходные с действиями определенных животных: *to ape* (кривляться); *to peacock* (важничать); *to hawk* (налетать на к-л коршуном, т. е. стремительно).

Данный способ ЭН является семантической трансформацией исходной единицы через совмещение двух процессов словообразования и словообразования без словоизменения.

Плодотворным способом ЭН является перенос некоторых названий на чужой денотат (ксеноденотативная<sup>14</sup> направленность наименования): *trap* (рот); *banana* (предатель); *fox* (хитрец); *shark* (шулер); etc. В результате ксеноденотативной направленности наименований животных, растений, частей тела, предметов одежды создается актуальная дву-

значность за счет одновременного соотношения с двумя понятиями, объединенными симиллятивной связью. Поэтому оба значения-названия введены в оперативную память данного языкового коллектива, что и объясняет прозрачность мотивировки семантического деривата. К этому же способу ЭН относятся и многочисленные случаи сленговой номинации<sup>15</sup>: egg (авиабомба), bug (луноход), pig (полицейский), Mickey-Mouse (что-то ненужное, второсортное), chutzpah (наглость), klutz (неуклюжий человек), to shoot (впрыскивать наркотики).

В отличие от словаобразовательной ЭН этот тип является словообразовательной ЭН. Словообразовательная ЭН функционирует и в сфере семантического фразообразования, когда в результате смены денотата нейтральные знаки, превращаются в эмотивные знаки. Напр.: longhair — ученый (западноевропейский) → художник → современная молодежь (патлатая); hardhat — рабочий, строитель в каске → социальный элемент, противодействующий движению протеста; Black Power — негритянская организация борцов за гражданские права, и образованные по аналогии с этим полусвободным-полуустойчивым словосочетанием следующие названия организаций: Red Power, Brown Power, Flower Power, Green Power, Student Power и др. Диффузная семантика этих мистических наименований сопровождается богатыми эмотивными коннотациями.

Исследователи лингвистики текста отмечают важную роль порождающей функции текста во второй номинации. Формирование эмотивных номинативных знаков может происходить в тексте/речи за счет неожиданного, на первый взгляд, сцепления лексем: a slice of a human being, a frying pan of life, a yellow face of a moon, milk hangs in the sky, transplantation of maidens, etc. Порождающая функция текста является неиссякаемым источником эмоционально-экспрессивно-оценочных экспромтов.

Семантической основой ЭН во всех рассмотренных здесь случаях являются потенциальные семы знаков языка, которые представляют в семантике слов побочные/возможные характеристики денотатов. Эти семы реализуются в процессе поворачивания объекта речи различными сторонами к отправителю информации<sup>16</sup>.

Эмотивные номинационные знаки, как видно из вышеизложенного, семантически более осложнены, чем чисто понятийные. Поэтому мы предлагаем различать семантиче-

ский потенциал знаков понятийной номинации и информационный потенциал знаков ЭН.

Под семантикой знака понимается совокупность признаков данного понятия о данном денотате, а под информацией, которую несет знак, понимается вся совокупность сведений (лингвистических и экстралингвистических) о нем. В случае эмотивного знака такой информацией является характерологическое отношение к обозначаемому, закрепленное в коллективном сознании коммуникантов.

Таким образом, информативное содержание лингвистического знака шире его семантики. Эмотивность как компонент лексического значения слова является частью информации, т. е. экстралингвистических сведений о денотате и об отправителе речи.

Различие между информацией и семантикой легко прослеживается, если сравнить, например, содержание слова «*fox*<sub>4</sub>» и содержание его дефиниции: *crafty man* (*cunning; trickery; skill in deceiving*).

Дефиниция в логических терминах объясняет семантику данного слова в переносном значении. Информация же, передаваемая словом «*fox*<sub>4</sub>», несколько больше по сравнению с содержанием словосочетания «*crafty man*», так как при более экономичном в линейном плане обозначении одного и того же денотата, слово «*fox*<sub>4</sub>» вызывает определенные эмотивные коннотации, и, следовательно, это слово в большей мере воздействует на его получателя. Отсюда вполне логичен вывод о том, что фактическая семантическая информация эмотивного слова как знака и его лексическое значение, кодируемое в дефиниции, далеко не полностью эквивалентны по содержанию: ассоциативное окружение эмотивного слова несет больше информации, чем семантика расщепленного лексического понятия. Таким образом, ассоциативные признаки, т. е. эмотивный импликационал, оказываются при ЭН семантически релевантными.

Как видно из современной художественной английской и американской литературы, а также стилистических помет словарей неологизмов, диалекты, сленг и молодежные жаргоны являются наиболее активным полем излучения эмотивных дериватов. ЭН в большинстве случаев вызвана стремлением оригинально, по-новому обозначить какие-либо предметы и явления. Это стремление иногда приводит к игре с языком, в результате чего происходит повышение выразительности языковых средств (an *unkissable girl*, *twinness* *unputdown-*

nableness). Значительное число эмотивных инноваций указывает на процесс «эмоционализации» английского языка.

Имеющиеся в наличии факты действия ЭН позволяют предположить, что ЭН как система является областью психосемантики, поскольку в ней участвуют ассоциативные связи — источники индуцирования и эксплицирования эмотивных сем. Этим, вероятно, и объясняются многие эффекты неожиданности в ЭН.

Общеизвестно, что речь человека управляет не только собственно-языковыми, но и психолингвистическими факторами. На примере ЭН, как в фокусе, становится особенно четко видна роль психики и ассоциаций в номинации вообще. Вот почему в современных работах лингвисты предлагают выделить в семасиологии раздел психосемантики как объект тщательного изучения. Установление разрешающих и запрещающих факторов ЭН, от которых зависит: быть или не быть тому или иному эмотивному деривату, поможет преодолеть его непредсказуемость.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Кубрякова Е. С. Словообразовательная номинация.— В кн.: Языковая номинация (общие вопросы). М., 1977, с. 55.

<sup>2</sup> Подтверждение нашему выводу находим в работах В. Г. Гака. Например, в раб.: К типологии лингвистических номинаций.— В кн.: Языковая номинация (общие вопросы). М., 1977.

<sup>3</sup> О роли эмотивного компонента номинативных единиц в обогащении лексико-семантической системы языка см. в кн.: Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

<sup>4</sup> Например, The Barnhart dictionary of New English since 1963. Clarence and Barnhart. Sol. Steinmetz, Robert K. Barnhart, USA, 1973.

<sup>5</sup> Сребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975, с. 19—20.

<sup>6</sup> Заботкина В. И. Образование предикатных лексико-семантических вариантов существительных в современном английском языке. АКД. М., 1979.

<sup>7</sup> Подробнее см.: Шаховский В. И. Эмоционально-экспрессивная функция диминутивных суффиксов в современном английском языке.— В кн.: Исследования по романо-германскому языкоznанию. Волгоград, 1969; он же. Синонимия суффиксальных средств выражения эмотивно-субъективных оценок в разговорном английском языке.— В кн.: Синтаксис, фразеология и лингвостилистика английского языка. Рязань, 1976.

<sup>8</sup> Другие примеры см. в раб.: Filippov E. N. Vogue suffixes in presentday English.— ИЯШ, 5, 1972.

<sup>9</sup> Hamlyn. Encyclopedic World Dictionary, 1972, London, New-York, Sidney.

<sup>10</sup> Коннотация неодобрения устанавливается формально-логическим путем, например, если по контексту можно к дефиниции деривата добавить фразу «which is (very) bad», то это является формальным маркером

оценочной коннотации. См. об этом: Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979, с. 103.

<sup>11</sup> Кубрякова Е. С., указ. раб. с. 60—63.

<sup>12</sup> «0» — означает отсутствие коннотации, «+» — означает наличие коннотации.

<sup>13</sup> См., например, большой фактический материал, представленный в статье Кубарева Е. Е. Семантические особенности некоторых слов, соотносящихся по конверсии, в современном английском языке. — В кн.: Семантика языковых единиц разных уровней. Т. 205. Куйбышев, 1977, с. 50—56.

<sup>14</sup> От греческого слова «*xenos*» — чужой (термин В. Д. Девкина).

<sup>15</sup> Другие примеры см. в раб.: Волошин Ю. К. Семантика сленговых инноваций. (В кн., указ. в примеч. 13), с. 13—19.

<sup>16</sup> Гак В. Г. Указ. раб.

Т. В. МАКСИМОВА

## НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ КОНТЕКСТОВ, ХАРАКТЕРНЫХ ДЛЯ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В системе языка существуют определенные типы отношения между беспрефиксальными глаголами, с одной стороны, и между самими префиксальными глаголами, с другой. Подход к словообразовательным проблемам с точки зрения текста позволяет уточнить все виды взаимосвязи и взаимоотношений между ними. Синтагматическое описание дает дополнительную информацию о наличии разных компонентов в семантике префиксов, о их продуктивности, о представленности глагольной префиксации в языке художественной прозы<sup>1</sup>, о различных типах контекстов, в которых функционируют префиксальные глаголы, и о семантических связях между префиксальными глаголами в связном тексте.

В силу своей специфики производные слова вообще, префиксальные глаголы в частности, характеризуются в отличие от непроизводных слов большей широтой семантических связей; они соотносятся не только с производящими словами, но и с производными словами словообразовательных гнезд<sup>2</sup>. В данной статье исследуются отношения префиксальных глаголов с соответствующими им беспрефиксальными глаголами, а также отношения между различными префиксальными глаголами.

Исследование большого текстового материала (117 художественных произведений современных английских

и американских авторов) показало, что в большинстве случаев беспрефиксальные глаголы и образованные от них префиксальные глаголы функционируют изолированно друг от друга в разных предложениях и абзацах, т. е. distantno. Однако из этого не следует, что в тексте они структурно и семантически изолированы друг от друга.

Наибольший интерес в оформлении внутренней архитектоники текста представляют случаи совместной встречаемости префиксальных и беспрефиксальных глаголов, во-первых, и префиксальных глаголов друг с другом, во-вторых.

Данные проведенного анализа позволяют говорить о типичной совместной встречаемости префиксальных и соответствующих им беспрефиксальных глаголов в коррелирующем типе контекста. При этом для них свойствен как контактный (в пределах одного предложения), так и distantный тип сочетаемости (в пределах разных предложений одного абзаца): *Ashenden fidgeted, crossed and uncrossed his legs* (S. Maughan); *I checked my watch. It was still set on New York time. Ten o'clock. I reset it and got out of bed* (H. Robins).

Как показывает анализ материала, наиболее регулярно зафиксирована встречаемость беспрефиксальных глаголов с глаголами, оформленными продуктивными префиксами: *up-, ge-, dis-, over-, out-*<sup>3</sup>; единично представлены в данном типе контекста глаголы с префиксами *trans-, de-*: *But they (ideas) must be considered, reconsidered, arranged, rearranged* (A. Hailey); ...but when we begin to build we can out-build them (G. Priestly).

Исследование функционирования префиксальных глаголов совместно с беспрефиксальными в пределах одного или рядом расположенных предложений позволяет проследить грамматическую функцию и семантическое содержание префикса довольно четко. Из приведенных выше предложений видно, например, что синтаксическая сочетаемость всех пар глаголов одинакова, за исключением пары глаголов *build — outbuild*, где содержится указание на наличие компонентов «переходности» и «одушевленности», которые префикс *out-* привносит в семантику глагола *to build*<sup>4</sup>.

В коррелирующем типе контекста зафиксирована совместная встречаемость префиксальных глаголов ограниченного круга. Коррелируют между собой префиксальные глаголы с префиксами *up-/ge-, over-/un-, der-,* реже *dis-/en-:*

She went into the bedroom and began to *unpack* her cases and *repack* them (A. Christie).

Довольно регулярная сочетаемость таких пар глаголов объясняется тем, что глаголы с префиксом ge-, как правило, обозначают действия, направленные на повторение результата действия беспрефиксального глагола. Повторение действия происходит на другой временной оси, т. е. между действием, выраженным беспрефиксальным глаголом, и действием префиксального глагола происходит другое действие, направленное на уничтожение результата первоначального действия do smth- undo smth- redo smth. А действие, направленное на аннулирование действия беспрефиксального глагола, выражается, как правило, глаголами с префиксом un-; *Deftly he unlaced the flaps there, slipped out, relaced them* (A. Christie).

Вторым по частотности типом контекста, свойственного для префиксальных глаголов, является антонимический контекст. Так, например, между беспрефиксальными и префиксальными глаголами с префиксами dis-, un-, de- устанавливаются антонимические отношения, поскольку данные префиксы обозначают обратный по направленности характер действия относительно действия беспрефиксального глагола: *Her fingers twisted and untwisted themselves* (A. Christie); *Now I could see Flora's dress appearing and disappearing* (R. Murdock).

Подобного рода совместная встречаемость беспрефиксальных и префиксальных глаголов создает благоприятные условия для появления новообразований. Контекстное употребление новообразований демонстрирует, какие черты свойственны новому слову, каким семантическим изменениям оно подвержено по сравнению с беспрефиксальным глаголом. Появление нового глагола на фоне имеющегося объясняется словообразовательной аналогией: «*At this rate, it will be midnight before we get to dance*», *Vail muttered, creating his yellow program and uncreasing it again* (F. Heyes).

В антонимическом контексте зафиксирована также и совместная встречаемость префиксальных глаголов, что свидетельствует о наличии определенных семантических отношений между ними. В этом типе контекста встречаются глаголы, оформленные префиксами dis-/en-, over-/under-: *Teddy Lloud was encouraged in this course by art critics and discouraged by the thought of his large family.* (M. Spark). Данные отношения задаются семантикой префиксов. Так, например,

глаголы с префиксами over-, under- находятся в антонимических отношениях, поскольку сами префиксы располагаются на разных полюсах одной и той же шкалы:

сверх нормы	норма	ниже нормы
over-		under-

Эти префиксы, как показал анализ материала, взаимодействуют с производящими основами, имеющими одинаковый набор структурных и семантических характеристик (признаков), а нередко с одной и той же основой или с одним и тем же значением основы. *She was overestimating her power relying too much on her sudden victory in a moment of passion, underestimating Jon's strength after resolve taken (J. Galsworthy).*

Иногда используется и такой экономный способ передачи антонимических отношений, когда употребляются два антонимических префикса при одной глагольной основе, т. е. один из префиксов в тексте употреблен как бы сам по себе. Это бесспорно указывает на наличие системных, в данном случае антонимических, отношений между самими префиксами: *His normal attitude — a legal attitude — is to under-rather than over-state (A. Christie).*

Регулярность и стабильность семантических отношений, в которые вступают префиксы в пределах префиксальных глаголов, а также рост их продуктивности способствуют тому, что в контексте префиксы обнаруживают способность превращаться в самостоятельные препозитивные частицы по значению и функции, близкие слову<sup>5</sup>: *True, bank tellers were allowed occasional cash discrepancies; cushion errors were normal and expected. In the course of a year, eight «overs» or «unders» were average for most tellers and, provided each error was no longer than twenty — five dollars, usually nothing was said (A. Hailey).* Здесь префиксы over-, under- вступают в свободные синтагматические связи, функционируя как самостоятельные слова.

Кроме того, префиксальные глаголы могут функционировать в своеобразных «реконструирующих контекстах», в пределах которых производное слово функционирует совместно с мотивирующими его и одновременно сосуществующими с ним единицами в контексте<sup>6</sup>. В «реконструирующих контекстах» эксплицитно раскрывается значение префиксального глагола. Так, значение «чрезмерности» находит выра-

жение в таких реконструирующих контекстах, где помимо мотивирующего слова есть еще и сочетания слов, соответствующие значению префиксального глагола: I don't care what you felt, you weren't *acting* it. Your performance was a mess. You were *exaggerating*, you were *overacting* (S. Magham).

Значительно чаще встречаются такие примеры «реконструирующих контекстов», где беспрефиксальные глаголы отсутствуют, но где значение префиксальных глаголов соотносится со словосочетанием, соответствующим их значению: Don't *overdo*. Don't *make too much distance* the first hour (R. Bradbury).

Синтагматическое описание префиксальных глаголов позволяет также выявить еще один тип контекста, свойственного префиксальным глаголам, который мы назвали компенсирующим. В этом типе контекста встречаются лишь префиксальные глаголы, которые характеризуются однотипным структурным и семантическим образцом, т. е. образованными по одной и той же словообразовательной модели. Префиксальные глаголы в текстах художественной прозы могут употребляться друг с другом как в своеобразном словообразовательному ряду<sup>7</sup>, что служит определенным стилистическим задачам автора. Использование разных префиксальных глаголов одной словообразовательной модели является средством, помогающим автору выделить важную для понимания произведения мысль. Molly rearranged a few of the table decorations in the diningroom, ... reset a glass or two (A. Christie); He did not overcut meats or overload the scale on bulk items (B. Malamud). Иногда для создания определенного стилистического эффекта повторяется одно и то же слово в дистантно расположенных предложениях: «I begrudge every Christmas and every New Year and especially every birthday», he admitted. «I begrudge every damned one» (L. Thomas).

В подобного рода контекстах нередко употребляются новообразования под влиянием соответствующего структурно-семантического образца. В данном случае корреляции между беспрефиксальными и префиксальными глаголами, т. е. словообразовательные корреляции как таковые отступают на задний план, «новое название становится понятным не столько благодаря его возможной отсылке к производящей единице, сколько благодаря его соседству с однотипными единицами и сходству с ними»<sup>8</sup>, например: He could

outthink and *outplan* his brother (J. Steinbeck); He wanted to get out of the room where he was *outpointed* and out-fought (J. Steinbeck); Some of it, he thought, was partially ruined, though most of it had been *restored* and rebuilt (A. Christie) (в этих примерах подчеркнутый глагол является новообразованием). Особый эмоциональный заряд достигается включением нового глагола в контекст нескольких одноструктурных глаголов: Yes, it's overdone, overflowed, *overfleshed* and *flashed* (J. Lindsay).

Префиксальные глаголы-новообразования, образованные по продуктивным моделям, встречаются в предложениях, не содержащих ни беспрефиксальных глаголов, ни соответствующих им по форме и содержанию префиксальных, ср.: Не *rewrapped* and *retied* the package (F. Heyes).

Синтагматическое описание префиксальных глаголов позволило выделить виды контекстов, характерных для них в текстах художественной прозы: коррелирующий, антонимический, реконструирующий.

В первых двух контекстах зафиксированы отношения как беспрефиксальных глаголов с префиксальными, так и префиксальных глаголов друг с другом (V — рг. V, рг. V — рг. V). В реконструирующем контексте взаимодействуют беспрефиксальные с префиксальными глаголами (V — рг. V), а также префиксальные глаголы с соответствующими их значению словосочетаниями.

В компенсирующем типе контекста возможен единственный вид отношений — отношения между префиксальными глаголами (рг. V — рг. V).

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Максимова Т. В. Структурное описание префиксальных глаголов в английском языке.— Сб.: Системные семантические отношения в языке. Волгоград. 1978.

<sup>2</sup> Иванникова Е. А. О производных словах как объекте лексикографии.— Сб.: Современная русская лексикография. Л., 1975, с. 66.

<sup>3</sup> См. указ. выше работу Т. В. Максимовой, с. 56—57.

<sup>4</sup> Максимова Т. В. О семантике префиксальных морфем.— В сб.: Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. Волгоград, 1979.

<sup>5</sup> См. об этом: Голанова Е. И. Активные процессы в префиксации современного русского языка. АКД. М., 1973, с. 26.

<sup>6</sup> Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование.— В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977, с. 254.

<sup>7</sup> Под словообразовательным рядом понимаются префиксальные глаголы, объединенные одним структурно-семантическим значением.

<sup>8</sup> См. указ. работу Е. С. Кубряковой, с. 260.

# СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ

Одной из основных задач языкоznания является обнаружение в языке системности. При изучении межуровневых связей неожиданно проявляются ранее не замеченные интегративные свойства элементов, благодаря которым языковые элементы объединяются не только в пределах одного уровня, но и в разных плоскостях, обеспечивая целостность всей системы.

Не подлежит сомнению тезис о том, что элементы низшего уровня служат строительным материалом для создания единиц более высокого уровня с качественно новыми свойствами (фонема — морфема — слово — словосочетание — предложение). Можно, однако, отметить и обратный процесс связи между уровнями. Мы имеем в виду процесс перехода предложений в словосочетания, словосочетаний в слова, слов в морфемы и т. д. Этот процесс также связан с различными качественными преобразованиями во вновь возникающих единицах.

Предметом данной статьи является сопоставительное исследование семантики именных словосочетаний, образованных предикативными (абстрактными) именами, и сложных существительных с абстрактным именем в качестве второго компонента.

Абстрактное имя обладает особыми категориальными признаками, поскольку большинство абстрактных имен является результатом транспонирования глагола или прилагательного в функции сказуемого в имя. Абстрактные существительные сохраняют номинативное содержание предиката и представляют собой номинацию события или признака. Они сохраняют также способность вступать в сочетания с другими словами и воспроизводить синтаксические связи глаголов и прилагательных, т. е. сочтания с ними представляют собой свернутое высказывание — пропозицию<sup>1</sup>.

Семантика свободных именных словосочетаний, образуемых абстрактными именами, описывается в терминах синтаксических отношений: агентивного, объектного, инструментального, причинного, целевого, пространственного, темпорального и др.<sup>2</sup>.

Современное языкоzнание не располагает законченной классификацией видов семантических функций, в которых реализуются универсальные понятийные категории<sup>3</sup>.

В настоящее время вопрос о тесной связи словосложения с синтаксисом свободных словосочетаний считается решенным<sup>4</sup>. Семантическую структуру сложного существительного можно рассматривать с точки зрения структуры смысла синтаксической единицы, на базе которой оно образовано. Мы пытаемся раскрыть правила сложения смыслов, действие которых формирует целостную семантику сложного существительного.

Исследователи рассматривают обычно сложное существительное как результат стяжения свободного словосочетания<sup>5</sup>.

Следует предположить, что сложные абстрактные существительные (сокращенно САС) с агентивным отношением возникают также на базе свободных словосочетаний (сокращенно СС) с абстрактным именем в качестве ядра и воспроизводят агентивную семантику последних. Нам представляется поэтому целесообразным сопоставить структурно-семантический тип САС с агентивным отношением с СС, изоморфным ему по смыслу, чтобы выявить закономерности образования САС из СС.

Под агентивным отношением понимается такое отношение, когда зависимый компонент СС называет производителя действия или носителя состояния, выраженного абстрактным именем — ядром СС, напр., die Liebe der Mutter.

САС агентивного типа состоят из двух компонентов. Первый компонент соотносится с носителем действия или состояния, а второй компонент называет это действие или состояние, ср. Mutterliebe. Если САС всегда двухкомпонентно, то СС могут быть двух- и многокомпонентными. Мнокомпонентные СС возникают за счет различных определителей, стоящих перед именем агента: притяжательных или других местоимений (die Ansichten *beider* Regierungen.— ND; die Duldung *unseres* Meisters.— Adam Scharrer. In jungen Jahren; der Sieg *ihrer* Gegner.— F. C. Weiskopf. Abschied vom Frieden), прилагательных или причастий (das Treiben der *städtischen* Gesellschaft.— Th. Mann. Gesammelte Werke. X Bd; der Konflikt der *bestehenden* Mächte.— K. Marx. Über China; der Schrei des *sterbenden* Kanoniers.— Arnold Zweig. Die Feuerpause). Подобные СС не трансформируются в САС.

Многокомпонентная структура СС возникает также в том

случае, если абстрактное имя имеет значение «взаимного действия». Такие имена предполагают множественный субъект. Если в действии участвуют несхожие лица (предметы), то каждое из них должно быть названо отдельным словом, и тогда сочетание становится минимально трехсловным, напр., Duell zwischen Alexander und Adrienne. (F. C. Weiskopf. Abschied vom Frieden), Hamlets Begegnung mit den Komödianten (F. C. Weiskopf. Abschied vom Frieden), Sein Bund mit der Partei (L. Feuchtwanger. Die Brüder Lautensack). Агентивные САС, абстрактное имя которых имеет значение «взаимного действия», могут быть и двухкомпонентными, если одно из действующих лиц эксплицируется в контексте, а не в СС, напр. daß er sich im Umgang mit den Arbeitskollegen eine beinahe verletzende Art angewöhnt hatte (J. Lenz. Kapitäne bleiben an Bord).

Невыраженность второй участвующей в действии стороны в СС делает его семантически незавершенным. САС на основе подобных СС не образуются.

Многокомпонентная структура СС возникает также в тех случаях, когда абстрактные существительные реализуют одновременно, наряду с агентивной, еще какую-либо другую семантическую валентность. Напр., die erste Verlesung der Dramen durch den Verfasser (Th. Mann. Gesammelte Werke. X Bd), die Ausrottung von Menschen durch Menschen (BZ), die Liebe der Mutter zur Tochter, meine Fahrt nach Moskau.

Итак, трех- или более компонентные структуры СС не трансформируются в САС. Встает вопрос, любое ли двухкомпонентное СС с агентивным отношением стягивается в САС. Для выяснения этого проанализируем категориальное значение имени агента в СС.

В позиции агента могут выступать местоимения и другие слова местоименного характера: eure Einladung (H. Mann. Novellen), die Beteiligung von allen, ein Frohlocken bei ihm (E. M. Remarque. Die Nacht in Lissabon), собственные имена: Franziskas Entschluß (B. Kellermann. Die Stadt Anatol), имена лица нарицательные: der Schlaf des Kindes, die Leiden der Menschen,—названия коллективов и общественных организаций: der Vorschlag der Regierung,—фаунонимы: das Gebrüll von Vieh, das Gequick von Mäusen,—различные предметы окружающего мира: der Abzug des Zuges, der Aufgang der Sonne.

К позиции агента тяготеют вселексические элементы словаря — имена собственные, указательные и личные

местоимения<sup>6</sup>. В них менее развито лексическое содержание слова, отсюда их более однозначная, прочная связь с внеязыковой действительностью (и с контекстом). Личные местоимения в роли агента не называют самих действующих лиц, а только указывают на них, соотносят их с контекстом, выполняя анафорическую функцию. Особенно это характерно для форм третьего лица. СС с личным местоимением в позиции агента в САС не трансформируются. Притяжательное местоимение, подобно личному местоимению, указывает на лицо и, кроме того, на отношение к этому лицу, являясь, таким образом, синтетическим способом выражения двух элементов значения: лица и отношения к нему<sup>7</sup>. Отнесенность притяжательного местоимения к определенному лицу контекста наделяет его индивидуализирующими значениями, само же оно остается вне контекста асемантичным. Асемантичность притяжательного местоимения препятствует стяжению СС в САС.

Употребление имен собственных в агентивных СС не ограничено стилем речи. Собственное имя принято рассматривать как индивидуально-различительный знак, соотносящийся с единичным предметом, для выделения данного предмета из класса однородных. Основным «дефектом» имен собственных является их неспособность выражать обобщенное понятие, их роль в языке чисто называющая<sup>8</sup>.

В речи САС с первым компонентом — именем собственным — встречаются относительно редко, многие из них «окказиональны», создаются на «злобу дня». Особенно это характерно для стиля полемики<sup>9</sup>. Напр., Strauß-Entschluß, Springer-Presse, Pinochet-Junta.

Большинство имен собственных, занимающих позицию агента в СС, относятся к области ономастики и топонимики. Таким именам свойственна одна функция — функция обозначения, что позволяет им только различать, опознавать обозначаемые предметы, лица, без указания на качественно содержательную характеристику данного индивидуума<sup>10</sup>. Но иногда у имени собственного развивается нарицательное значение благодаря тому, что в их семантике обобщается и закрепляется ряд признаков, характерных для данного индивидуального предмета. Имена собственные, кроме десигнификативного значения (обозначать), могут приобрести сигнификативное значение (значить). Сигнификативная функция собственных имен особенно присуща наиболее важным для общества географическим названиям, социальным институтам или именам лиц, общественная значимость кото-

рых надолго пережила их самих<sup>11</sup>. Ср. Napoleonssiege, Dekabristenaufstand, Stachanowbewegung, Kompradorenbewegung.

Нами отмечены также несколько САС с именами мифологических и литературных персонажей. Напр., Judskuß, Herkulesarbeit, Sisyphusarbeit, Tantalusqualen, Eulenspiegelstreiche. Таким именам собственным присуща совокупность признаков, которая становится основой качественной характеристики.

Имена нарицательные, в отличие от местоимений и имен собственных, являются полнозначными словесными знаками. Они образуют в каждом языке самый большой класс слов. Их особенностью является то, что они обладают двумя функциями знака — сигнifikативной и денотативной. К именам нарицательным мы относим имена лиц. Ср. CC die Versammlung der Studenten, das Geschrei der Kinder, das Lachen der Männer и САС, образованные на их основе: Studentenversammlung, Kindergeschrei, Männerlachen; названия коллективов, учреждений, организаций: der Beschluß der Regierung, die Erziehung durch die Gesellschaft и Regierungsbeschuß, Gesellschaftserziehung; названия животных, птиц, насекомых: das Zirpen der Grillen, das Bellen der Hunde, das Summen der Fliege u. Grillengezirp, Hundegerbell, Fliegengesumm; названия механизмов, различных предметов окружающего мира: das Geheul der Sirene, das Donner der Geschütze, der Start der Maschine (der Rakete) u. Sirenengeheul, Kanondonner, Raketenstart; названия предметов и сил природы, понимаемых «определенено»: der Ausbruch eines Vulkans, das Beben der Erde, der Aufgang der Sonne u. Vulkanausbruch, Erdbeben, Sonnenaufgang.

САС с именем нарицательным в позиции агенса представлены в нашем материале наибольшим количеством примеров.

Любое имя нарицательное является именем класса и одновременно индивидуальным именем, служащим для дифференциации данного объекта от других объектов того же класса, это так называемый референциальный признак<sup>12</sup>. Референциальный признак как средство индивидуализации, выделения одного предмета из класса подобных, предпочтительнее реализуется на уровне синтагматики. Имена лиц и предметов, попадая в область синтагматики, т. е. в структуру СС, испытывают потребность в референциальном признаке, т. е. в выделении с помощью различных определите-

лей: прилагательных, местоимений, причастий. На уровне парадигматическом — на уровне образования сложных слов — потребность в референциальном признаке имен отпадает. Имя нарицательное не «привязывается» к определенному денотату, а относится ко всему классу денотаторов, т. е. обозначает родовое понятие. Это и есть сигнifikативное содержание в структуре значения слова.

Сравнивая СС и САС, как единицы разных уровней, можно утверждать, что СС, как единица синтагматического уровня, может иметь в позиции агента имена с различной категориальной семантикой: местоимения, имена собственные, имена нарицательные, тяготеющие к различным определителям в контексте (т. е. стремящиеся к сужению своего сигнifikативного значения и увеличению денотативного).

В САС как единице парадигматического уровня, позицию агента могут занимать только имена нарицательные (редко имена собственные) с преобладанием сигнifikативного содержания в структуре их значения. Поэтому САС выражает обобщенное понятие, абстрагированное от какой-либо определенной ситуации, выраженной в СС. В этом заключается принципиальное различие рассмотренных изоморфных единиц разных уровней.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См.: Porzig W. Die Leistung der Abstrakta in der Sprache. In: Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik Darmstadt, 1962, S. 263; Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1971, S. 68—70; Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958, с. 155; Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976, и др.

<sup>2</sup> Пашевская Т. Л. Словосочетания с именем действия в качестве центрального слова. Л., 1957. Родичева Е. Е. Управление имен действия в современном немецком языке. Канд. дисс. Л., 1964, и др.

<sup>3</sup> Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972; Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.

<sup>4</sup> См., напр.: Гинзбург Е. Л. Синтаксическая типология сложных слов.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1968; Степанова М. Д. К вопросу о синтаксической природе словосложения. Уч. записки МГПИИЯ. Т. 19, 1959; Admопі W. Der deutsche Sprachbau. Л., 1972; Котелкин В. П. К проблеме соотношения сложного слова и словосочетания. Уч. записки МГПИИЯ. Т. 55, 1970, и др.

<sup>5</sup> Степанова М. Д. К вопросу о синтаксической природе словосложения. Уч. записки МГПИИЯ. Т. 19. 1959; Павлов В. М. Субстантивное словосложение в немецком языке. Докт. дисс. Л., 1973, и др.

<sup>6</sup> Арутюнова Н. Д. Семантическая структура и функции субъекта.— В кн.: Известия АН СССР. 1979, № 4, с. 323.

<sup>7</sup> Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974.

<sup>8</sup> Указ. соч. Н. Д. Арутюновой. 1979, с. 323.

<sup>9</sup> Павлов В. М. Семантика имен собственных в современном немецком языке. Уч. записки Ленингр. гос. пед. ин. им. А. И. Герцена. Т. 217, 1960, с. 129.

<sup>10</sup> Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная). — В кн.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977, с. 42.

<sup>11</sup> Указ. соч. В. М. Павлова. 1960, с. 133.

<sup>12</sup> Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974, с. 250.

С. Д. БЕРЕСНЕВ, Ю. И. СКОМОРОХОВ

## О СЕМАНТИКЕ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРОГРЕССИВНОЙ ПРЕССЕ

Современная лингвистика текста не располагает еще более или менее обширными данными о семантике единиц текстов разных стилей. Традиционные грамматики представляют собой описание единиц языка как кодовой системы безотносительно к сферам функционирования языка. Между тем наибольший интерес для решения прикладных задач (обучение языкам, создание программ автоматической обработки текстов) представляют как раз особенности функционирования языковых единиц разных уровней, частоты их появления в текстах отдельных подъязыков и функциональных стилей. Статистические исследования текстов однородной тематики дают большую и ценную информацию о функциональной стороне языка. За последние годы в работах этого направления стали регистрировать и подсчитывать не только графические образы языковых знаков, но и их актуальные значения, реализуемые в текстах. Вне поля зрения исследователей остались, однако, единицы текста, не всегда подходящие под различные классификационные схемы. Речь идет о разного рода «неполноценных» знаковых единицах текста — сокращениях.

Нами проводится статистическое исследование названных единиц по материалам современной немецкой прогрессивной прессы. Задачей данного сообщения является обсуждение полученных данных в семантическом аспекте.

В текстах газет встречаются два принципиально разных вида единиц, которые принято называть сокращениями: 1) условные графические знаки, принятые в немецком языке в целях экономии времени, скорописи. К ним относятся

такие как ZB, usw., u. a. m., Prof., Dr. и другие подобные. Они расшифровываются и читаются «полным текстом»; 2) сложносокращенные и усеченные слова (аббревиатуры и контрактуры), соответствующие полным словам или словосочетаниям, чаще имеющие собственный звуковой и графический образ, грамматические категории. В нашей работе речь пойдет о второй группе единиц, которые в других работах называны просто сокращениями<sup>1</sup>.

Газета как способ хранения текстов, объединенных под общим понятием функциональной стилистики — газетно-публицистический стиль, не однородна по набору и составу означающих. В газетных текстах, как и в научно-технических, функционирует целый ряд подъязыков, правда, не в том виде, каком эти подъязыки применяются в сфере научного общения. Однако значительная общность в коммуникативной установке всех жанров и множества подъязыковых кодов в газете, а именно — ознакомление читателя с событиями на мировой арене, их идеологическая оценка, популяризация достижений науки, техники, культуры, искусства и литературы, значительный элемент эмоционального воздействия на читателя и др. — дало нам основание формировать выборку «хронологическим» способом (т. е. все тексты каждого номера газеты от начала до конца подвергались обследованию). Источником формирования выборки служили отдельные номера газет «Neues Deutschland», «Berliner Zeitung», «Junge Welt» в интервале 1977—1978 и частично — 1974—1975 гг. Общая длина обследованной выборки составляет 2 929 000 словоупотреблений. (Такой объем выборки не требует подтверждения достоверности результатов формулами). В этой выборке зарегистрировано 2918 разных единиц указанных двух групп. Анализу подвергнуто 2830 сложносокращенных слов, так как 88 из них составляют условные графические знаки. Получилось 125 рангов частот. Наибольшая частота — 7039, наименьшая — 1. Больше половины всех анализируемых единиц имеют частоту 1, что дает право считать их окказиональными текстовыми единицами этой группы и, следовательно, судить об известной потере полезной информации при чтении газеты.

Первые наиболее частотные сложносокращенные слова в нашей картотеке следующие: die DDR — 7039, die SED — 4040, das ZK — 3964, ADN — 2703, die BRD — 1871, die UdSSR — 1611, ADN-Korr. — 1532, die USA — 1088, die KPdSU — 966, der FDGB — 891, ND — 873, die KP — 557,

die ČSSR — 540, die FDJ — 478, VEB — 472, VR — 352, die UNO — 320. Далее в диапазоне частот 311 — 75 располагаются 44 единицы:

1. ADN/BZ	311	23. DM	114
2. die NDA	240	24. die GST	110
3. ADN/ND	231	25. ND/ADN	105
4. ADN/JW	223	26. der FDGB	101
5. KPTsch	211	27. die KVDR	100
6. die DKP	198	28. die RKP	100
7. die PVAP	185	29. SFRJ	99
8. MPLA	173	30. die BRD-Regierung	97
9. LPG	166	31. CDU	97
10. TASS	166	32. die UVR	96
11. RGW	163	33. die PKP	93
12. DPA	156	34. die JKP	91
13. die USAP	155	35. LDPD	91
14. die BKP	145	36. der UNO-General-	
15. die UNO-Vollvers.	142	sekretär	88
16. DFD	141	37. SRR	87
17. ADN-Korr./BZ	138	38. PLO	85
18. die NATO	135	39. ADN-JW	84
19. FDJler (-in)	133	40. FRELIMO	83
20. ZB/фамилия	126	41. SWAPO	82
21. ND-Korr.	118	42. die RKP	81
22. die MVR	115	43. der USA-Präsident	79
		44. BRD-Land	75

Следовательно, первые 60 наиболее частых слов полученного списка составляют по сумме их частот 35 106 словоупотреблений всех единиц анализируемой группы и покрывают в среднем 1,2% любого газетного текста, соответствующего параметрам текстов выборки.

Коммуникативная цель сложносокращенных слов ограничена указанием на денотат. Именно поэтому их семантика совершенно прозрачна: они обозначают наименование государств, партий, телеграфных агентств, союзов, обществ, организаций национально-освободительных движений, денежных знаков. Прозрачность семантики слов данной группы подкреплена их общепринятостью, соотнесенностью, с полным наименованием, также встречающимся в газетных текстах (например, die SED и die Sozialistische Einheitspartei Deutschl.) или же, напротив, их монопольным употреблением в тексте. Так, ADN, TASS и другие подобные практически

не имеют в текстах своих полнословных дублетов (хотя как явления системы языка они и соотносимы с ними). Большинство сложносокращенных слов зоны высокой частоты имеет собственный звуковой образ, грамматический род; у носителей языка и у иностранных реципиентов они непосредственно ассоциируются с соответствующими объектами. Эта группа единиц текста — полноценные языковые знаки, служащие «означающими для значений, и их связь закреплена узуально, до акта говорения, причем одинаково для всех членов языкового коллектива»<sup>2</sup>.

В зоне средне- и низкочастотных слов большинство единиц не имеет собственного звучания. Их графические образы соотносятся с значениями, минуя звучание, они рассчитаны на восприятие только зрительными анализаторами. Акт номинации осуществляется здесь только в форме графики. Информация, содержащаяся в таких «незвуковых» словах, конечно, принимается реципиентом при чтении газеты с целью последующего отождествления объекта, что имеет место и при звуковом контактном общении собеседников.

В качестве иллюстрации приведем выборочно небольшой список таких слов.

Слово	Частота	Значение (или полнословный эквивалент)
PMAC	35	der provisorische militärische Verwaltungsrat Äthiopiens
UNFPO	— 31	Vereinigte politische Organisation
die VVN	30	Bund der Antifaschisten
JAEA	29	die internationale Atomenergieorganisation
KPV	22	Kommunistische Partei Vietnams
ANPJ	6	der nationale italienische Partisanen - verband
CIHADASCHI	6	Demokratische Front für Frieden und Gleichheit (in Israel).
DMC	6	Demokratische Bewegung für einen Wandel (in Libanon)
RAW	6	Reichsbahnausbesserungswerk
CMP	5	die republikanische Volkspartei (in Türkei)
DHK	5	Deutsche Hochschule für Körperfikultur
KWO	3	Kabelwerk Oberspree

Среди сложносокращенных слов нет омографов, если не считать несколько окказиональных единиц с частотой 1. Все они однозначны, так что абсолютные и реляционные свойства этих единиц, в отличие от обычных слов, всегда

совпадают. Отличается этот класс слов газетных текстов и особенностью грамматической семантики: все слова данной группы только имена существительные и, как правило, только единственного числа. Формы множественного числа имеют в тексте лишь такие имена, в которых преобладает денотативность значения, а не сигнifikативность. Как показывают наши наблюдения, сложноокрашенные имена лишены всяких коннотаций, и это также одна из семантических особенностей данной лексической группы. Это объясняется, по-видимому, тем, что они относятся к классу имен собственных, которые «называют предмет, но не приписывают ему никаких свойств»<sup>3</sup>, или же к классам имен, семантически близких именам собственным.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Шенфельд Г. Некоторые аспекты и проблемы языковой коммуникации в сфере социалистического промышленного производства.— «Вопросы языкоznания», 1978, № 4.

<sup>2</sup> Мельников Г. П. Типы означаемых языкового знака и детерминанта языка.— В кн.: Проблемы семантики. М., «Наука», 1974, с. 29.

<sup>3</sup> Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение. Гл. IV в кн.: Языковая номинация. (Общие вопросы). М., «Наука», 1977; Mill J. St. Of names. «Theorie of meaning». Prentice Hall, 1970.

В. В. ЛЕБЕДЕВ

## СЕМАНТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ СЛОВОСЛОЖЕНИЯ СЛОВЕСНЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

В настоящей статье ставится задача выявить лексико-семантические, структурные и словообразовательные особенности сложных слов, функционирующих в качестве словесных товарных знаков в сфере торговли ГДР, ФРГ и Австрии, а также выяснить, какие факторы детерминируют их форму и содержание.

Морфологическая структура и семантика словесных товарных знаков определяется их функциями в языке рекламы, которые сводятся к номинации, дифференциации, характеристике обозначаемого объекта и привлечению к нему внимания покупателя<sup>1</sup>. Одну из самых многочисленных групп в составе словесных товарных знаков образуют сложные

слова. С точки зрения семантико-синтаксических связей между компонентами сложного слова здесь могут быть выделены определительные, сочинительные сложные существительные и слова-предложения<sup>2</sup>.

Определительные сложные существительные составляют среди словесных товарных знаков данного типа абсолютное большинство. Отношения между их компонентами могут быть соотнесены с синтаксическими отношениями между определяемым именем и определением. Первым компонентом-определителем может быть имя существительное собственное («*Karlsbräu*» — пиво), нарицательное («*Bürstenmann*» — зубная щетка), имя прилагательное («*Vollschaum*» — средство для стирки белья), основа глагола («*Strickwunder*» — вязальный станок), количественное числительное («*Drei-punkt*» — косметическое средство), вторым компонентом (основным словом) — имя существительное нарицательное («*Silberband*» — лезвия для бритв), собственное («*Goldmarie*» — пуховые одеяла и подушки), имя прилагательное в краткой форме («*Weizenschlank*» — диетические продукты). Общее значение целого мотивируется в словесном товарном знаке значениями его компонентов. Значение основного слова выражает тот круг понятий, к которому относится более узкое понятие, выраженное всем сложным словом. Так, второй компонент сложного существительного «*Pepsinwein*» (сорт вина) указывает на то, что данный объект относится к классу предметов, объединенных общим понятием «вино». Значение второго компонента может совпадать с одним из его значений, которое компонент имел до использования в качестве товарного знака («*Campinggarnitur*» — набор гардин, скатерей и салфеток для дачного домика или туристской палатки). Однако в большинстве случаев значение основного слова при образовании товарного знака меняется в результате переноса наименования с предмета на предмет («*Weltklang 2002*» — радиоприемник). В семантике основного слова содержатся также элементы, позволяющие имплицитно или эксплицитно давать характеристику обозначаемому объекту, учитывающую и формирующую покупательские мотивы и потребности. Основное слово может указывать на качество изделий («*Dübelmeister*» — сверло), их назначение и функции («*Heimtrainer*» — велосипед-тренажер), конструктивные особенности («*Super-Combinette*» — мопед, «*Baby-Korb-Box*» — детская кровать), называть фирму или предприятие-изготовитель («*Original-Mehler*» — солн-

цезащитный навес к палатке), называть материал, из которого изготовлено изделие («Gold-Brokat» — дорожки и скатерти на стол), иметь прямое денотативное значение («Tiger-shoe-cream» — сапожный крем, «Gästeseife» — мыло).

Компонент-определитель выражает какой-либо признак, положительно характеризующий предмет, обозначенный основным словом. Признак этот может быть выражен эксплицитно («Schwimmkärl» — спасательный пояс, «Wunderbaum» — освежитель воздуха) или ассоциативно («Feuerpfeil» — надувной катер с подвесным мотором, «Schwebe-Leicht» — спальный мешок). Во всех случаях определитель выражает такой признак предмета, который может послужить мотивом для приобретения товара покупателем. Чаще всего он указывает на: 1) предприятие-изготовитель или место изготовления товара, призванные символизировать высокое качество выпускаемой продукции и имеющие престижный характер (медицинский пластырь «Gothoplast», туристская яхта «Eikjacht», изготовленная на заводе «Eik-boom»), 2) субъект действия или состояния (реактивные снаряды «Drachensaft»), 3) объект действия (кофеварка «Kaffee-Floß»), 4) материал или вещество, из которого изготовлен товар (постельное белье «Webschatz», ликер Schlehen-feuer», матрац «Jacquard-Streifen»), 5) действие или процесс, принцип устройства, физические качества и свойства изделия (складная палатка-автоприцеп «Faltkurgier», плавательный бассейн «Stabil-Pool», мебельные чехлы «Elastic-Kolor», матрац «Bunt-Druck»), 6) назначение, функции изделия (садовый инструмент «Gartenwiesel», вязальный станок «Strickfee»), 7) высокую степень качества (кухонная плита «Meisterkoch»), 8) носителя признака — производителя продукции высокого качества (вино «Weinbergstolz»); раскрывает, поясняет значение основного слова (фотоэкспонометр для цветной печати «Colortester», распылитель удобрений «Streumeister»).

В ряде случаев переосмыслиться могут не только компоненты сложного слова, но и все его значение: «Weltmeister» — спортивная винтовка, «Adlerkopf» — кухонные ножницы для разделки птицы, «Silbermond» — одеяло.

Сочинительные сложные существительные встречаются среди словесных товарных знаков довольно редко. По своему происхождению это, в основном, фирменные наименования, образованные путем слияния личных имен (автомобиль «Daimler-Benz LP/LPS 1620») и фирменных наименований

(мотоцикл «Puch-BMW 250/350»). Некоторые из них возникли в результате объединения двух товарных знаков в один (компьютер «ESER-ESDA ES 1040»). Слова-предложения (императивные имена) представлены в системе словесных товарных знаков в единичных случаях: пододеяльник «Schlafgut».

Помимо перечисленных традиционных для немецкого языка способов словосложения в системе словесных товарных знаков нашли широкое распространение способы образования сложных слов по моделям, представленным только в языке рекламы. Они отличаются по своей структуре и внутренней организации от прочих сложных слов: «Duo-Spezial» — матрац, «Solo-Boy 200K» — радиоприемник. Основу таких сложных слов составляют в большинстве случаев фирменные наименования или словесные товарные знаки, присваиваемые всей продукции данного предприятия, какой-либо ее части или виду. К ним присоединяются компоненты, дифференцирующие эту продукцию на виды или подвиды. Дифференцирующие компоненты наряду с функцией различия выполняют и другие функции: характеризующую и аттрактивную. Они указывают на качество изделия (мотоцикл «Hummel-Super»), его физические свойства (Episan-Flüssig — шампунь), химический состав («Wuta-Kamill» — крем для рук, содержащий вытяжки из ромашки), назначение (электробритва для женщин «Lady-Braun BL 12»), конструктивные особенности («Optima-Electric» — пишущая машинка) и другие качества и свойства, важные для потребителя. Как правило, дифференцирующие компоненты стандартны и применяются большинством производителей товаров. Это обычно слова, называемые в рекламе «ключевыми»: prima, extra, spezial, format, brillant, aktuell, supra, markant. Дифференцирующий компонент присоединяется к основному слову через дефис и может находиться по отношению к нему в постпозиции («Linda-neutral» — средство для стирки белья) или в препозиции («Komfort-Walk», «Favorit-Walk» — комплекты полотенец). Необычная структура новообразования, несомненно, повышает аттрактивность словесного товарного знака. Кроме того, его информативность<sup>3</sup> обеспечивается более экономичными языковыми средствами. Для передачи нужной информации традиционным путем пришлось бы выражать те же самые семантико-синтаксические отношения между компонентами товарного знака описательно, прибегая к более сложным синтаксическим кон-

структуря, что сделало бы словесный товарный знак функционально неудобным.

В словосложении могут принимать участие: а) только немецкие основы: «*Küllertränen*» — кукла, «*Schuhglanz*» — салфетки для чистки обуви; б) только иноязычные основы: «*Transstereo*» — радиоприемник, «*Ultrasound*» — стереорадиокомплекс; в) немецкие и иноязычные основы: «*Bastel-Boy*» — электроизмерительный прибор, «*Super-Stricklady*» — вязальный станок.

Сочетание немецких и заимствованных слов позволяет не только найти удачное название для изделия промышленного производства, но и сделать это название притягательным для потенциального покупателя, легко различимым в потоке звучащей или письменной речи. Недостаток старого способа создания слов на базе словосложения (т. е. из слов исконно немецких или ассилировавшихся в немецком языке) заключается, по мнению Е. В. Розен, главным образом, в том, что «в них слишком отчетливо ощущается связь со старыми понятиями или предметами, не подчеркивается факт новизны обозначаемого материала, продукта, изделия, его «современность»<sup>4</sup>. Привлечение же к участию в словосложении наряду с немецкими основами иноязычной лексики, особенно из английского языка, делает новообразования нестандартными и по форме, и по содержанию.

В системе словообразования словесных товарных знаков следует выделить сложение произвольно укороченных основ слов иноязычного происхождения: электродрель «*Multimax*» (*multi+max*), ткань «*Texotherm*» (*tex+o+therm*), фотообъектив «*Flectogon*» (*lecto+gon*), электроарифмометр «*Addimult-Sumax*» (*addi+mult+su+max*), магнитофонная лента «*Eurodisc*» (*euro+disc*). В результате частого употребления таких основ в составе лексических единиц они специализируются на выражении определенных оттенков значения и воспринимаются как значимые морфемы. Образованные с их помощью словесные товарные знаки организуются по образцу научно-технических терминов греко-латинского происхождения.

В структуре словесных товарных знаков обнаруживаются также иноязычные соединительные элементы -o- (греческого происхождения) и -i- (латинского происхождения)<sup>5</sup>. Ими соединяются все виды основ, участвующих в словосложении словесных товарных знаков: иноязычные основы (или их части), немецкие основы, немецкие основы с иноязычными;

например, полироль для автомобилей «Kagipol», средство для борьбы с сорняками и вредными насекомыми «Cresopig», средство для чистки оконных стекол «Klarofix», средство для мытья полов «Rigipolit», палатка автоприцеп «Campifix».

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в системе словосложения словесных товарных знаков наблюдается целенаправленный процесс по созданию таких лексических единиц, которые в максимальной степени отвечали бы своим функциям в языке рекламы.

Это выражается: 1) в выборе словосложения как способа образования новых слов, пригодных для отображения в краткой и четкой форме многочисленных отношений между предметами и явлениями реального мира; 2) в широком использовании традиционных для немецкого словосложения словообразовательных моделей, но с нестандартными сочетаниями слагаемых основ; 3) в создании новых словообразовательных моделей; 4) в широком применении способа образования новых слов из произвольно укороченных иноязычных морфем; 5) в привлечении в большом количестве иноязычных элементов с целью создания эффекта новизны.

Таким образом, словесные товарные знаки представляют собой активно действующую динамическую систему, где постоянно возникают новые структурные типы, что может служить примером того, как изменяется, развивается и совершенствуется язык в процессе своего функционирования в обществе.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> О функциях словесных товарных знаков см.: Комолова З. П. Словообразовательные элементы американских торговых названий (-pack, -master, -guard, -matic, -trol). Канд. дисс. Л., 1975. Гурская Н. А. Структурно-семантические и морфологические особенности словесных товарных знаков (на материале английского языка).— В сб.: Грамматические и лексико-семантические исследования в синхронии и диахронии (на материале английского языка). Вып. 2. Калинин. 1975.

<sup>2</sup> В статье принятая классификация сложных слов М. Д. Степановой (см.: Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953).

<sup>3</sup> Т. е. «мера содержания данной единицы в конкретной реализации», где содержание языковой единицы — это совокупность признаков понятия, выраженного данной единицей (см.: Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М., «Высшая школа», 1974, с. 8).

<sup>4</sup> Розен Е. В. Новое в лексике немецкого языка. М., «Просвещение», 1976, с. 67.

<sup>5</sup> Об их происхождении и употреблении см.: Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1974, S. 130—131.

# О СЛОВООБРАЗОВАНИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ НАРЕЧИЙ С КОМПОНЕНТАМИ -MAL И -MALS

Полусуффикс *-mal* восходит к готскому существительному *mēl* «*Zeit*»<sup>1</sup>. В средневерхненемецких текстах часто встречаются *des māles* или *ze dēm māle*, что означало «*zu der Zeit*». Уже в средневерхненемецкий период *-mal* используется в качестве словообразовательного компонента в наречиях времени, например: *einmal*, *dazumal*, *dermalen*, *dermaleinst*.

Соединения с *-mals* возникли различными путями: *ehemals* образовалось из свн. *ē māles* (род. п. *māles* зависит от предлога *ē*). По аналогии с *ehemals* образованы *vormals* и *nachmals*. В *damals*, *nunmals*, *einstmals*, *jemals*, *niemals*, *abermals* *-mals* был присоединен плеонастически<sup>1</sup>. Вместо *-mals* в этих соединениях вплоть до XVIII в. употребляется также и *-mal*, например *niemal* у Гёте и Шиллера, а еще чаще — *maßen*<sup>2</sup>: *dermalen*.

Еще в средневерхненемецкий период существительное *Mal* могло указывать на повторение одинаковой ситуации в различные моменты. В этом значении *Mal* употреблялось в дательном падеже с предлогом *ze*. В отдельных случаях указанное употребление существительного *Mal* сохранилось и в новонемецком языке, например: *ze tausend Malen* (*Wieland*), *zu dreien Malen* (*Schiller*), *zu östern Malen* (*Schiller, Uhland*), *zu verschiedenen Malen*<sup>3</sup>. В нововерхненемецком существительное *Mal* и в этом значении превращается в словообразовательный компонент: *dreimal*, *duzendmal*, *jedesmal*, *allemal*, *verschiedenemal*. Однако этот процесс еще не закончился в настоящее время, о чем свидетельствует параллельное употребление в некоторых случаях как наречий, так и соотносимых с ними словосочетаний,ср. *mehrere mal* (GD, 286)<sup>4</sup> и *mehrere Male* (LF, 138), *vielmal* (OM, 542) и *viele Male* (GD, 286), *etlichemal* (GD 286) и *etliche Male* (OM, 52), *manchmal* (OM, 54) и *manches Mal* (LB, 176).

Некоторые образования с *-mal* занимают промежуточное положение между словосочетанием и наречием, так как в них сохраняются артикли, предлог *zu*, падежные флексии детерминативного компонента, сросшегося с *-mal*, например: *das erstemal* (LF, 465), *das letztemal* (LF, 398), *zum erstenmal* (BK, 270), *zum drittenmal* (AS, 160), *ein paarmal* (HM2,

149). Подобные образования мы вслед за Е. В. Гулыга и М. Д. Натанзон относим в разряд наречий<sup>5</sup>.

Сохраняя семантическую соотнесенность с самостоятельно функционирующим словом, -mal и -mals как компоненты слов в силу обобщенности семантики развились в адвербальные форманты.

\* \* \*

Как известно, необходимым условием построения словообразовательных моделей является описание словообразовательных значений. Они присущи производным, производящим основам и деривационным аффиксам<sup>6</sup>. Единицу словообразовательного значения аффикса в лингвистической литературе принято называть дериватом<sup>7</sup>. Полусуффиксы -mal и -mals как формальные выразители низкоуровневых дериватов обладают грамматическим значением: вводят образованные с их помощью основы в класс наречий.

Анализ данных толковых словарей показывает, что словообразовательное значение рассматриваемых формантов включает две частные дериватомы: 1. Момент времени -mal(s)<sub>1</sub>, ср. определения: ein andermal = zu einem anderen *Zeitpunkt* (Kl, 128); dazumal (veralternd) = *damals* (Kl, 770); dtmals = zu jener *Zeit* (Kl, 747). 2. Повторяемость -mal(s)<sub>2</sub>, ср. определения и примеры: wievielmal = wie oft (im Monat gehst du ins Kino). (Ag, 433); beidemal = beide Male: wir hatten uns zweimal verabredet und b. kam er zu spät (Kl, 484); vielmals = zu vielen *Malen* (Sw, 1147); mehrmals = öfters, nicht selten, wiederholt; er klingelte mehrmals (Sw, 650). В некоторых наречиях реализуются обе указанные дериватомы, ср., например, определения: manchmal = 1) dann und wann, ab und zu, bisweilen; 2) ziemlich oft, gelegentlich wiederkehrend, sich wiederholend (Sw, 638); allemal umg.: 1) jedesmal; 2) immer; er hat a. Pech; ein für a. (für alle Zukunft), Kl, 106; einmal = 1. nicht mehrmals; 5. irgendwann (Ag, 155).

Полусуффикс -mal сочетается с основами, имеющими следующие категориальные значения<sup>8</sup>, установленные на основе анализа словарного материала:

1. «Количество»: 1) определенное количество, выражаемое основами определенно-количественных слов: а) количественных числительных: drei-, zwölf-, hundert-; б) существительных со значением числа: duzend-, million-; 2) неопределенное количество, выражаемое основами неопределенно-количественных слов: а) неопределенных местоимений и числительных: manch-, jed-, einig-, etlich-, mehr(er)-, viel-, all-,

beid-; б) прилагательных, verschieden-, unzählig- unendlich-; в) существительных, обозначающих количество, в сочетании с неопределенным местоимением viel-, vielfundert-, vieltausend-.

2. «Порядок следования», выражаемый основами порядковых слов: 1) порядковых числительных: erst-, viert-, zehnt-; 2) прилагательных: nächst-, letzt-, ander- и др.

3. «Указательность», выражаемую основами местоимений и наречий с указательным значением: dies-, der-, dazu-.

Полусуффикс -mals сочетается с основами, имеющими следующие категориальные значения: 1) «неопределенное количество», выражаемое основами неопределенных числительных: viel-, mehr-; 2) «повторяемость», выражаемая наречиями, например: oft-, noch-, aber; 3) «порядок следования», выражаемый основами прилагательных: erst-, letzt-; 4) «время», выражаемое наречиями времени, например: nun-, einst-, je-.

Как видно из вышеприведенной классификации производящих основ, деривативные морфы -mal и -mals обнаруживают отрицательную валентность по отношению к основам глаголов, а также существительных (кроме основ со значением числа, с которыми взаимодействует -mal), качественных прилагательных, наречий места, образа действия и некоторым другим. Сочетательные потенции компонентов -mal и -mals имеют существенные различия. Так, -mals не сочетается с количественными и порядковыми числительными (за исключением *erst-*), которые, однако, активно участвуют в образовании наречий на -mal. Формант -mal в свою очередь в отличие от -mals не взаимодействует с наречными словами. Лишь небольшое число основ соединяются с обоими формантами: *viel-, mehr-, erst-, letzt-*, образуя синонимы.

Определив категориальные значения анализируемых непосредственно составляющих, перейдем к рассмотрению семантики производных основ. По мнению П. А. Соболевой, словообразовательное значение производной основы является результатом воздействия категориального значения деривационного форманта на категориальное и лексическое значение производящей основы<sup>9</sup>.

Результатом воздействия деривативом -mal<sub>1</sub> и -mal<sub>2</sub> на категориальные значения производящих основ являются следующие семантические классы наречий, установленные на основе анализа данных толковых словарей:

1. При соединении с -mal<sub>2</sub> основ с категориальным значением «количество» образуются количественные наречия<sup>10</sup>:

*zwei-, duzend-, etliche-, unzähligemal*. Они выступают в синтаксической функции обстоятельства степени<sup>11</sup> и выражают повторяемость действия или состояния, указанного в предложении: Ich habe das alles *duzendmal* gehört, Herr Gouverneur, und es schreckt mich nicht mehr (WJ, 343). Allan... klatzte *einigemal* in die Hände, um ihr Freude zu machen (BK, 23).

Для выражения последовательного повторения действия наречия употребляются с взаимными местоимениями *hintereinander* или *nacheinander*: Dabei ist verboten, daß ein Spieler *zweimal* unmittelbar *hintereinander* den gleichen Zug tut (JS, 125). ...und Frau Permaneder antwortete *dreimal hintereinander* (TM, 406).

Наречия первой группы часто сочетаются с предложными группами или соотносимыми с ними наречиями, обозначающими время, в которое повторяется действие или состояние (am Tage — täglich, in der Woche — wöchentlich, im Monat — monatlich, im Jahr — jährlich): Man wußte sogar, daß er *zweimal am Tage* das Hemd wechselte ... (TM2, 260). Könnte er *einmal in der Woche* ... einen Blick in den Saal tun ...! (TM2, 437). *Einmal wöchentlich* saßen an der langgezogenen Tafel ... zwanzig Damen (TM2, 246). Die Freunde sahen einander *jährlich einigemal* (BK, 25).

Указанные наречия могут группироваться и передавать процесс счета, образуя климакс: Babka nickt mehrmals, *fünfmal, sechsmal, siebenmal*, wie erschöpft von Hohn (AZ, 220). ...ein Aufschrei, der ... *drei-, vier-, fünfmal* rasch nacheinander erklang ... (TM2, 410).

При образном употреблении наречия *zehn-, hundert- и tausendmal* приобретают неопределенно-количественный оттенок: Wenn die Sie wiederhätten, würden sie *zehnmal stärker werden* (HM, 342). *Hundertmal* hat sie mich schon in Sibirien, gar am Galgen gesehen... WJ, 37). Es war das gleiche Bild, wie sie es alle *tausendmal* gesehen hatten. (BK, 199).

Наречия первой группы могут давать количественную характеристику сравнению, в этом случае они сочетаются с прилагательными или наречиями в сравнительной степени: Sie würde sogar *fünfmal größer sein* (ES, 248). Die Horden Stepan Rasins und Pugatschows waren gewiß *hundertmal zahlreicher* und auch *gefährlicher* gewesen (WJ, 304).

Наречия данной группы иногда входят в состав количественного определителя существительных, обозначающих предметы, сочетаясь с количественными числительными:

Sobald sein Tunnel fertig war ..., konnte man die vier mal hundertertausend Tonnen... einschmelzen lassen (BK, 72). ... «Hellas-Magdeburg» stellte nach wie vor eine Staffette, die über dreimal hundert Meter ... nicht zu schlagen war ... (JB, 207). Как показывают примеры, написание наречия с числительным может быть как слитным, так и раздельным.

Наречия этой группы употребляются и в качестве умножительных слов: zweimal zwei, '(noch) dreimal soviel.

2. Основы с категориальным значением «порядок следования» образуют при соединении с -mal<sub>2</sub> количественные наречия и наречия времени, выполняющие в предложении синтаксические функции соответственно обстоятельств степени и обстоятельств времени: Da nahm ich mir das zweitemal vor, ... mich zu bessern und anders zu werden (JB, 19). Er erlangte die Erlaubnis, das nächstmal etwas von seinem Wein mitzubringen (HM2, 202).

3. При сочетании с -mal<sub>1</sub> основ с категориальным значением «указательность» образуются наречия времени: So war es auch diesmal (TM, 107). Dazumal gab es noch keine Autos (KI, 770).

В результате воздействия дериватом -mals<sub>1</sub> и -mals<sub>2</sub> на категориальное значение производящих основ образуются следующие семантические классы наречий:

1. При соединении с -mals<sub>2</sub> основ с категориальным значением «неопределенное количество» образуются количественные наречия, выполняющие синтаксическую функцию обстоятельств степени: Es war ihm mehrmals begegnet (WJ, 124). Ich danke (Ihnen) vielmals; er lässt (Sie) vielmals Grüßen (Ag, 98).

2. Наречия с категориальным значением «повторяемость» при сочетании с -mals<sub>2</sub> также образуют количественные наречия: Otto hatte wahrscheinlich einen Anfall von Furcht ..., wie das in der Lehrzeit oftmals geschieht (AS, 333). «Tür zu! Tür zu!» bat er nochmals (JB, 423).

3. Основы с категориальным значением «порядок следования», соединяясь с -mals<sub>2</sub>, образуют наречия времени, например: erstmals, letztmals. Ср. определение erstmals = zum ersten Male, noch nie vorher/zuvor; ein erstmals gefärbter Stoff (Sw, 185).

4. При сочетании с -mals наречий времени образуются тоже наречия времени, например: ehe-, einst-, jemals: ... und sie spielten ... an derselben Stelle, wo einstmals des Konsuls Großvater ... auf der Flöte geblasen hatte (TM2, 262).

Wer *jemals* durch bombardierte Ortschaften kam, ... wie kann der eigentlich gern Soldat sein (LB, 65).

Из вышеизложенного следует, что, несмотря на различия в валентности, полусуффиксы *-mal* и *-mals* в силу их этимологического тождества обладают одинаковым словообразовательным значением: служат формантами количественных наречий и наречий времени.

Результаты проведенного анализа наречий с компонентами *-mal* и *-mals* показаны в следующих таблицах:

Таблица 1

Категориальное значение производящих основ	Дериватема <i>-mal</i>	Семантический класс наречий	Синтаксическая функция
1. Количество (определенное: <i>drei-</i> , <i>zehn-</i> ; неопределенное: <i>einig-</i> , <i>all-</i> )	повторяемость	количественные наречия	обстоятельства степени
2. Порядок следования: <i>zweit-</i> , <i>wiert-</i> <i>nächst-</i> , <i>letzt-</i>	повторяемость	количественные наречия и наречия времени	обстоятельства степени и времени
3. Указательность: <i>dies-</i> , <i>der-</i>	момент времени	наречия времени	обстоятельства времени

Таблица 2

Категориальное значение производящих основ	Дериватема <i>-mals</i>	Семантический класс наречий	Синтаксическая функция
1. Неопределенное количество: <i>viel-</i> , <i>mehr-</i>	повторяемость	количественные наречия	обстоятельства степени
2. Повторяемость: <i>oft-</i> , <i>aber-</i>	повторяемость	количественные наречия	обстоятельства степени
3. Порядок следования: <i>erst-</i> , <i>letzt-</i>	повторяемость	наречия времени	обстоятельства времени
4. Время: <i>da-</i> <i>einst-</i> , <i>nie-</i>	момент времени	наречия времени	обстоятельства времени

Данные о внутренней валентности рассматриваемых непосредственно составляющих могут быть положены в основу построения порождающих моделей наречий. Введя в модели эти данные, мы получим ограниченный набор правил выбора основ в зависимости от их категориального значения и их

соединения с *-mal(s)<sub>1</sub>* или *-mal(s)<sub>2</sub>*. Формальные ограничения сводятся к тому, что во всех моделях производящая основа не может быть представлена основой глагола или существительного (кроме существительного со значением числа, см. выше классификацию производящих основ):

1. Модель *M<sub>1</sub>*: основа с категориальным значением «количество» + *-mal<sub>2</sub>*. *L<sub>1</sub>+ -mal<sub>2</sub>*: *fünfmal*, *ein paarmal*<sup>12</sup>.

2. Модель *M<sub>2</sub>*: основа с категориальным значением «порядок следования» + *-mal<sub>2</sub>*. *L<sub>2</sub>+ -mal<sub>2</sub>*: *zum drittenmal*, *das nächstmal*.

Проверка моделей показала, что мы можем синтезировать наречия, руководствуясь правилом выбора основ. Примеры:

1. *M<sub>1</sub>* : *L<sub>1</sub>+ -mal<sub>2</sub>* : *vierzigmal*, *vielmillionenmal*, *milliardenmal*; *wenigemal* несколько раз; *sämtlichemal* каждый раз, всегда.

2. *M<sub>2</sub>* : *L<sub>2</sub>+ -mal<sub>2</sub>* : *vorigesmal zum, zehntenmal*.

О возможности синтезирования рассматриваемых наречий по указанным моделям свидетельствуют также окказионализмы, встречающиеся в художественной и научной литературе: 1. *M<sub>1</sub>*: Aber Seismographen registrierten keine einzige Detonation, obwohl Müller täglich *dreißigmal* sprengte (BK, 364). ... gibt es ihn, dann muß er nicht bloß so sein, wie ich ..., sondern *millionenmal* größer (AZ, 387). 2. *M<sub>2</sub>* : *Erstensmal* ist hier kein Hotel, und *zweitensmal* ist hier eine Scheune (JK, 199). Sie holte Macs Telegramm aus dem Schlafzimmer und las es *zum hundertstenmal* (BK, 209).<sup>13</sup>.

Основы, смысловая структура которых не заключает установленных категориальных значений, при соединении с *-mal* и *-mals* образуют неправильные слова, например основы существительных, обозначающие единицу измерения: *\*metermal*, *\*tonnenmal* или основы прилагательных субъективной оценки: *\*klugesmal*, *\*anständigesmal*, *\*taktvollesmal*<sup>14</sup>.

Правильность/неправильность синтезированных слов может быть подтверждена законом семантического согласования, сформулированным Р. Л. Ковалевским следующим образом: «семантически мотивированное (и осмысленное) слово может быть порождено, если его составляющие имеют общие смысловые компоненты»<sup>15</sup>. Как видно из вышеприведенных таблиц, общими смысловыми компонентами анализируемых составляющих являются «повторяемость» и «момент времени». Следовательно, наличие в значении производящей основы одного из этих семантических актантов и является необходимым условием для порождения осмысленного слова.

# С П И С О К С О К Р А Щ Е Н И Й

- Ag — Erhard Agricola. Wörter und Wendungen. Leipzig, 1962.  
 AS — Anna Seghers. Das siebte Kreuz. Aufbau-Verlag. Berlin und Weimar, 1967.  
 AZ — Arnold Zweig. Der Streit um den Sergeanten Grischa. Moskau, 1965.  
 BK — Bernhard Kellermann. Der Tunnel. Moskau, 1960.  
 ES — E. Shukowa. Fachchrestomatie (Mathematik und Physik). Kiewer Staatsuniversitätsverlag, 1961.  
 GD — Der Große Duden. Grammatik. Leningrad, 1962.  
 HM — Heinrich Mann. Die Jugend des Königs Henri Quatre. Aufbauverlag. Berlin und Weimar, 1967.  
 HM2 — Heinrich Mann. Professor Unrat. Moskau, 1952.  
 JB — Johannes Becher. Abschied. Moskau, 1950.  
 JK — Joachim Knappe. Mein namenloses Land. Halle (Saale), 1967.  
 JS — J. Sedlacek. Einführung in die Graphentheorie. Leipzig, 1972.  
 KI — Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Herausg. von R. Klappensbach und W. Steinitz. Berlin, 1970.  
 LB — Lilli Bock. Willi Bredel. Berlin, 1967.  
 LF — Louis Fürnberg. Prosa I. Berlin und Weimar, 1967.  
 OM — Das Große Deutsch-Russische Wörterbuch. Herausg. von Prof. O. I. Moskalskaja. Zweiter Band. Moskou, 1969.  
 Sw. — Stilwörterbuch. VEB Bibliographisches Institut. Leipzig, 1970.  
 TM — Thomas Mann. Novellen. Moskau-Leningrad, 1964.  
 TM2 — Thomas Mann. Buddenbrooks. Moskau, 1956.  
 WJ — Wolfgang Joho. Aufstand der Träumer. Berlin und Weimar, 1967.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См.: Paul H. Deutsches Wörterbuch. Halle (Saale), 1960, S. 389.

<sup>2</sup> Компонент -malen соотносится с формой род. п. мн. ч. от Mal, -mal — его укороченная форма. См.: Paul H. Указ, словарь, там же.

<sup>3</sup> Примеры заимствованы у Г. Пауля, см. примечание 1.

<sup>4</sup> См. выше список сокращений.

<sup>5</sup> См.: Гулыга Е. В., Натанzon М. Д. Грамматика немецкого языка. М., 1957, с. 186.

<sup>6</sup> Ковалевский Р. Л. О словообразовательном значении (на материале немецкого языка). — Сб.: Исследования по романо-германскому языкознанию. Волгоград, 1975.

<sup>7</sup> Волоцкая З. М. Об одном подходе к описанию словообразовательной системы. Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., «Наука», 1966, с. 55—57.

<sup>8</sup> Категориальное значение: «Обобщенное (абстрактное) значение, накладывающееся на конкретное лексическое значение слова». Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 162.

<sup>9</sup> Соболева П. А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования. Докторская диссертация. 1969, с. 29.

<sup>10</sup> О количественных наречиях см. Е. В. Гулыга, М. Д. Натанзон, указ. работа, с. 186.

<sup>11</sup> Об обстоятельствах степени см. Е. В. Гулыга, М. Д. Натанзон, там же, с. 258.

<sup>12</sup> Условные обозначения:  $M_i$  — модель, нижний индекс — номер модели,  $L_i$  — производящая основа.

<sup>13</sup> Модели были проверены путем подстановки в них производящих основ с установленными категориальными значениями.

<sup>14</sup> Примеры синтезированных нами образований с -ma<sup>1</sup> согласованы с информантами из числа преподавателей, аспирантов и студентов Цвиккауской высшей педагогической школы им. Э. Шнеллера (ГДР). Неправильные (с точки зрения информантов) слова отмечены звездочкой.

<sup>15</sup> Ковалевский Р. Л. К вопросу о соотношении словообразательных и синтаксических семантических валентностей.— Сб.: Исследования по романо-германскому языкознанию. Волгоград, 1977, с. 52.

Л. В. ЧУБОВА

## К ВОПРОСУ ОБ УСЕЧЕНИИ И ТИПАХ УСЕЧЕННЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Значительное число словарных единиц в словаре современного немецкого языка представлено сокращениями слов и словосочетаний<sup>1</sup>. Однако проблема сокращений в немецком языке не получила полного освещения в лингвистической литературе<sup>2</sup>. В частности, не подвергались специальному исследованию усечения как особая категория сокращенных лексических единиц в данном языке.

В работах, выполненных на материале других языков, достигнуты значительные результаты в постановке и разработке вопросов усечения. Тем не менее спорным и недостаточно выясненным продолжает оставаться само понятие «процесс усечения», природа и сущность усеченных единиц, возможность включения усечения в систему словообразовательных средств языка<sup>3</sup>. Решение этих дискуссионных вопросов возможно на основе анализа механизма взаимодействия между источником деривации (исходными единицами) и ее конечным результатом (усеченными единицами) т. е. выявления формальной операции по преобразованию исходных единиц (ИЕ) в производные (усеченные), «смыслового задания» процесса усечения, его «структурно-семантических последствий», направления мотивации и др.<sup>4</sup>

В задачу данной статьи входит изучение формальных и семантических связей между производящими и производными единицами.

Материалом для анализа формальных и семантических связей между исходной и усеченной единицами (ИЕ и УЕ)

послужили УЕ, отобранные нами методом сплошной выборки по толковым словарям современного немецкого языка<sup>5</sup>.

Процесс усечения расценивается нами как особый способ сокращения, в результате которого путем отсечения только начальных или только конечных элементов прототипа (корневого, производного, сложного слова или словосочетания) образуется новая единица, структурно отличная от исходной и характеризующаяся разрушенностью (или сохранением) морфологической целостности остающихся после усечения элементов исходной единицы<sup>6</sup>. В плане содержания вторичная структура может сохранять или терять свою семантическую связь с первичной.

Анализ материала показал, что корневые слова редко участвуют в процессе усечения. Лексикографически зафиксировано 7 УЕ: *Alge(bra)*, *Mari(huana)*, *Hasch(isch)*, *Pa(pa)*, *Po(dex)*, *Arre(st)*, *Rex(Direx)*. Усечение корневых слов происходит преимущественно от существительных. Исключением составляет усечение *was* от *etwas* (местоимение). Отсечению в корневых словах подвергается только финальная, не несущая информационной нагрузки, часть слова. Оставшиеся после сокращения элементы характеризуются разрушенностью корневой морфемы. Подобные УЕ можно именовать «аморфемными» УЕ, или аббревиатурными, поскольку морфемная структура производящего почти разрушается, и УЕ представляет собой отрезок, не совпадающий с морфемой.

Фонемный состав УЕ относительно прост: корневые опорные слова служат основой для создания одно- или двуслоговых УЕ. Обычно УЕ, возникшие на базе корневых слов, имеют словарную помету *utm*: «разг.»: *Hasch*, *das*; *-s*, *utm* : *kurg für Haschisch*. Их употребление, главным образом, в речи молодежи придает им определенный стилистический колорит. Наряду со стилистической окраской, для некоторых УЕ свойственно отличие от своего прототипа специализацией значения. Так, например, *Arre(st)* не «арест», а «наказание для провинившегося ученика», которого оставляют в школе для выполнения задания, не подготовленного дома. Прирост информации по денотативной линии заметен в УЕ *Alge(bra)*. *Alge* — это не только название одной из отраслей научного знания, но и учебного предмета, а также обозначение организации и проведения занятий по данному предмету. В основном же своем составе аббревиатурные УЕ данного типа противопоставлены своим производящим по эмоционально-стилистическим показателям.

Немногочисленные примеры УЕ, созданных на базе корневых слов, свидетельствуют о том, что процессу усечения простые слова не подвергаются. Очевидно, ограничивающим фактором их образования является структура ИЕ. Материальная оболочка корневого слова не позволяет ее сокращать.

Список УЕ, образованных от производных прототипов, составляет 120 единиц: 91 отсубстантивная УЕ, 9 отглагольных, 21 отадъективных. На первом месте по численности производных стоят отсубстантивные УЕ. В данной статье мы акцентируем внимание на процессе усечения существительного.

Изучение фонетической структуры УЕ показало, что они имеют свою собственную фонетико-графическую оболочку. Им присущи следующие количественные характеристики: а) один закрытый слог *Abs*(olutorium); б) один открытый слог *Klo* (sett); в) два слога с исходом на согласную *Prolet*(arier); д) три слога *Konabi*(turgent). Наблюдаются случаи не только количественного, но и качественного изменения фонем внутри оставшейся после усечения части слова: а) долгий звук вместо краткого *Geeschi* — *Geschichte*; б) краткий вместо долгого *Litte* — *Literatur*. Возможно сочетание того и другого способов фонемного изменения: *Gitta*, *Gita* — *Gitarre*, *Latte*, *Late* — *Lateinisch*; в) перенос ударения ' *Abi* — *Abitúr*; г) усечение ИЕ с суффиксом — *tion* может закреплять его транскрипционный вариант в орфографии — (*na'tsio:n*); д) редукция конечного гласного, замена его на -e *Babel* — *Babylon*.

Охватываемые процессом усечения ИЕ представляют собой шести-, пяти-, четырех-, трехслоговые образования. Существует мнение, согласно которому структура сокращения зависит от структуры ИЕ<sup>7</sup>. В результате сопоставления количественных показателей ИЕ и УЕ было установлено следующее:

1. Процессу усечения почти не подвергаются семи- и шестислоговые ИЕ. Всего 5 опорных слов участвуют в данном процессе: *Ultrakolonialist* — *Ultra*, *Existentialist* — *Exi*, *Absolutorium* — *Abs*, *Laboratorium* — *Labor*, *Konabiturient* — *Konabi*.

2. Наибольшую активность в процессе усечения проявляют четырех- и трехслоговые первичные структуры: 21 ИЕ имеют четырех- и 45 ИЕ трехслоговую характеристику типа *Limonade* — *Limo*, *Hospital* — *Spital*.

3. От пяти-, четырех-, трехслоговых ИЕ образуются преимущественно УЕ, имеющие два слога: *Universität* — *Uni*, *Religion* — *Reli* (*Relli*).

4. Двуслоговые прототипы служат, как правило, базой для создания однослоговых УЕ: *Diktat* — *Dik*.

5. Подсчет количественных показателей УЕ выявил преобладание двуслоговых усечений, что соответствует одному из распространенных в немецком языке фонетическому типу слов<sup>8</sup>. Сопоставление фонемного состава первичных и вторичных структур подтверждает тезис о существовании определенной связи между ними, выражаящейся в том, что для каждого фонетического типа ИЕ можно с большей или меньшей степенью вероятности предсказать слоговую характеристику УЕ.

На морфемном уровне формальная связь между сопоставляемыми единицами проявляется в большей или меньшей степени предсказуемости морфемного строения УЕ в зависимости от морфемного оформления ИЕ. С помощью морфологического моделирования, отраженного в табл. 1, нами установлено, что УЕ могут быть представлены, по крайней мере, шестью моделями, морфологически различными по отсекаемым компонентам ИЕ\*. Процессом усечения охвачены, главным образом, суффиксальные прототипы, значительно реже — префиксально-суффиксальные. Модель суффиксальных ИЕ *L+DS* допускает образование УЕ по разным моделям: *L*, *RL+DS*, *LR*, но наиболее частотными из них являются *LR* и *L*. По модели *LR* построено 62 УЕ (*Limo* — *Limopade*), в модель *L* включены 12 отсубстантивных УЕ. Таким образом, УЕ относятся к так называемым *Kopfwörter*, т. е. к словам с сокращенной финальной частью ИЕ, за исключением двух УЕ с инициальным отсечением прототипа: *Fex* — *Narrifex*, *Spital* — *Hospital*. Единственным примером усечения начала и конца опорного существительного служит УЕ *Spex* — *Inspektion*. Доминирующими являются аморфемные УЕ, что отчасти обусловлено использованием иноязычных слов в качестве деривационной базы процесса усечения. Согласно нашему материалу, к рекурентным ИЕ принадлежат существительные греко-латинского происхождения. От них образованы

\* *LR*, *RL+DS*, *DP+L*, *DP*, *L*, где *DP* — деривационный префикс, *DS* — деривационный суффикс, *L* — лексическая основа, *LR* — остаток от лексической основы с усечением финальной части ИЕ, *RL* — остаток от лексической основы с усечением инициальной части ИЕ. В целях обозримости моделей ИЕ и УЕ и для удобства их сопоставления мы пользуемся одинаковым инвентарем обозначений морфемной структуры производящих и производных. Так, например, суффиксальная модель ИЕ *L + DS* дает схему УЕ *L*. Это значит, что в ИЕ сокращается деривационный суффикс.

66 УЕ, т. е. 72,5%. 14 УЕ возникли на основе существительных, заимствованных из английского, французского и других языков, 15,4%. Немецкие существительные составляют 12,1% от общего количества производящих существительных рассматриваемого типа. Немецкие и иностранные прототипы с суффиксом -um и префиксами Ultra-, Dia- — основа для создания морфемных УЕ. Образование УЕ от существительных с греко-латинскими префиксами Ultra-, Dia- осуществляется по модели DP с сохранением префикса и представляет определенный интерес в свете эволюции греческих элементов в системе немецкого языка, поскольку при усечении происходит транспонирование префиксов в класс самостоятельных слов.

Усечение производных существительных

Таблица 1

Кол-во ИЕ	Модель ИЕ	Модель УЕ	Кол-во УЕ по модели	Кол-во морфемных УЕ	Кол-во аморфных УЕ	При-меры ИЕ	Примеры УЕ
76	L+DS	LR RL+DS L	62 2 12	— — 12	62 2 —	Limonade Hospital Kalium	Limo Spital Kali
4	DP+L+DS	DP	4	4	—	Diapositiv	Dia
3	L+DS	L	3	3	—	Oberster	Oberst
7	DP+L+DS	L+DS DP+L	1 6	1 6	—	Auflösung Abteilung	Lösung Abteil
1	DP+L		1	1	—	Ausguß	Guß

При характеристике формального аспекта УЕ обращают на себя внимание их определенные грамматические особенности. УЕ подразделяются на УЕ мужского, среднего и женского рода. Родовое оформление вторичных единиц обычно соответствует родовому оформлению первичных. Вместе с тем, наблюдаются колебания и расхождения в грамматическом роде между ИЕ и УЕ: а) муж. род ИЕ — ср. род УЕ (*der Rheumatismus* — *das Rheuma*); б) ср. род ИЕ — муж. род УЕ (*das Faktum* — *der Fakt*); в) жен. род — ср. род (*die Reservation* — *das Reservat*); г) жен. род — муж. род (*die Erlaubnis* — *der Erlaub*); д) жен. род — ср. род (*die Expedition* — *das Expedit*). Однако число этих несоответствий незначительно: 14 из 91. Гораздо отчетливее специфичность УЕ проявляется при образовании их множественного числа. Независимо от суффиксов множе-

ственного числа прототипов УЕ принимают суффикс -s: die Lok — die Loks (die Lokomotiven), das Labor — die Labors (die Laboratorien). Следовательно, для некоторой части УЕ свойственна своя собственная грамматическая оформленность.

Видоизменение внешней стороны опорного слова, его звуковые и грамматические модификации предполагают изменение его внутренней стороны. Сопоставительный анализ смысловых структур усеченных и исходных единиц позволил установить 3 типа отношений: 1. Объем значений исходной формы равен объему смысловой структуры УЕ — *Aluminium*, das; unz.; Gen.-s — *Alu Kürzw. für Aluminium*; 2. УЕ отражает одно или два значения из нескольких значений ИЕ — *Expedition*, die; —, -еп 1) экспедиция, 2) экспедиционная контора, 3) отправка, отправление — *Expedit*, das; -(e)s -е, 1) экспедиционная контора; 3. Объем смысловой структуры прототипа уже смысловой структуры УЕ — *Spiritus*, der; /-Arten, se 1) алкоголь — *Sprit*, der; -s/Arten: -е 1) алкоголь, 2) бензин. Взаимоотношение усечений с прототипами при равном объеме их смысловой структуры обычно носит характер синонимичности и вариантности. Подобные УЕ обогащают словарный запас за счет стилистической синонимии: помимо нейтрального исходного слова появляется его стилистически окрашенный вариант. Отсутствие стилистического тождества обусловлено неодинаковым функционированием ИЕ и УЕ, распространностью последних в узких профессиональных сферах общения и разговорной речи. Употребление УЕ для понятий, имеющих широкое хождение в языковом коллективе, приводит к потере связи между УЕ и полной формой, что проявляется в вытеснении полного слова усеченным. Имея свою собственную фонетико-графическую оболочку и грамматическую оформленность, УЕ семантически расходятся с ИЕ. 31 отсубстантивная УЕ (38,1%) отличается в семантическом отношении от производящих. Ср.: УЕ, расширяющие объем смысловой структуры опорного слова *Litte*, *Mathe*, *Bio* согласно метонимической формуле: занятие, отрасль знания — объект, результат знания. В подавляющем же большинстве случаев усечение в субстантивных ИЕ элементов, не несущих определенной семантической нагрузки, способствует лишь стилистической дифференциации первичных и вторичных единиц.

Основным строительным материалом для создания УЕ служат сложные существительные. Количество прототипов

данного типа равно 670. Сопоставление фонетической структуры УЕ и соответствующих им сложных опорных слов подтвердило выводы, сделанные нами при рассмотрении УЕ, образованных на базе производных существительных:

1. Усечению почти не подвергаются многосложные полные формы. От девятислоговых ИЕ образована 1 двуслогочная УЕ: Bestellmaschinenkomplex — Komplex. На базе восьми- и семислоговых прототипов создано незначительное количество УЕ по сравнению с их общей массой, 43 УЕ.

2. От пяти-, четырех-, трехслоговых ИЕ образуются преимущественно УЕ, имеющие двуслогочную характеристику: Konserwendose — Dose, Kalidünger — Kali.

3. Двуслогочные ИЕ служат основой для создания односlogовых УЕ: Stockwerk — Stock.

4. При усечении сложных слов пополнение состава УЕ происходит за счет трех- и четырехслоговых ИЕ. По степени активности в процессе усечения на первое место выдвигаются трехслоговые сложные слова (260 ИЕ), на второе — четырехслоговые (190), на третьем месте находятся пятисложные прототипы (89 ИЕ). Активное участие трехслоговых опорных слов объясняется их большой распространенностью в немецком языке.

Формальные отношения между сложными словами и созданными на их основе УЕ носят более сложный характер, чем отношения УЕ и производных прототипов. Это подтверждается большим разнообразием моделей УЕ данного типа. УЕ могут быть представлены 10 моделями:  $L_1$ ,  $L_2$ ,  $L_3$ ,  $L_1+RL_2$ ,  $L_2R$ ,  $RL_1+L_2$ ,  $L_1+L_2$ ,  $L_2+L_3$ ,  $L_1R$ ,  $L_1+L_2R$ , (табл. 2), в то время как ИЕ построены по моделям, характеризующимся некоторым однообразием:  $L_1+L_2$ ,  $L_1+L_2+L_3$ ,  $L_1+L_2+L_3+L_4$ , где  $L_1$  первая лексическая основа,  $L_2$  вторая и т. д. Наиболее частотными моделями УЕ являются  $L_2$  (модель ИЕ  $L_1+L_2$ ),  $L_1$  модель (ИЕ  $L_1+L_2$ ). По отношению к морфемному членению ИЕ здесь также различаются два вида усечения: морфемное и аморфемное. Призывающими аморфемных УЕ является небольшое количество сложных слов иноязычного происхождения, подавляющая же масса сложных прототипов дает морфемные усечения. Данный класс УЕ пополняется за счет сокращения немецких исконных слов, состоящих из двух или трех лексических основ: 438 немецких ИЕ из 670 ИЕ. На втором месте стоят «гибриды», сложные существительные из морфем немецкого и иностранного происхождения. Из 128 «гибридов», построенных по модели

$L_1 + L_2$ , «иностранный» часть сложного слова представлена греко-латинскими основами: 70 греко-латинских морфем из 128. Значительно им уступают французские слова: 25 из 128. Английских, итальянских и других иноязычных морфем — ограниченное количество. После усечения обычно остаются слова иноязычного происхождения, немецкие основы в данном структурном типе ИЕ отсекаются. Отсечение начальных корневых морфем в сложных словах доминирует (362 ИЕ). Финальная часть сложного слова сокращается в 306 ИЕ. 2 УЕ *Halter* (*Strumpfhaltergürtel*), *Komplex* (*Bestellmaschinenkomplexverband*) являются серединными усечениями. См. табл. 2.

Усечение сложных слов осуществляется за счет элиминации определяемого или определяющего компонентов композита. Детерминируемое сложного слова, как известно, является господствующим в его грамматическом оформлении, поэтому при усечении детерминанта УЕ приобретает все грамматические особенности исходного слова: род, формы множественного числа, тип склонения (*der Strumpf<sub>1</sub>, — (e)s/Strümpfe — der Strumpf<sub>2</sub>, — (e)s/Strümpfe* от *Glühstrumpf*). Расхождения в грамматическом оформлении УЕ и ИЕ имеют место при сокращении детерминируемого в сложном слове: *das Korn<sub>1</sub>, — der Korn<sub>2</sub>* от *Kornbranntwein*. В результате возникает новая лексическая единица с иными грамматическими характеристиками.

Усечение опорных слов — композитов — способствует обогащению немецкого языка, являясь источником развития полисемии и омонимии. Так, благодаря усечению *Werk* в слове *Sägewerk* опорное слово *Säge* «пила» приобретает новый ЛСВ «лесопильный завод», расширяя тем самым объем смысловой структуры. Отношения между значениями ИЕ и УЕ могут подчиняться семантическим моделям обычных слов — метафоре и метонимии. *Pudel<sub>2</sub>* «вязаная или меховая шапка», УЕ от *Pudelmütze* и *Pudel<sub>1</sub>* «пудель» имеют некоторое внешнее сходство. Метонимические связи более разнообразны: а) материал — изделие *Soda<sub>1</sub>* «сода» и *Soda<sub>2</sub>* от *Sodawasser* «содовая вода»; б) действие — предмет, на которое направлено действие *Schub<sub>1</sub>* «толчок» и *Schub<sub>2</sub>* от *Schubkasten* «выдвижной ящик»; в) орудие — продукт *Raspel<sub>1</sub>* «рашпиль» и *Raspel<sub>2</sub>* от *Raspelschokolade* «особый сорт шоколада»; г) часть — целое *Rad<sub>1</sub>* «колесо» и *Rad<sub>2</sub>* от *Fahrrad* «велосипед»; д) содержимое вместо содержащего *Raucher<sub>1</sub>* «курящий» и *Raucher<sub>2</sub>* «вагон для курящих» от *Raucherabteil*.

Усечение сложных слов нередко приводит к разрыву се-

Таблица 2

	Кол-во ИЕ	Модель ИЕ	Модель УЕ	Кол-во УЕ по модели	Кол-во морф. УЕ	Кол-во аморф. УЕ	Примеры ИЕ	Примеры УЕ
Немецкие	397	$L_1 + L_2$	$L_2$ $L_1$ $L_1 + RL_2$	273 120 1	273 120 —	— — 1	Schublade Nesselstoff Schularbeit	Lade Nessel Schular
	2	$DP + L_1 + L_2$	$L_1 + L_2$	2	2	—	Genickfänger	Nickfänger
Сложные существительные «Гибриды»	38	$L_1 + L_2 + L_3$	$L_1 + L_2$	18	18	—	Seehunfell	Seehund
			$L_3$	8	8	—	Fahrzugsführer	Führer
			$L_1$	7	7	—	Kornbranntwein	Korn
			$L_2 + L_3$	4	4	—	Sonnenwendekreis	Wendekreis
			$L_2$	1	1	—	Strumpfhaltergürtel	Halter
Иностранные	1	$L_1 + L_2 + L_3 + L_4$	$L_1 + L_2$	1	1	—	Heizröhrendampfkessel	Heizröhre
	128	$L_1 + L_2$	$L_1$	80	80	—	Gummiharze	Gummi
			$L_2$	42	42	—	Radiergummi	Gummi
			$L_1 K$	4	—	4	Lyzeumschülerin	Lyze
			$L_2 R$	1	—	4	Badekabine	Kabi
			$L_1 + L_2 R$	1	1	—	Perlmutter	Perlmutt
«Гибриды»	20	$L_1 + L_2 + L_3$	$L_1 + L_2$	9	9	—	Paternosterwerk	Paternoster
			$L_3$	6	6	—	Weltmeistertitel	Titel
			$L_1$	3	3	—	Sortimentsbuchhandel	Sortiment
			$L_2 + L_3$	2	2	—	Krankenkassenarzt	Kassenarzt
Иностранные	3	$L_1 + L_2 + L_3 + L_4$	$L_1$	2	2	—	Tetrachloräthylenstoff	Tetra
			$L_3$	1	1	—	Bestellmaschinenkomplexverband	Komplex
	79	$L_1 + L_2$	$L_1$	49	49	—	Tachometer	Tacho
			$L_2$	23	23	—	Konservendose	Dose
			$L_1 R$	5	—	5	Kriminalroman	Krimi
			$L_1 + L_2 R$	1	—	1	Klassenprofessor	Klassenpro
			$L_2 R$	1	—	1	Gymnasialprofessor	Prof
	2	$L_1 + L_2 + L_3$	$L_1 + L_2$	2	2	—	Stenodaktylographin	Stenodaktylo

мантических связей между ИЕ и УЕ: *Marone<sub>2</sub>* от *Maronenpilz* «польский гриб» и *Marone<sub>1</sub>*, «каштан». Различное грамматическое оформление (*Marone<sub>2</sub>*-*m*, -*es*, -*e* и *Marone<sub>1</sub>*, -*f*, -, -*n*), отсутствие общего семантического элемента позволяет расценивать данные слова как омонимы.

Итак, процесс усечения можно расценивать как особый способ словообразования. Его особенность состоит в том, что, в отличие от других способов словообразования, результатом данного процесса является создание образований вторичного порядка с более простой структурой по сравнению со структурой ИЕ. Структурное отличие сравниваемых единиц связано с появлением лексико-семантических или эмоционально-стилистических расхождений между ними. УЕ являются вариантами уже существующих слов или новыми словами. Среди УЕ возможно выделение «пограничных» случаев, расположенных на стыке варьирования и образования самостоятельных слов. При определении статуса УЕ следует дифференцированно подходить к изучаемому явлению, требующего учета структурно-грамматических и лексико-семантических свойств как производящих, так и производных.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Розен Е. В. Новые аббревиатурные слова в современном немецком языке. ИЯШ, 1969, № 3.

<sup>2</sup> Павлов Г. В. Функционирование сокращений в современном немецком языке (номенклатурные и речевые сокращения). Канд. дисс., М., 1970, с. 2; Hofrichter W. Zu Problemen der Abkürzung in der deutschen Gegenwartssprache. In.: Linguistische Studien, Reihe A. Arbeitsberichte, Bd. 44, Aufl. 1, Berlin, 1977, S. 1.

<sup>3</sup> Артамонов В. П. Опыт сопоставительного анализа коррелятивных пар лексической аббревиации в современном французском языке. Автореф. канд. дисс., М., 1974, с. 12.

<sup>4</sup> Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование.— В кн.: Языковая номинация (Виды наименований). М. «Наука», 1977, с. 255—257.

<sup>5</sup> Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Gutersloh, Bertelsmann Lexikon — Verl., 1972; Küppreg H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Jugenddeutsch von A bis Z. Bd. 6. Glaassen Verl., Hamburg, 1970; Klapenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Bde. 1—6, Akademie Verl., Berlin, 1978; Duden. Das Herkunftswörterbuch. Bd. 7, Dudenverl., Mannheim-Wien-Zürich, 1963; Ullstein, Lexikon der deutschen Sprache. Frankfurt/M., Berlin; Ullstein, 1969; Большой немецко-русский словарь (под руковод. О. И. Мосальской). В 2-х т. М., «Сов. энциклопедия», 1969.

<sup>6</sup> Возможно одновременное отсечение начальных и конечных элементов ИЕ.

<sup>7</sup> Никанорова А. И. Усеченные единицы типа «doc», «prop» в со-

временном английском языке. К вопросу о слове и варианте слова. Автореф. канд. дисс., М., 1971, с. 19.

<sup>8</sup> Согласно данным П. Менцерата, 1-е место в немецком языке занимают 3-слоговые, 2-е место — 2-слоговые, 3-е — 4-слоговые слова. См. Menzerath P. Die Architektonik des deutschen Wortschatzes. Bonn, 1954.

К. ХЕНГСТ

АСИНДЕТНЫЕ СЛОЖНЫЕ СЛОВА  
В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА  
В СРАВНЕНИИ С НЕМЕЦКИМ  
(*На примере подъязыка музыковедения*)

В современном русском языке широко встречаются сложные слова, состоящие из двух существительных, соединенных без помощи соединительного гласного. Эти образования типа «летчик-космонавт», «женщина-врач» во все большем количестве можно встретить в литературе. Так, только в работе «Новое в русской лексике» отмечено более 80 таких сложных слов<sup>1</sup>. Что касается языка естествознания и техники, то недавно Е. Кречмаром были подвергнуты лингвистическому анализу 1400 терминологических асиндентных образований и представлены ясные и кратко обобщенные результаты<sup>2</sup>. При этом затрагивались терминологические вопросы, и в немецкоязычной терминологии предпочтение отдавалось термину асиндтон.

Непосредственным поводом для того, чтобы коснуться еще раз этой темы, является факт, что, во-первых, сложные слова часто встречаются и в общественных науках, во-вторых, в работах по словообразованию можно найти лишь скучные замечания об этом типе сочетаний, в-третьих, для преподавания русского языка в школах ГДР важно исследовать эти структуры в их сравнении с соответствующими немецкими. В исследовании приводятся примеры из подъязыка музыки, взятые из словарей Е. Штекля<sup>3</sup> и Г. Бальтера<sup>4</sup>. Ограничение одной дисциплиной должно одновременно показать частоту асиндентных сложных слов, их возрастающую продуктивность. В статье исследуются словообразовательная структура, семантические поля, а также структура немецких эквивалентов.

1. Исходным пунктом для образования асиндентных сложных слов является аппозиция одного слова, что можно наблю-

дать на таких примерах, как «певец-солист» *Solosänger*, *Ge-sangsolist* (Balter, 372), по сравнению с «певец-сказитель» *Dichter-Sänger*, *Sänger-Rezitator*, *Balladen-Sänger* (ebd). Отсюда асиндектоны являются сплошь сложными словами из двух (реже трех) существительных без соединительного гласного<sup>5</sup>. Таким образом, эта группа относится к сложным словам, которые образованы из двух, грамматически оформленных самостоятельных семантических единиц<sup>6</sup>, но отличается от самостоятельных семантических единиц, таких как «долгоиграющий».

По синтаксическому отношению членов асиндектоных сложных слов можно выделить детерминативные сложные слова (сложные слова подчинительного типа) и копулятивные сложные слова (сложные слова сочинительного типа).

### 1. 1. Детерминативные сложные слова с регрессивным вторым членом.

В то время как у детерминативных сложных слов обычно первый член подчиняется второму, т. е. первый член уточняет второй, у большинства асиндектонов наблюдается обратное, т. е. первый член точнее определяется вторым. Эти сложные слова будут обозначаться как детерминативные сложные слова с регрессивным вторым членом. К ним относятся: артист-профессионал = *Berufskünstler*, барабан-гонг = *Gongtrommel*, девица-канканщица = *Cancantänzerin*.

В качестве неологизмов из общественнонаучной области можно привести: активист-общественник = *gesellschaftlicher Aktivist*, встреча-семинар = *seminaritisches Treffen*.

По образцу сочетаемости аппозиции первого слова во многих случаях встречаются ряды образований: артист-гастролер, -исполнитель, -профессионал = *Gastierender*, -ausübender-, *Berufskünstler*; исполнитель-актер, -виртуоз, -инструменталист = *Solist-Darsteller*, *virtuoser Künstler*, *Instrumentalist*; инструмент-игрушка = *Spielzeuginstrument*, инструмент-тип = *Typeninstrument*, *Grundmodell einer Instrumentenfamilie*; композитор-верджиналист = *Komponist von Virginalmusik*; -виртуоз, -классик, -любитель, -мелодист, -реалист, -романтик; музыкант-инструменталист, -исполнитель, -певец, -педагог, -профессионал.

Детерминативные сложные слова с прогрессивным первым членом.

Имеется также определенное число асиндектонов, которые как детерминативные сложные слова проявляют обычную для сложных слов последовательность определяющих и оп-

ределяемых конституентов. Ими являются образования по иноязычному образцу с заимствованным иноязычным первым компонентом: джаз-банд Jazzband, джаз-оркестр Jazzorchester, контрабас-балалайка Kontrabaßbalalaika, контрабас-тромbones Kontrabaßposaune, контрабас-туба Kontrabaßtuba, променад-концерты Promenadenkonzerte, регистр-пере Registerschieler -klappe.

В качестве новообразований можно еще привести поп-ансамбль, поп-кухня,екс-боевик.

Детерминативные сложные слова с прогрессивно-детерминативным влиянием первого члена встречаются при обозначении тонов и вида тонов, которые следует объяснить как заимствования по примеру международного употребления: ре мажор — D-Dur, ре минор — d-moll, ре-диез — dis, соль мажор — GG-Dur, соль минор — gMoll, соль-диез — gis, ми мажор — E-Dur, ми-минор — e-Moll, ми-диез — eis, до мажор — C-Dur, до минор — c-Moll и др. Так же как у терминов с иноязычными названиями букв в естественных науках, как альфа-лучи, бета-распад, аш-кислота<sup>7</sup> и т. д., определяющий член сочетания стоит слева.

### 1. 2. Копулятивные сложные слова.

Небольшая группа асиндентных сложных слов содержит автосемантические конституенты согласующихся друг с другом: автор-исполнитель, композитор-виртуоз, музыкант-певец, музыкант-потешник, певец-музыкант, певец-сказитель, поэт-певец. Во всех случаях речь идет об обозначениях деятелей музыкальной культуры. Предметные обозначения в этом типе не проявляются. Этим общественные дисциплины отличаются от естественных и технических<sup>8</sup>.

2. Семантический анализ асиндентных сложных слов из области музыки в семантическом аспекте показывает, что сочетание служит уточнению и дифференциации, оценке, причем в области музыки в целом можно выделить три семантические группы.

2. 1. Обозначения, определяющие профессию и вид деятельности, как музыкант-педагог, музыкант-инструменталист, автор-исполнитель, поэт-певец, артист-профессионал, певец-солист, пианист-аккомпаниатор, композитор-верджиналист, исполнитель-инструменталист и т. д. Оценку выражают такие сложные слова, как исполнитель-виртуоз, композитор-классик.

2. 2. Определяющие обозначения для инструментов или их частей, а также функций: саксофон-альт, саксофон-бари-

тон, саксофон-бас, зарюсофон-альт, зарюсофон-контрабас и т. д.; флейта-пикколо, контрабас-балалайка и т. д.; корпус-резонатор, регистр-переключатель; барабан-гong, инструмент-игрушка.

2. 3. Определяющие обозначения музыкальных жанров: опера-водевиль, опера-мистерия, опера-сказка, песня-ария, песня-гимн, песня-романс, песня-марш, песня-танец, танец-хоровод; симфония-кантата, симфония-концерт и т. д.

3. Сопоставительный анализ словообразовательной структуры немецких эквивалентов, соответствующих русским асиндентным сложным словам. Для обучения иностранным языкам представляет интерес получить выводы из лингвистического анализа и указания для передачи языковых явлений в другом языке. По структуре и функции асиндента русского языка следует выделить, какие словообразовательные структурные типы соответствуют асиндентонам в немецком языке или используются для их перевода в общественных науках. Аппозиционные образования как в русском языке в немецком встречаются тоже (сравн. *Gastdozent*, *Schülerlotse*), но они в количественном отношении представлены мало<sup>9</sup> и используются для передачи русских асиндентных сложных слов как заимствования, напр. *Flieger-Kosmonaut*, *Sänger-Rezitator*, *Dichter-Sänger*.

Среди сочинительных и подчинительных сложных слов русского языка для эквивалентов немецкого языка можно установить две различные структуры.

3. 1. Сочинительным сложным словам русского языка соответствуют в немецком языке согласованные сочетания со связкой между двумя существительными: автор-исполнитель = *Komponist und Interpret*; композитор-виртуоз = *Komponist und Virtuose*; музыкант-певец = *Sänger und Musiker*; певец-музыкант = *Musikant und Sänger*; поэт-певец = *Dichter und Sänger*. Последовательность конституентов в немецком языке может быть при этом такой, как в русском языке, или наоборот. Словообразовательную структуру русского и немецкого языков можно в виде формулы выразить следующим образом: русск. ( $N_1\text{Nom}—N_2\text{Nom}$ ) = нем. ( $N_{\text{Iz}} + K + N_{\text{Iz}}$ ).

3. 2. Подчинительные сложные слова русского языка в немецком языке в большинстве случаев передаются с помощью подчинительных сложных слов. Но вместо асиндентонов ими бывают сложные слова с соединением или без него и по сравнению с русским языком наблюдается обратная последова-

тельность компонентов: артист-профессионал = Berufskünstler, инструмент-игрушка = Spielzeuginstrument, корпус-резонатор = Resonanz-körper, опера-балет = Ballettoper и т. д. Из неологизмов сюда относятся, например: народы-братья = Völker-völker и президент-исполнитель = Exekutivpräsident.

Русский определяющий второй компонент асиндентного сложного слова в немецком становится определяемым словом сложного слова, что можно представить в виде следующей формулы:  $(N_1 - N_2)$  русск. =  $(N_2/F/N_1)$  нем.

3. 3. Кроме того, русские асиндентные детерминативные сложные слова в немецком часто передаются посредством двухчленных словосочетаний из прилагательного или причастия плюс существительное, причем прилагательное/причастие представляет второй член русского языка: артист-гастролер = *gastierender Künstler*, артист-исполнитель = *ausübender Künstler*, исполнитель-виртуоз = *virtuoser Künstler*, композитор-реалист = *realistischer Komponist*, балетмейстер-репетитор = *einstudierender Balettmeister* и т. д. В общем виде:  $(N_1 - N_2)$  русск. =  $(A/P+N_1)$  нем.

3. 4. Только прогрессивные детерминативные сложные слова русского языка имеют в немецком одинаковую структуру вследствие того, что они являются заимствованиями по иностранному образцу: джаз-оркестр = *Jazz-Orchester*, и т. д. Правда, одинаковая структура касается только последовательности членов и существительных как конституентов, в то время как с точки зрения написания русской форме с дефисом соответствует немецкое слитное написание сложного слова:  $(N_1 - N_2)$  русск. =  $(N_1/F \cdot N_2)$  нем.

3. 5. В некоторых случаях принято передавать русские детерминативные сложные слова в немецком языке только одним конституентом, т. е. переводить только русский второй член: песня-романс = *Romanze*, певец-кастрат = *Kastrat*, музыкант-скоморох = *Skomoroch*, музыкант-инструменталист = *Instrumentalist*, исполнитель-актер = *Darsteller*, *Schauspieler*, исполнитель-солист = *Solist*, композитор-верджиналист = *Verginalist*.

Русский определяющий первый тип в немецком выпадает, поэтому формула в данном случае выглядит так:  $(N_1 - N_2)$  русск. =  $(N_2)$  нем.

3. 6. Наконец, в некоторых случаях русские детерминативные сложные слова в немецком передаются, исходя из русского первого члена, существительным плюс описание (перифраз): композитор-мелодист = *Komponist von melodiöser Mu-*

sik, композитор-любитель = Komponist aus Liebhaberei<sup>10</sup>, композиторы-кучкисты = die Komponisten des «Mächtigen Häufleins», аккомпаниатор-гитарист = Begleiter auf der Gitarre. К этой группе относится целое число новообразований русского языка, как, например: альбом-выставка = Album, dessen Blätter sich für Ausstellungszwecke eignen, выставка-ярмарка = Ausstellung mit Messecharakter, лекция-показ = Vorlesung mit Demonstration, магазин-квартира = Möbelgeschäft mit aufgebauten Wohnraumeinrichtungen, учитель-смежник = Lehrer, der mehrere Fächer unterrichtet. Во всех этих случаях русский определяющий второй член в немецком выражается с помощью перифраза, причем перифраз служит определению идущего впереди существительного, таким образом: (N<sub>1</sub>—N<sub>2</sub>) русск. (N<sub>1</sub>+Pph) нем.

В заключение следует констатировать, что сравнительное сопоставление русских асиндентных сложных слов с их немецкими эквивалентами дает очень пеструю картину последних.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Ср.: Новое в русской лексике. Словарные материалы-77. Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1980, с. 175.

<sup>2</sup> Kretschmar E. Asyndetische Bildungen in der terminologischen Lexik der russischen Gegenwartssprache.—In: Sprache in Wissenschaft und Technik. Ein Sammelband. Herausgeg. von L. Hoffmann. Leipzig, 1978., S. 141—147.

<sup>3</sup> Stöckl E. Russisch-Deutsches Fachwörterbuch der Musik. Beiträge zur spezialsprachlichen Ausbildung. Hert. 2. Hrsgvv. K. Hengst. Pädagogisches Institut, Zwickau, 1970.

<sup>4</sup> Balter G. Fachwörterbuch Musik deutsch-russisch und russisch-deutsch. Moskva — Leipzig, 1976, S. 484.

<sup>5</sup> Ср.: Грамматика русского языка. Т. I. М., 1960, с. 274, § 465, абз. 2.

<sup>6</sup> Vgl. Lexikologie. Verfaßt von einem Autorenkollektiv unter Leitung von L. Wilske. Leipzig, 1978, S. 154, Nr. 341, Abs 1.

<sup>7</sup> Vgl. E. Kretschmar, a. a. o., S. 145.

<sup>8</sup> Vgl. hierzu ebd S. 144.

<sup>9</sup> Vgl. W. Fleischer, Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1969, S. 97, u. 101.

<sup>10</sup> Переводится так же, как Liebhaberkomponist, dilettantischer Komponist.

## СОДЕРЖАНИЕ

### *Семантико-системные отношения на лексико-семантическом уровне*

<i>I. B. Сентенберг</i> (Волгоград). Значение слова и возможности его варьирования . . . . .	3
<i>B. C. Виноградова</i> (Волгоград). Синонимический ряд как парадигма семасиологического уровня . . . . .	12
<i>L. H. Давыденко</i> (Волгоград). Аспектуальные характеристики лексического значения глаголов (На материале глаголов, выражавших понятия «начало» и «конец» в современном английском языке)	22
<i>E. И. Шейгал</i> (Волгоград). Комбинаторика внутренних интенсивов . . . . .	30
<i>T. Н. Астафурова</i> (Волгоград). Значение пространственной повторяемости в слове и словосочетании . . . . .	38
<i>E. M. Стомпель</i> (Астрахань). К вопросу о семантической классификации лексических единиц . . . . .	47
<i>B. И. Супрун</i> (Волгоград). Особенности выделения лексико-семантической группы этнонимов . . . . .	52
<i>B. C. Виноградова</i> (Волгоград). К вопросу о лексико-семантическом уровне и его единицах . . . . .	62
<i>T. С. Чуприна</i> (Волгоград). О качественных адвербиалиях в английском языке . . . . .	69
<i>L. Е. Колесникова</i> (Волгоград). Сочетаемость глагола donner в старофранцузском языке . . . . .	79
<i>C. И. Подобед</i> (Волгоград). Лексико-синтаксическая сочетаемость существительного Kopf в немецком языке . . . . .	85
<i>A. M. Пауткин</i> (Брянск). О причинах расхождений в семантическом развитии однокоренных английских и датских глаголов . . . . .	91
<i>G. Е. Мальковский</i> (Одесса). Системность частичной вариантности . . . . .	109
<i>K. Бергман</i> (ГДР, Цвиккава). К вопросу о специфике языковых норм и их систематизации . . . . .	107
 <i>Семантико-системные отношения на словообразовательном уровне</i>	
<i>B. И. Шаховский</i> (Волгоград). О способах эмотивной номинации . . . . .	113
<i>T. В. Максимова</i> (Волгоград). Некоторые типы контекстов, характерных для префиксальных глаголов английского языка . . . . .	121
<i>H. A. Альбина</i> (Свердловск). Семантические функции в системе языка и их реализация на словообразовательном уровне . . . . .	127
<i>C. D. Береснев, Ю. И. Скоморохов</i> (Ульяновск). О семантике сложносокращенных слов в современной немецкой прогрессивной прессе . . . . .	133
<i>B. В. Лебедев</i> (Астрахань). Семантические и морфологические особенности системы словосложения словесных товарных знаков . . . . .	137
	167

<i>Н. В. Гуляхин</i> (Волгоград). О словообразовании и функционировании наречий с компонентами -mal и -mals . . . . .	143
<i>Л. В. Чубова</i> (Москва). К вопросу об усечении и типах усеченных слов в современном немецком языке . . . . .	151
<i>К. Хенгст</i> (ГДР, Цвиккау). Асиндентные сложные слова в лексике современного русского языка в сравнении с немецким (На примере подъязыка музыковедения) . . . . .	161

## СЕМАНТИКО-СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ ГЕРМАНСКИХ И РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Темплан 1981 г. № 181

Тех. редактор В. Ф. Крашенинникова. Корректор К. И. Колесникова

Сдано в набор 06.04.81. Подписано в печать 17.12.81. НМ 08014  
 Формат 60 × 84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бум. газетная. Литературная гарнитура. Высокая  
 печать. Усл. печ. л. 9,76. Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 800. Заказ 122.  
 Цена 1 р. 45 к.

Волгоградский пединститут, проспект В. И. Ленина, 27. Типография изд-ва  
 «Волгоградская правда». Волгоград, Привокзальная площадь.